



"Случайное знакомство"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дождь лил как из ведра. Одежда становилась все тяжелее и тяжелее, впитывая в себя потоки воды, низвергавшиеся с небес. Войдя в автобус, Лиза Фримен поплотнее запахнула свое толстое синее пальто, мечтая, чтобы произошло чудо и на ней вместо насквозь промокшей одежды был легкий непромокаемый плащ.

Ей хотелось оказаться сейчас в такси, несущемся в аэропорт, а не стоять тут, в автобусе, который опаздывал, и, нервно глядя каждые пять минут на часы, повторять, что она уже точно не успеет на самолет. Сейчас будущее казалось ей еще более туманным, чем когда она выскочила под дождь без зонта и шляпы, с одним чемоданчиком в руке.

Лиза со злостью поставила чемодан на пол и, наверное, уже в сотый раз взглянула на часы. Потерев уставшую руку, девушка попыталась успокоить себя мыслью, что скоро улетит от этой ужасной погоды. Там, куда она направлялась, всегда светит солнце — так по крайней мере уверяли синоптики. В Испании, как она прочла в газете, тепло и солнечно. Жары, конечно, ожидать не стоило — все-таки январь, но там наверняка гораздо теплее, чем в промозглой Англии с ее бесконечным дождем, перемежающимся снегом, с небом, затянутым беспросветными тучами, с ветрами и с таким же унылым прогнозом еще на пару месяцев.

Сквозь пелену дождя смутно замаячило здание аэровокзала, и Лиза почувствовала, как ее волнение нарастает. Она еще ни разу не выезжала за границу. Раньше она и мечтать не могла о том, чтобы уехать на праздники из страны. Да ей и в голову не приходила подобная мысль. Все свое детство Лиза провела в дороге — отец постоянно менял работу. Жили они в самых дешевых квартирах, но едва жизнь начинала налаживаться, как они снова срывались с места.

Бесконечные переезды не раздражали ее — по крайней мере с тех пор, как она стала старше и поняла, что друзья — это просто друзья, а полагаться в жизни можно только на себя.

Родители ее умерли, но полное перемен детство упорно продолжало напоминать о себе. Последние три года она жила в хорошей, уютной квартире, и все это время ей не давали покоя мысли о других странах, о других людях.

Тем не менее до сегодняшнего дня, все свои двадцать четыре года, несмотря на то что заграничные поездки не считаются чем-то из ряда вон выходящим и стоят относительно недорого, она еще ни разу никуда не выезжала, предпочитая тратить деньги, заработанные тяжелым трудом, на родине.

Каждый день в течение последних трех лет Лиза говорила себе, что ей нравится ее теперешняя жизнь, — и все-таки продолжала хранить красочные брошюры туристических фирм, обещающих сказочный отдых на Средиземном море или Сейшельских островах. Да, в глубине души она мечтала побывать за границей, увидеть другие страны, но не могла себе этого позволить — цены были слишком высокими в сравнении с ее весьма скромной зарплатой.

И Лиза продолжала мечтать, прекрасно понимая, что вряд ли когда-нибудь сможет поехать на Сейшелы и тому подобное. Разглядывала красочные проспекты с пленительными пейзажами и грустно вздыхала. Средиземное море тоже выходило за рамки ее возможностей — она тщательно все просчитала, скрупулезно взвесила все «за» и «против» и все равно была вынуждена отказаться. Но зато она могла себе позволить провести две недели в Коста-дель-

Соль. Дело оставалось только за автомобилем.

На своем автомобиле Лиза ездила уже три года, и ей всегда казалось, что расходы на ремонт машины слишком велики, она могла оплачивать ремонтные работы только благодаря жесткой экономии. Но все же автомобиль символизировал ее принадлежность к определенному слою общества. Лиза подозревала, что почти все поломки происходят по ее вине, и после долгих размышлений решила, что лучше ей продать машину и устроить себе столь желанные двухнедельные каникулы за границей.

Все эти воспоминания нахлынули сейчас на нее совсем не вовремя — надо было спешить.

Лиза подняла чемодан, ставший почему-то более тяжелым, чем несколько минут назад, и еще раз вспомнила о конверте, оказавшемся в ее почтовом ящике три месяца тому назад.

Она, Лиза Фримен, не избалованная жизнью, вдруг выиграла путешествие за границу, и сейчас страшно волновалась.

Задумчиво улыбаясь, она сошла на мостовую, глядя на огромное здание, которое сквозь завесу дождя выглядело расплывчато. И в этот момент произошло то, что совершенно изменило ход событий.

Как случилось, что она оказалась на мокрой дороге? Может, она, занятая своими мыслями, не заметила машины? А водитель из-за дождя не увидел ее?

Как при замедленной съемке, в мозгу запечатлелся несущийся на нее автомобиль. Водитель заметил Лизу, когда оставалось меньше метра, с криком нажал на тормоза и резко свернул в сторону, но все же задел ее...

Девушка лежала на земле и не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, но думала только о том, что долгожданных каникул в солнечной Испании не будет. С раннего утра она дрожала в предвкушении предстоящего путешествия — и вот теперь все сорвалось. Ей даже не приходила в голову мысль, что она счастливица, поскольку осталась в живых.

У Лизы жутко болела нога, и пульсирующая боль заставляла ее скрипеть зубами, но невыносимее всего были мысли о самолете, взмывающем в небо и улетающем в солнечную страну — без нее. Все пассажиры уже сидят в самолете — все, кроме нее, лежащей на земле, да еще и со сломанной ногой. Даже если нога не сломана, ходить она сможет еще нескоро.

Девушка застонала, увидев, что вокруг уже собралась толпа и что ее чемодан раскрылся, выставив на всеобщее обозрение насквозь промокшие вещи.

— Я вызвал «скорую помощь» по мобильному телефону, — внезапно услышала Лиза рядом с собой. — Так что через несколько минут подъедет врач.

Толпа любопытствующих зашевелилась, услышав это. Подошедший мужчина, резко и властно махнув рукой, предложил всем разойтись. Властности ему было не занимать, и через минуту толпа рассеялась.

Лиза взглянула на него. У незнакомца были черные волосы, намокшие под дождем и прилипшие к лицу, но его это, по всей видимости, не беспокоило. Выражение лица мужчины было дерзким и агрессивным. Этого вполне хватило, чтобы быстро разогнать всех любопытных.

Мужчина посмотрел на Лизу, и девушка в этот краткий миг поняла, что у незнакомца

мужественное и удивительное лицо. Черты у него были резкими, глаза голубыми, а пристальный взгляд выдавал человека, рожденного повелевать.

— Вы служитель аэропорта? — слабым голосом проговорила Лиза, и уголки его губ изогнулись в еле заметной улыбке.

— А что, я похож на работника аэропорта?

Надо же, у него еще и прекрасный голос, подумала девушка, глубокий, ленивый, с насмешливым оттенком, придающий ему какой-то особенный шарм.

Послышалась сирена «скорой помощи», спешащей к ним.

— Я думала, они вовсе не приедут, — со слабой усмешкой произнесла Лиза, уже не вспоминая о пропавшем отдыхе, а считая секунды до того момента, когда же ей сделают долгожданный укол, который снимет эту невыносимую боль. — Или же они повстречали по дороге еще нескольких таких же несчастных, как я.

Мужчина, все еще нависавший над ней как скала, засмеялся. Он явно не работник аэропорта. Как она могла сморозить такую глупость? Стоит только посмотреть на его дорогой серый костюм, виднеющийся из-под распахнутого пальто, — это вовсе не униформа простого служащего. А у него довольно приятный смех, подумала девушка, закрывая глаза и чувствуя, что теряет от боли сознание. Добрый, низкий, искренний. Или же ей просто привиделось, что он смеется? Ведь от боли бывают галлюцинации, или нет?

Немного позже она услышала неясные, как сквозь туман, голоса, почувствовала, как кто-то осторожно осматривает ее ногу — но прикасается настолько умело, что почти не причиняет боли. Ей сделали обезболивающий укол, осторожно положили на носилки и понесли к «скорой помощи» — и это было последнее, что помнила Лиза.

Очнулась она уже в кровати, в небольшой комнате, и как только она открыла глаза, врач сунул ей в рот градусник.

— Я доктор Салливан, — улыбаясь, сказал мужчина. Медсестра, стоявшая рядом, вытащила градусник изо рта Лизы, взглянула на него и так энергично встряхнула, что Лиза почувствовала себя еще хуже. — Вы помните, как попали сюда?

Девушка заставила себя оторваться от лицезрения энергичной медсестры, что-то бойко записывающей, и сосредоточиться на вопросе доктора.

— Меня сбила машина, — с вялой улыбкой ответила она. А за компанию и мой чемодан, хотела было добавить она, но при одной мысли о чемодане в ней всколыхнулась горечь о пропавшем отдыхе за границей.

— И в результате — перелом ноги, — сказал врач, — да к тому же многочисленные ушибы. Но вам еще крупно повезло, что так легко отделались.

— Мне бы крупно повезло, если бы это случилось не сейчас, а на пару недель позже, — хмуро, но совершенно серьезно ответила Лиза, и молодой врач, непонимающе взглянув на нее, произнес как можно мягче и ласковее:

— Ну разумеется, моя дорогая, разумеется... — И, нервно посмотрев на часы, затараторил: — К несчастью, это произошло сегодня. Вам придется провести у нас пару недель, пока не пройдет

слабость и не срастется кость. Медсестра вам покажет все, что нужно, а я забегу к вам попозже.

Медсестра сухо улыбнулась и, как только врач ушел, шумно поправила постель, показала, где находится кнопка вызова, как выключать свет, пододвинула пульт управления телевизором и, уже стоя в дверях, сказала:

— К вам посетитель. Пригласить его войти?

— Посетитель? Кто?

— Наверное, ваш молодой человек. Он доехал с вами до больницы и ждет, когда вы сможете его принять.

Лиза хотела бы задать медсестре еще несколько вопросов — в частности, куда делся ее чемодан, который она видела в последний раз на дороге, где он валялся раскрытый, а все вещи мокли под дождем, — но та уже ушла. Зато вместо нее в палату вошел мужчина, оставшийся с ней тогда до приезда «скорой помощи». Видимо, он и есть посетитель. Тот самый человек, которого Лиза очень хорошо запомнила, но имени которого не знала.

Когда незнакомец вошел и аккуратно закрыл за собой дверь, девушка почувствовала, как волна радости охватила ее. Но еще она почувствовала странное смущение, да и язык вдобавок отказывался повиноваться.

Как все это глупо! — изумилась Лиза. Я же взрослая женщина. И давно уже не ребенок, мотающийся с родителями по всей стране, не неуклюжий подросток, без какого-либо сексуального опыта, не юная девушка, самая скромная из своих сверстниц, беспрестанно хихикающих и стреляющих глазками в сторону понравившегося мальчика. Произнеся мысленно этот бурный монолог, Лиза почувствовала себя лучше.

Девушка украдкой рассматривала своего посетителя, пока он подтаскивал один-единственный стул к постели. Удобно усевшись, он не менее внимательно оглядел Лизу.

— Хотя мы и не были представлены друг другу, это не помешало нам разговаривать несколько часов назад, не так ли? — сказал он, и его голос был именно таким, каким она его запомнила. Глубокий, поневоле привлекающий внимание собеседника. Завораживающий, одним словом. — Как вы себя чувствуете?

И одежда, и волосы незнакомца были абсолютно сухими. А какие у него были длинные, черные ресницы! Он снял пиджак и жилет, а рукава белой рубашки закатал до локтей, так что Лизе хорошо были видны его сильные руки с завитками темных волос.

— Прекрасно, — проямлила Лиза. — Вот только ходить некоторое время не смогу, но думаю, что скоро буду в норме.

— Кстати, меня зовут Энгус Гамильтон, — улыбнувшись, он протянул ей руку. Лиза тоже протянула руку, но, едва коснувшись его теплой кожи, почувствовала нечто похожее на слабый удар током и поспешила убрать руку обратно под накрахмаленную простыню.

— Лиза Фримен, — заливаясь краской, ответила она. — Медсестра сказала, что вы приехали в больницу вместе со мной... Не стоило так беспокоиться, в самом деле.

— Нет, я должен был приехать. — Энгус попытался поудобнее устроиться на стуле, который был

слишком мал для него. — Понимаете, вас сбил *мой* шофер. Вы слишком поздно увидели друг друга. Вы в шоке не смогли сдвинуться с места, а шофер хоть и затормозил, но все же задел вас. Вот и вся история. — Во время рассказа Энгус не сводил с Лизы пристальных голубых глаз.

— Да... — вздохнула девушка. — Надо было идти по пешеходному переходу, — честно признала она. — Но я страшно спешила. — При воспоминании о столь желанном отпуске и лихорадочных сборах ком подступил к горлу. — Вы случайно не знаете, что стало с моим чемоданом?

— Я собрал все вещи и отдал их медсестре. Вы спешили на самолет?

— Да, я ехала на отдых. — Лиза всегда считала себя выдержанным человеком, но сейчас не смогла удержаться, и слезы брызнули у нее из глаз.

— Мне действительно очень жаль. — И, к еще большему смущению Лизы, Энгус протянул ей чистый носовой платок. — Я не знаю, что делают в подобных ситуациях, но, разумеется, постараюсь как-нибудь искупить свою вину. Я уже заплатил за ваше пребывание в больнице и, конечно же, возьму ту сумму, которую вы заплатили за отдых.

— В-вы заплатили за мое лечение? — запинаясь, переспросила Лиза.

— Да, и за отдельную палату.

— Но в этом нет необходимости! — Лиза ошеломленно посмотрела на Энгуса — даже плата за общую палату в больнице была довольно высокой, а что уж тут говорить об отдельной?

— Это самое малое, что я мог сделать для вас, — нахмурившись, пояснил Энгус.

— Нет, это уже слишком, — упрямо продолжала девушка. — Я не могу позволить вам платить за несчастный случай, раз он произошел отчасти по моей вине, а отчасти по вине разверзшихся в неподходящее время небес! — Хотя если быть честной, то виновата она, а не погода — надо же смотреть, куда идешь, а не витать в облаках. Лиза вздрогнула при воспоминании о случившемся.

— Не глупите, — продолжал уговаривать ее Энгус, рассерженный и сбитый с толку упорством девушки.

— Я в самом деле не возьму у вас денег.

— А как же испорченный отдых?

Лиза тяжело вздохнула, представив себя нежащейся в ласковой водичке шикарного бассейна. Но обмануть этого человека, как и любого другого, она не могла.

— Я выиграла поездку. Увидела в журнале объявление о конкурсе, послала письмо — и выиграла! Так что не думайте, что я заплатила деньги за этот тур.

— Так вы в самом деле *выиграли* путешествие? — В его голосе послышалось такое изумление, будто он в жизни не слышал о том, что можно что-то выиграть.

— Я не могу позволить себе купить путевку! — В голосе Лизы одновременно прозвучали вызов и обвинение.

Девушка еще раз внимательно посмотрела на мужчину, но уже не на фигуру, а на одежду, ботинки, часы, и поняла, что платят ему, чем бы он ни занимался, очень даже неплохо. От него

буквально веяло не просто недостатком, а богатством. Он явно был не из ее социального круга, ни даже из того, куда Лиза мечтала попасть. Он был рожден, чтобы повелевать. И Лиза интуитивно поняла, что надо бы вести себя с ним повежливее.

— Тем более вы должны...

— В любом случае я не приму от вас деньги! Я сама виновата в случившемся и почувствую себя мошенницей, если возьму хоть пенс.

— Ради всего святого, я могу себе это позволить! — Он начал смотреть на нее как на не совсем нормальную. — Так что у вас нет причин чувствовать себя «мошенницей»!

— Я повторяю еще раз: нет!

— Вы всегда так упрямы? — устало вздохнул Энгус. — Знаете, вы первый человек, который не просто отказывается взять деньги, а буквально швыряет их мне в лицо.

Мужчина улыбнулся, и улыбка была столь обаятельна, что Лиза почувствовала легкое головокружение. И как только она умудрилась встретить такого потрясающего мужчину? И почему он так опьяняюще действует на нее? Или же это действие болеутоляющих, которыми ее напичкали? Видимо, из-за лекарств она не могла сосредоточиться, да и лицо Энгуса видела расплывчато. Немного поморгав, Лиза вновь посмотрела на него, но дышать было по-прежнему трудно, как будто что-то тяжелое положили ей на грудь. Доктор сказал, что много ушибов...

— Вы работаете? — По всей видимости, его любопытство еще не иссякло. — У вас оплачиваемый отпуск или нет? Сможете вы еще раз взять отпуск в этом году?

— Может, я и упряма, — язвительно пробормотала Лиза, — но точно не такая любопытная, как вы!

— Все люди такие, — не сдавался Энгус, глядя на девушку со странной смесью удивления и уважения.

— Да-а? В каком же мире, скажите на милость, вы живете! Все люди там страшно любопытны, да к тому же буквально силой навязывают деньги ни за что ни про что, причем совершенно незнакомым людям.

Энгус взглянул на Лизу с таким изумлением, что она покраснела, сильно смутившись. Она снова почувствовала себя четырнадцатилетней девчонкой в школьной форме, с волнением ждущей своего первого свидания в надежде, что *ОН* не заметит коробок, стоящих в крошечной гостиной и еще только наполовину распакованных, заверит ее, Лизу, что она потрясающая красотка, хотя зеркало неумолимо твердит, что она совсем не красавица, а просто угловатый «гадкий утенок». Она всегда была робкой и сдержанной, и уверенности в своих силах в ней не было ни капли. Правда, за последние годы она сумела придать себе видимость решительной и уверенной женщины. Но сейчас этот образ разрушился под влиянием Энгуса.

— Вы смеетесь надо мной, правда? — обиженно спросила она.

— Смеюсь над вами? — Темные брови мужчины сошлись на переносице. — Ну что вы. Просто у вас такие замечательные принципы. Вами можно только восхищаться.

Нет, все же Энгус смеется над ней. Наверняка он думает, что она неуклюжая наивная простушка и Бог знает, что взбрдет ей в голову в следующий миг.

— Итак, — как можно спокойнее произнесла Лиза, — отвечаю на ваши вопросы: да, я работаю; этот оплаченный отпуск собиралась провести за границей; следующий отпуск у меня будет только в будущем году и, если вам уж так интересна моя жизнь, я ни разу не была в других странах.

— Вы ни разу не выезжали из Англии? — недоверчиво переспросил Энгус, и Лиза моментально ошетинулась.

— Угу. А вы что, плохо слышите? — довольно резко поинтересовалась она.

— Сейчас я хорошо расслышал вас, — в тон ей ответил Энгус. Он посмотрел на нее так, как будто она была самым странным существом, не имеющим себе подобных в этом мире и отстаивающим свои принципы даже ценой жизни. Ему нравилось в ней все — даже то, как она запиналась от волнения.

— М-мои родители очень много ездили по стране... Папа не мог... он не мог долго жить в одном месте... и мама... мама тоже... Они... они говорили, что жизнь... жизнь — это движение. Теперь вы понимаете...

— Но ведь не всегда то, что хорошо для них, хорошо и для ребенка. Тем более вы были у них единственным ребенком, так? Или у вас есть братья и сестры?

— Нет... Но у меня были замечательные родители! — пылко воскликнула Лиза. Она действительно так считала. Разве что они были немного беспечными — к такому выводу она пришла, когда повзрослела, — но все же добрыми и ласковыми. К тому же она появилась, когда родители уже и мечтать не смели о ребенке — им было за сорок.

— И вот их последовательница, юная покорительница новых земель, не успев покинуть родную страну, оказалась в больнице, — сочувственно покачал головой Энгус, внезапно отклонившись от темы и совершенно сбив этим Лизу с толку.

— Я думаю, это вмешалась судьба, желая сказать мне что-то, — заключила она со слабой улыбкой.

За окнами сгустилась ночь — темная, холодная, беззвездная. Яркий свет электрической лампочки лишь подчеркивал совершенные черты лица Энгуса. Глядя на него, девушка забеспокоилась, как же выглядит она сама. Доктор сказал, что у нее хватает синяков, так что, скорее всего, на ее лице все цвета радуги, а высохшие, но не расчесанные волосы напоминают космы ведьмы.

Лиза страшно смутилась. Подобное уже происходило с ней в юности, когда после просмотра любимого фильма она безуспешно пыталась причесаться и накраситься так, как главная героиня, и очень страдала, поскольку у нее ничего не получалось.

Но сейчас Лиза не могла припомнить, когда же она последний раз занималась своей внешностью. Глядя в зеркало, она мечтала увидеть в нем высокую, пышногрудую блондинку. В ранней юности она была слишком неуклюжей и робкой и, став женщиной, так и не сумела преодолеть неуверенности в себе.

Теперь, лежа на больничной койке, Лиза чувствовала себя очень некрасивой. Слишком бледной, с самым обычным лицом, без малейшего намека на красоту или чувственность, с заурядными каштановыми волосами, с фигурой, лишенной привлекательных выпуклостей.

— А где именно вы работаете? — не унимался Энгус.

— Вам действительно интересно? Кстати, а вы не думаете, что находитесь здесь уже слишком долго? Вы случайно никуда не торопитесь?

— Ну вы и упрямые! — выдохнул он, откидываясь на спинку стула и закладывая руки за голову. — И как любите поспорить!

Любит спорить? Она? Да она в жизни ни с кем не препиралась! Всегда предпочитала отойти в сторону и уже оттуда наблюдать за яростными дебатами других.

— К вашему сведению, я никогда не замечала за собой ни упрямства, ни особой любви к спорам! — язвительно сообщила Лиза, но тут же вспомнила о своем решении быть повежливее и немного сбавила тон: — Я просто хотела сказать, что вы не должны чувствовать себя обязанным сидеть здесь и болтать со мной из-за того, что ваш шофер сбил меня.

— Заверяю вас, я никогда не делаю того, чего мне не хочется, — сухо проинформировал ее Энгус. — Не в моих правилах общаться с людьми, которые мне неинтересны, так что можете не сомневаться в моей искренности.

— В общем, я работаю в питомнике [1].

— Присматриваете за оравой кричащих и ревущих малышей? — В его голосе прозвучало что-то такое, что заставило Лизу задуматься, женат ли Энгус. Скорее всего, нет. После его немного пренебрежительного отзыва о детях она почти уверилась, что детей у него нет, иначе он не говорил бы о них так. Да он и не производил впечатления женатого мужчины — слишком уж суровый и прямолинейный.

— Дети плачут, только когда больны или ушиблись, — как можно спокойнее ответила Лиза. — А я работаю в питомнике «Любители цветов», если уж вам так интересно.

Да, ей еще надо бы не позабыть позвонить Полу и рассказать, что произошло. Его эта новость сильно расстроит. Он так радовался за нее, когда она выиграла поездку. Пол всегда говорил, что она слишком много работает, но ей нравилось возиться с растениями. Если бы она не оставила школу в семнадцать лет, то вполне могла бы поступить в университет и заняться ботаникой.

— А где работаете вы? — поинтересовалась Лиза.

— В рекламном агентстве «Гамильтон Скотт».

— О, как интересно! — изобразила вежливую улыбку Лиза. — А чем именно вы занимаетесь?

— «Вам действительно интересно?» — передразнил ее Энгус — «Вы не должны чувствовать себя обязанной болтать со мной!» — Он улыбнулся, видя ее реакцию. — А вы знаете, что выглядите очаровательно, когда смущаетесь?

Ярко-голубые глаза Энгуса остановились на лице девушки, и Лиза не знала, что ответить. Она не привыкла флиртовать — а это был откровенный флирт — и растерялась. К тому же между ними такая разница — он работает в рекламном агентстве, в столь интересной области, а она — в питомнике, весь день копается в земле и компосте, одетая в грубый рабочий комбинезон, с небрежно подколотыми волосами.

— Мне принадлежит компания «Гамильтон Скотт», — как бы между прочим сказал Энгус. — Отец основал ее, но после ряда неудачных проектов компания оказалась на грани банкротства, я же постарался восстановить ее. — Он все еще улыбался, но только теперь под улыбкой скрывался человек, вызывающий страх и невольное уважение.

— Хорошо, — пробормотала Лиза, просто не зная, что сказать.

Энгус широко улыбнулся:

— Это все, что вы можете сказать? Неужели на вас не произвела впечатления ни моя работа, ни?..

— Что «ни»?

— Ни я?

Лицо Лизы вмиг стало пурпурным, и она почувствовала, как в ней начинает закипать раздражение. Ей были неприятны поддразнивания Энгуса, намеки, что она заинтриговала его, и вовсе не потому, что она сексуальна или впечатляюще красива, а оттого, что ему она в диковинку и принадлежит к типу людей, с которыми он до этого не общался. Короче, на пороге двадцать первого века, в эпоху всеобщей искушенности и распушенности, она казалась ему динозавром.

вернуться

1

Nursery (*англ.*) переводится и как «ясли для детей», и как «питомник для цветов».

— Мне всегда нравились люди, умеющие добиваться своего, — холодно ответила Лиза. — Мой начальник, Пол, начинал свое дело практически на голом месте, имея лишь ссуду в банке и страстное желание работать. Сейчас он добился успеха, и *им* я восхищаюсь. Но вообще-то я больше уважаю людей за их душу, а не за успехи по службе. Человек может иметь прекрасный автомобиль, жить в огромном удобном доме, много путешествовать, но не быть заботливым, чутким и честным. Так что богатый и справедливый — вовсе не синонимы. — Хотя данный монолог напоминал проповедь, Лиза не взяла бы обратно ни единого слова: она в самом деле так считала.

— А что, деньги совсем ничего для вас не значат? — приподнял одну бровь Энгус, и Лиза снова почувствовала магнетическую силу его обаяния.

— Почему же, если они обеспечивают необходимый комфорт.

— Неужели вы не хотели бы стать богатой?

— Нет. Позвольте поинтересоваться, а как вы относитесь к беспрестанной жажде накопления?

— Всех денег не заработаешь, — после небольшой паузы наконец изрек он, словно в жизни не задумывался над этим вопросом. — У меня больше денег, чем я могу потратить, но я все равно продолжаю приумножать их. Я получаю ни с чем несравнимое удовольствие, когда поднимаюсь еще на одну ступень благосостояния. — Немного помолчав, Энгус сменил тему, неприятную им обоим, спросив: — Как долго вы здесь пробудете?

— Около двух недель. А если повезет, то и меньше. Я бы предпочла выздоравливать дома.

— А там есть кто-то, кто мог бы ухаживать за вами, по крайней мере первое время? Ваш молодой человек, например? — Полуприкрытые голубые глаза Энгуса так и пронзали девушку, нервируя ее.

— О, нет, — беззаботно ответила Лиза, — на данный момент у меня никого нет. — Создавалось впечатление, что за легкомысленными словами скрывается «черная полоса» ее жизни, когда старая любовь уже прошла, а новая еще не появилась. Но это было так далеко от истины, что Лизе захотелось рассмеяться.

Роберт, ее последний ухажер, работал в автосервисе и мечтал о жене, собственном доме с верандой, о нескольких ребятишках и бифштексе каждую пятницу. Лизу же данная перспектива привела в ужас, и она быстро порвала с Робертом всякие отношения. Стабильность, так манившая его, страшно пугала Лизу, опасавшуюся завязнуть в болоте каждодневной рутины. Разрыв, как подтвердилось позже, оказался лучшим решением. С тех пор прошло уже два года, но Лиза все еще не завязала ни с кем близких отношений, оказавшись натурой гораздо более впечатлительной, чем ей бы хотелось.

— Вообще-то, недалеко от меня живут друзья, но я смогу сама справиться со всеми делами.

— На самом деле сможете?

— Безусловно. — И, видя, что он продолжает с сомнением смотреть на нее, добавила: — Справлялась же я раньше.

— Ладно, — задумчиво ответил Энгус. — Понадеемся на это. — Встав со стула, он опустил закатанные рукава рубашки, надел жилет и сунул руки в карманы. — Повторяю еще раз: мне очень жаль, что все так вышло.

— Не жалеете ни о чем, — произнесла Лиза более ледяным тоном, чем намеревалась. — Это жизнь. Мне надо было смотреть, куда иду, а не витать в облаках.

— Неужели вы в самом деле верите, что судьба специально подстроила несчастный случай?

Лиза покраснела, но промолчала.

— Ну, раз не хотите отвечать, то и не надо, — спокойно сказал он, грустно улыбаясь, и снова повторил, как ему жаль, что сорвался ее отпуск. Он протянул Лизе визитку, на которой были напечатаны его имя, название компании, номер факса и три номера телефона, по которым его можно найти. На оборотной стороне карточки был изображен замысловатый абстрактный рисунок, смысл которого, как ни силилась, она понять не смогла. — Позвоните мне, если все-таки вам взбредет в голову взять компенсацию за испорченный отдых, — сказал Энгус и, прежде чем она открыла рот, собираясь заявить ему, что все ее решения приняты сознательно, а не случайно «взбредли в голову», добавил: — Может, деньги для вас ничего и не значат, но если вы соберетесь поехать куда-нибудь отдохнуть, то буду счастлив оплатить все ваши расходы.

— Ладно, — кивнула Лиза, засовывая визитку под стакан с водой, стоящий на столике около кровати.

— Судя по вашему тону, вы не собираетесь звонить мне, да?

— Вы совершенно правы, — с улыбкой ответила Лиза, что окончательно вывело Энгуса из себя.

У двери он остановился и, немного помолчав, заявил:

— Дней десять меня не будет, но потом я зайду к вам, и не смейте говорить, что в этом нет необходимости, иначе я прямо сейчас сверну вашу нежную шейку.

— Вам не кажется, что сломанная нога да еще свернутая шея — это уже слишком? — усмехнулась Лиза. Но, увидев, что Энгус повернулся и взялся за дверную ручку, с удивлением поняла, что ей вовсе не хочется, чтобы он уходил.

Но и просить его остаться она тоже не могла, да и зачем? Тем более что его приход сюда — просто визит вежливости, если не сказать — жалости. И как она умудрилась разболтать ему о родителях? Она редко говорила о глубоко личных вещах, тем более с незнакомцами. Но сейчас, когда он покидал ее, Лиза почувствовала, что какой-то кусочек ее самой уходит вместе с ним. Она не понимала, что с ней.

— До свидания, Лиза Фримен, — тихо сказал он. — Вы удивительная девушка.

— До свидания, Энгус Гамильтон, — еле выговорила она, но никакого остроумного комментария, как она ни старалась, в голову не приходило. Ей ничего не оставалось, как просто улыбаться, пока дверь за ним не закрылась, а потом представлять, как он быстро идет по больничному коридору, а медсестры и пациентки оборачиваются ему вслед. В шикарной машине его дожидается шофер, готовый немедленно отвезти хозяина в его квартиру, особняк, пентхаус... или где он там живет.

Лиза попыталась переключиться на другие образы: она блаженствует в бассейне, ярко светит ласковое солнышко... Но через весьма непродолжительное время поняла, что все напрасно, ей не избавиться от мыслей о мужчине, чьего общества она лишилась по своей вине — фактически выгнала из палаты!

Сама Лиза жила в современной маленькой квартирке, уютно обставленной, с одной спальней. Питомник находился в нескольких милях от нее, так что, если ее «микро» в очередной раз ломался, она вполне могла прогуляться пешком. Все ее друзья жили неподалеку, а новых Лиза заводила с большой осторожностью. Но она очень дорожила ими, поскольку в детстве слишком часто ей приходилось расставаться с друзьями.

Также ее не слишком тяготило отсутствие любовника. Может, так было потому, что она до сих пор не встретила *своего* мужчину. Но сейчас ей казалось, что жить по-старому она больше не сможет.

Лиза никогда раньше не думала, что она одинока, но, лежа здесь, на больничной койке, поняла, что это действительно так.

Пол, ее начальник, довольно давно уже пытался сблизить ее со своим кузеном, расписывал его в самом радужном свете — он-де и умен, и со славным характером, да к тому же, как и сам Пол, страстный любитель футбола. При одной мысли о футболе бедная сломанная нога Лизы заболела так, что девушка подумала, а не попросить ли еще болеутоляющего у медсестры.

Но, повернувшись к кнопке вызова и увидев визитку Энгуса Гамильтона, она кинула ее в выдвижной ящик. С глаз долой — из сердца вон...

Вспомнив, что собиралась позвонить друзьям, Лиза пододвинула поближе телефон и, вздохнув, принялась выслушивать соболезнования, обещания навестить ее и принести журналы, цветы и виноград. Затем она позвонила Полу, сразу же закудахтавшему, как наседка над единственным цыпленком, и строго предупредившему, чтобы она не смела выходить на работу, пока окончательно не поправится, но он будет очень благодарен, если она сообщит ему телефон фирмы, которая завтра утром обещала привезти рассаду кустарника, поскольку его не будет в питомнике, а как связаться с ними, он не помнит.

Устало вздохнув, Лиза наконец положила телефонную трубку и, откинувшись на подушки, задремала. В ее снах царил только Энгус Гамильтон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошло два месяца, прежде чем сломанная нога Лизы окончательно зажила. Лиза все еще не выходила из комнаты, но скучать было некогда: навестивший ее Пол любезно прихватил с собой из конторы всю канцелярскую работу, которой давно уже надо было заняться.

— Здесь почти совсем нечего делать, — заверил он Лизу, затаскивая последнюю доверху забитую бумагами огромную коробку и ставя ее к еще нескольким таким же, практически заполонившим небольшую комнатку, и удалился.

Но девушка была ему благодарна за кучу работы. Только занимая себя делом, она могла не думать о пропавшем отдыхе и не представлять — в который раз! — пленительных морских пейзажей и не клясться, что она все же поедет на какой-нибудь курорт. Когда-нибудь. Может быть, даже летом, хотя Пол и не любит, когда ее кто-то замещает. А она и так в самые горячие месяцы не брала даже выходных. Но хорошего понемножку.

Еще чаще Лиза думала об Энгусе. Я должна, говорила она себе, выяснить о нем как можно больше, ведь я практически ничего о нем не знаю. И она еще и еще раз прокручивала в уме каждую секунду, что он провел с ней в больнице, вспоминая каждую, самую незначительную деталь: как он сидел на слишком маленьком для него стуле, как улыбался, как говорил...

Лиза никому не рассказывала об Энгусе. Ни друзьям, ни Полу. Это был секрет, ее секрет. Она инстинктивно чувствовала, что, рассказав о нем кому-нибудь, лишь причинит себе боль, но утешения не найдет.

Да она и не увидит его больше. Этот привлекательный незнакомец появился и тут же исчез, как мечта, которая никогда не сбудется.

Лиза была абсолютно уверена в этом, но три месяца спустя, подметая пол, она увидела письмо, лежащее на коврике в прихожей, и, внезапно испугавшись чего-то, дрожащими руками подняла его.

Еще не вскрывая конверта, она поняла, от кого оно. В фирменном конверте, надписанное черными чернилами и со штампом Лондона, оно могло быть только от Энгуса Гамильтона, поскольку других знакомых в столице у Лизы не было.

Письмо было кратким и категоричным. Энгус вместе с несколькими друзьями отправлялся в круиз и предлагал ей присоединиться к ним. «И не смейте, — читала девушка, сидя на софе в крошечной гостиной, — даже думать об отказе. Только так я смогу успокоить свою совесть и искупить вину за происшедшее». В конце был постскриптум: «Я убежден, что на сей раз вы вернетесь домой на своих ногах».

Разумеется, она не собиралась соглашаться, дабы успокоить его совесть. Кинув письмо в сумочку, чтобы никто не увидел его — хотя она жила одна, Лиза стала убеждать себя, почему она не может принять приглашение Энгуса Гамильтона.

Во-первых, именно *она* не смотрела, куда шла, и виновата в случившемся опять же только *она*. С первого взгляда предложение кажется очень даже заманчивым, но она слишком часто вот так же срывалась вслед за родителями, вдохновленными прекрасными, как им вначале казалось, идеями, и к чему это потом приводило, она очень хорошо помнила. Прежде чем на что-то решиться, надо все хорошенько обдумать — золотое правило, которому Лиза следовала уже несколько лет. Когда спокойно сядешь и задумаешься, все вещи предстанут в истинном свете, и многие предложения, кажущиеся заманчивыми, окажутся вовсе не такими.

Когда погибли ее родители, Лизе было всего семнадцать лет, и она стремилась к тому, что для других девушек ее возраста было предметом глубокой ненависти: к возможности позвонить домой, возможности, уютно устроившись в кресле перед окном, любоваться изменяющимися со сменой времени года окрестностями, жить в одном и том же доме, где было бы безопасно и уютно. И конечно же, не позволять импульсивным, бездумным решениям управлять ее жизнью. Никогда, ни за что на свете. Это слишком рискованно.

Лиза хорошо помнила выражение лица Энгуса. Жалость — вот что сквозило в его глазах, пока он говорил с ней в больнице. И именно из жалости он и приглашает ее в круиз.

Ее родители тоже относились к ней с изрядной долей сострадания. Как они, такие подвижные, с бьющей через край неудержимой энергией, смогли произвести на свет подобное тихое и робкое создание? Они не могли понять, как можно прожить целый год на одном и том же месте, видя одни и те же лица, тот же пейзаж из окна, а Лиза не могла понять, как можно так часто переезжать.

И внезапно ей захотелось принять приглашение Энгуса, хотя бы для того, чтобы доказать самой себе, что она уже давно не робкая девчонка. Ее импульсивное решение оказалось настолько сильным, что перевесило благоразумие.

Позвонив по телефону, указанному в письме, она переговорила с женщиной, представившейся личным помощником мистера Гамильтона и объяснившей все детали предстоящего путешествия.

А через три недели, уже коря себя за безрассудство, взволнованная и полная мрачных предчувствий, Лиза уезжала в круиз.

Утешало только одно: если она почувствует себя неудобно в компании Энгуса и его приятелей, то на теплоходе есть и другие люди, так что скучать ей не придется. Но в случае чего она и одна неплохо отдохнет. Ведь в подобных круизах немало одиноких женщин, так что ее одиночество никого не удивит.

Когда самолет взлетел, Лиза закрыла глаза, перестав думать о том, что ждет ее впереди, и постаралась насладиться полетом, пытаясь не вспоминать об авариях самолетов. Когда же девушка глянула в иллюминатор, то позабыла все свои страхи, увидев, как быстро проносится самолет над землей, взмывая все выше и выше в бескрайнюю голубую даль.

Когда они пролетали над Лансаротом, Лиза опять запаниковала. Интересно, подумала она, не повернет ли командир самолет обратно в Англию, если его хорошенько попросить. Ей вдруг страшно захотелось вернуться домой, чтобы оказаться подальше от Энгуса Гамильтона, весьма странным образом пытающегося залечить беспокойную совесть. Хотелось бы знать, что он

сделает, если она уедет так быстро. Наверное, пожмет своими мощными плечами и скажет, что хотел сделать как лучше.

Но, конечно же, Лиза и сама знала, что она никуда не улетит, а последует четкой инструкции, любезно напечатанной его секретаршей и высланной вместе с авиабилетом. Слишком поздно поворачивать назад.

Все еще сомневаясь в правильности решения, Лиза вышла из самолета и ступила на благодатную землю Барбадоса. Следуя совету гамильтоновской секретарши, подошла к регистрационной стойке, а через несколько минут уже летела на остров Сент-Винсент.

Панорама, открывавшаяся под крылом самолета, была захватывающей. Голубое ласковое море и длинные белые полосы пляжей ошеломляли, особенно новичков. Остров же Сент-Винсент превосходил все ожидания.

Шофер такси ждал Лизу у здания аэропорта, как и предупредила секретарша, — и она его сразу же увидела, едва вышла на улицу с чемоданом и сумкой.

Девушка надела свободную цветастую юбку и блузку с короткими рукавами, зная, что будет жарко, но она и представить себе не могла, *насколько* жарко окажется на самом деле. Горячий воздух, точно наброшенное на нее толстое покрывало, не давал дышать, и Лиза поняла, что чувствует цыпленок, запекающийся в духовке. В Англии даже в самые жаркие дни температура была гораздо ниже.

Жизнь била ключом в прохладных стенах аэропорта, а на улочках курорта не было видно ни души, даже шоферы в ожидании туристов не вылезали из машин с кондиционерами.

— Долго надо ехать? — поинтересовалась Лиза у шофера, видя, что скорость не превышает мили в час.

— Нет, здесь недалеко. — Взглянув на девушку в зеркальце заднего вида, он улыбнулся, показав два ровных ряда крепких белых зубов. — Ваш отель находится на южном берегу острова. Там очень красиво.

Устало вздохнув, Лиза нервно сжала сумочку и стала смотреть вперед, на изумительные аллеи, вдоль которых они проезжали. Сочная зелень, буйно разросшаяся, испускала дурманящие запахи, присущие только тропикам. В какой-то миг ей даже захотелось остаться среди такой красоты навсегда, но уже в следующую секунду волнение вытеснило эту мечту.

О чем она будет разговаривать с Энгусом? Она не привыкла к подобному изысканному обществу. Остроумия в ней нет и грамма, поддерживать разговор на различные темы она тоже не может. А ее «необычность», которая так восхитила Энгуса несколько месяцев тому назад, когда они разговаривали в больничной палате, надоест ему максимум через час. Она самая обычная женщина, не обладающая никакими особыми талантами и теряющаяся, когда оказывается в центре внимания.

Такси остановилось прямо перед отелем, представлявшим собой множество каменных коттеджей, разбросанных с хорошо продуманной беспорядочностью среди пышной растительности.

Шофер помог Лизе вытащить багаж и уехал с такой же невозмутимой неторопливостью, с какой и приехал, оставив девушку стоять у дороги.

Она беспомощно огляделась в толпе других прибывших почти одновременно с ней туристов, таких улыбающихся, в красивых, элегантных костюмах. Неужели все они отправятся на том же теплоходе, что и она? — удивилась девушка. Застенчиво опустив глаза, она предалась грустным размышлениям, но когда у регистрационной стойки Лиза наконец-то подняла голову, то увидела Энгуса, совершенно не изменившегося с той их первой и единственной встречи.

Одетый в оливково-зеленые брюки и кремовую рубашку, он, к счастью, был один, без друзей.

Когда он шел к ней через фойе, Лиза заметила, что все женщины повернули головы в его сторону и в глазах многих ясно читался неподдельный интерес.

— Я боялся, — с ходу начал Энгус, — что вы в последнюю минуту раздумаете ехать.

Он оказался еще выше, чем ей запомнилось. Лежа на больничной койке, довольно трудно понять, какого роста человек, но сейчас Лиза увидела, что Энгус точно выше шести футов. Он уже успел загореть, и бронзовая кожа лишь подчеркивала голубизну его глаз.

— Я надеюсь, ваша нога полностью зажила? — Придержав девушку за локоть, Энгус не позволил ей ринуться вслед за посыльным отеля, взявшим вещи.

— Да, все в порядке, — глядя на его профиль, ответила Лиза. — Огромное вам спасибо за... за все это, — она махнула рукой в сторону окружающего ее великолепия. — Вы так великодушны.

Он улыбнулся, вызвав у Лизы очередной приступ нервозности, который был прерван появлением портье, предложившего показать, где ей предстояло жить. Вместо гостиничного номера ее привели в каменный коттедж с крышей из пальмовых листьев и потрясающе красивым видом на лазурное море, оттененное белоснежной полоской пляжа.

— Хорошо доехали?

— Да, большое спасибо, все было чудесно, благодарю вас.

— Лиза, да не надо быть такой чрезмерно вежливой, расслабьтесь, — улыбнулся Энгус, явно забавляясь ситуацией.

— Простите, я сожалею, что... О, опять я...

— Да, — сложив руки на груди, усмехнулся он. — От подобной вежливости сведет зубы даже у самого злющего бульдога.

— В самом деле? — попыталась рассмеяться Лиза.

— Так-то лучше. Вы приехали сюда отдыхать, верно? Успокойтесь и улыбнитесь для начала.

— Постараюсь, — довольно уныло ответила она.

— Знаете, я удивлен, что вы вообще приехали. После того как вы сказали мне тогда в больнице, что не возьмете у меня ни пенса, я думал, вы с еще большим негодованием отвергнете предложение отдохнуть на Антилах за мой счет.

Если первые слова Энгуса вызвали в ней неудержимое желание вновь рассыпаться в извинениях, то последующие повергли в отчаяние. Он пригласил ее, будучи совершенно уверенным, что она не приедет? Боже, что же ей теперь делать?

— Я... это было весьма... импульсивное решение, — запинаясь, пробормотала Лиза, не отрывая взгляда от своих вцепившихся в сумочку пальцев.

— Я рад, что вы все же решились и приехали сюда. Ну а сейчас, — таким же жизнерадостным тоном продолжал он, — я думаю, вы с дороги очень устали и наверняка хотите отдохнуть. — Прислонившись к дверному косяку, он задумчиво посмотрел на девушку, смутив ее окончательно. — Если не хотите выходить к ужину, то вам его с радостью принесут сюда в надежде, что, возвращаясь из путешествия, вы вновь остановитесь здесь. А мы хотим отправиться в плавание завтра утром, если вы не против.

— Да, я знаю — ваша секретарша выслала мне проспект нашего маршрута, он у меня лежит где-то здесь. — Нервно порывшись в рыжевато-коричневой сумочке, Лиза наконец извлекла на свет несколько листков бумаги, в ту же секунду выпавших из ее дрожащих от волнения пальцев и полетевших на землю вместе с остальным содержимым: наполовину пустым пакетиком бумажных салфеток, несколькими леденцами, дорожными билетами и книгой, взятой в дорогу.

Одновременно наклонившись, чтобы собрать все это с земли, они весьма ощутимо стукнулись лбами. Лиза испуганно отскочила, моментально покраснев, проклиная сумочку и свою привычку набивать ее доверху ненужными вещами.

— И-извините, — пробормотала она, в страшном смущении наблюдая, как Энгус собирает с земли и аккуратно складывает все обратно в сумочку.

— И незачем так нервничать, — ласково повторил он.

— Я совсем не нервничаю! — Сидя на траве, она вдруг заметила, что уже стемнело, хотя десять минут назад было еще совсем светло. Теперь она вспомнила, что в тропиках не бывает сумерек. За солнечным жарким днем сразу же наступает непроглядная ночь. Об этом говорилось во всех проспектах.

— Разумеется, вы волнуетесь, — продолжал Энгус, немного удивленный тем, что она отрицает столь очевидное. — Вам же предстоит провести две недели на яхте в компании совершенно незнакомых людей. Кто бы не волновался на вашем месте?

При этих словах Лиза подскочила и в замешательстве уставилась на него.

— Почему яхта? Я думала, мы отправимся в круиз на теплоходе...

— Теплоход, яхта — какая разница? — Тоже выпрямившись и увидев лицо Лизы, он нахмурился. — С вами все в порядке? Вы как-то странно выглядите.

— Послушайте, — как можно спокойнее произнесла Лиза, хотя внутри у нее все дрожало, — не могли бы вы внести ясность в предстоящее путешествие? Объясните, мы отправимся на теплоходе или?..

— О чем вы говорите? Какой теплоход?

— В вашем письме говорилось, что вы собираетесь в круиз, ну я и подумала, что...

Лицо Энгуса прояснилось, и он тепло улыбнулся.

— И вы решили, что мы собираемся отдохнуть на пассажирском пароходе, совершающем

банальный круиз? Нет. Вы неправильно поняли меня. Я позаботился, чтобы вокруг не было огромной толпы сумасшедших туристов. На яхте будет избранная компания. Вы ведь согласны со мной, что нет ничего хуже, когда вас окружают сплошные незнакомцы и когда вы ни на миг не можете остаться одна?

Нет, молча запаниковала она, я совершенно не согласна! Я знаю вещи, которые во сто крат хуже, чем толпа сумасшедших туристов. Я не хочу оказаться на яхте в избранной компании *ваших* друзей, которых я не знаю, и о чем с ними говорить — тоже!

— Я... я бы никогда не приехала, если бы... — в ужасе бормотала Лиза, не в силах найти нужное слово.

— ...если бы знали? — любезно закончил за нее Энгус. — Трусиха.

— Я действительно не могу... Это будет ошибкой... Это не ваша вина... Простите, но я...

— Не глупите, — резко прервал он ее бессмысленное бормотание.

— Я и не глуплю! — разгневанно прокричала пришедшая в себя Лиза.

— Посмотрите на меня, Лиза. — (Без особого желания девушка подняла глаза на необычайно красивого мужчину.) — Неужели я похож на негодяя, обманом затащившего вас на край света, чтобы только посмеяться над вашим смущением и неловкостью, поскольку вы не привыкли к подобному обществу и страшно стесняетесь?

А он очень красив, когда улыбается, отметила Лиза.

— Нет-нет, что вы, ничего подобного мне и в голову не приходило, но... Просто мне кажется, это будет не совсем прилично... — Голос отказался повиноваться ей, трепещущей от страха, как рыба, выброшенная на берег из воды. Лиза всегда гордилась своей выдержкой, выработанной еще в детстве, но тут, за тысячи миль от родной Англии, выдержка подвела ее.

— Какое, к черту, приличие! — рявкнул взбешенный Энгус и, не дав девушке времени вставить хоть слово, приказал: — Дайте мне ключ. Глупо орать друг на друга на улице, когда можно спокойно поговорить обо всем в доме.

Лиза покорно протянула ему ключ и, едва переступив порог, даже не оглядевшись вокруг, сказала с отчаянием:

— Это неприлично — путешествовать на яхте с вашими друзьями и вами, ведь мы практически не знаем друг друга...

— Как вам коттедж? — неожиданно спросил Энгус, отойдя от окна, за которым сгустилась бархатно-черная тропическая ночь.

— Отлично. Просто превосходно, — глубоко несчастным голосом ответила Лиза.

— У вас ведь никогда не было настоящих каникул, Лиза, — нежно и ласково сказал Энгус тоном, каким говорят с ребенком, причем ребенком неразумным, плачущим, просящим, чтобы его взяли на руки и убаюкали, уверив, что все будет хорошо, все страхи уже позади. — Когда я решил приехать сюда, то тут же подумал о вас. Отбросьте все ваши принципы и побудьте эти две недели самой собой — свободной, раскованной. Отдохните и насладитесь отпуском. Да в каком мире вообще вы живете?

— Вы пригласили меня из жалости, — Лиза выплеснула подозрения, мучившие ее со времени получения письма.

Пожав плечами, он сунул руки в карманы.

— Отчасти и из-за этого.

— Не отчасти, жалость была основной причиной приглашения, только попробуйте отрицать это! — Обиженно поджав губы, она почувствовала, как от гнева и унижения из глаз брызнули слезы.

— Да, я сочувствовал вам, узнав, что вы еще ни разу не были за границей, и решил искупить свою вину за испорченный отдых. Разве это такое уж большое преступление?

Лизе вдруг так захотелось ему поверить! Его слова звучали настолько убедительно и разумно!.. Она вздохнула и внезапно почувствовала себя невероятно усталой.

— Нет, конечно, это не преступление. Но вы должны понять, что...

— ...что вы просто трусиха.

— Может, прекратите перечислять мои недостатки? — сердито попросила Лиза. — Я и сама их все знаю.

Энгус снисходительно улыбнулся, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— Вы просто напуганы перспективой провести две недели в обществе незнакомых вам людей.

— А *вы* не испугались бы на моем месте?

— Нет.

— Ну, а я — не вы, и придется с этим смириться и терпеть общество трусихи две недели подряд! — с вызовом провозгласила Лиза, но, увидев, что Энгус направляется к ней от окна, у которого он стоял, едва совладала с внезапным желанием убежать от него в самый дальний угол комнаты.

— Так-то лучше, — растягивая слова, почти что промурлыкал он, подходя к Лизе.

— Что именно лучше?

— Лучше будьте вспыльчивой сумасбродкой, чем унылой занудой. Ну, а теперь насчет завтра, — продолжал он как ни в чем не бывало. — Обычно мы завтракаем в своих домиках. Это гораздо удобнее, чем одеваться, причесываться и идти в ресторан. Все собираются на яхте к двенадцати тридцати. Мы за вами зайдем, если, конечно, вы не предпочтете собственноручно связать плот и отправиться в круиз в одиночку.

— А сколько всего будет людей? — нахмурившись, спросила девушка.

— Шестеро, считая нас с вами. Один из моих заказчиков, который по совместительству еще и близкий мой друг, с женой и дочерью и моя так называемая кузина.

— Как это — «так называемая кузина»?

— Мы состоим в родстве, но, по сути дела, такие дальние родственники, что считаем друг друга просто хорошими друзьями.

— Понятно.

— А вы все еще не ответили на мой вопрос, — коварно напомнил Энгус.

— Какой? — испуганно переспросила Лиза. Усмехнувшись, он поднял глаза к потолку и преувеличенно тяжело вздохнул.

— Бог мой, женщина, вы что, специально тянете время?

— Так о чем был вопрос?

— В каком мире вы живете? Ясно лишь одно — точно не на планете Земля.

— Ну и комплимент! — возмутилась Лиза, покраснев.

— Я сказал чистую правду! — со смягчившей его лицо усмешкой оправдывался Энгус — Вы же сами сказали, что часто витаете в облаках!

Неужели он запомнил каждое слово, сказанное ею три месяца назад в больнице?

— Итак, встретимся завтра на яхте, — с милой улыбкой ответила она, игнорируя усмешку Энгуса, действующую ей на нервы не меньше, чем утешающе ласковый тон, которым он говорил с ней.

— Превосходно, — заметил Энгус и подробно объяснил, как пройти к яхте, но потом все же еще раз поинтересовался, не желает ли она, чтобы он за ней зашел сам, и, получив отрицательный ответ, улыбнулся и ушел.

Закрыв за Энгусом дверь, Лиза рухнула на постель и задумчиво оглядела стоящий на полу чемодан. Зачем она приехала? Что на нее нашло, когда она принимала это решение? Пожалуй, она просто захотела отдохнуть от скучной, серой и такой однообразной жизни, которую создала сама. Ее родители — неутомимые бродяги, исколесившие почти всю Англию, подстрекаемые неудержимой страстью к путешествиям, — только бы приветствовали решение дочери. Но почему, почему же ее так гложут сомнения? Скорее всего, из-за одежды, отнюдь не являющейся последним пискom моды, да и до сдержанной элегантности ей далеко. А нескольких совершенно необходимых в этих местах вещей у нее и вовсе нет.

Итак, она на Антильских островах, гостя человека, при виде которого моментально проявляется вся ее робость и нервозность, — человека, испытывающего к ней только жалость и считающего, что ей жизненно необходима небольшая встряска, чтобы она открыла глаза и поняла, в каком мире живет. И такой встряской для нее будет путешествие на яхте.

Ее родителей подобная перспектива привела бы в восторг, но не ее. Да, Энгус прав — она боится. Но понять, чего именно она боится, он не сможет и через миллионы лет, потому что ее страшит все незнакомое, а для подобных ему людей незнакомое — вызов их воле и решительности.

А для нее, Лизы Фримен, продолжала размышлять девушка, стоя под душем и яростно намыливаясь, все незнакомое связано с волнением, усугубленным робостью. Ей было тяжело постоянно менять школы, дома, встречаться с новыми людьми. Неизведанное стало для нее

синонимом страшного, и последние годы она всячески старалась избегать этого.

Но вот судьба вновь толкает ее в неизвестность. Что ждет ее впереди? Лиза не знала.

На следующее утро после завтрака, который Лиза, как и посоветовал ей Энгус, заказала в комнату, она отправилась на пляж, облачившись в черное бикини и захватив с собой полотенце и масло для загара.

Настроение девушки по сравнению со вчерашним значительно улучшилось. Раз уж она все равно решила приехать на эти сказочные острова, надо насладиться каждой секундой, проведенной здесь, а укорять себя она сможет и дома, в дождливой и прохладной Англии.

Да и невозможно было думать о чем-то плохом среди подобной красоты. Море было необычайно прозрачным и спокойным, а белоснежный песок — гордость островов — мелким, как пыль, и все это великолепие окутывала умиротворяющая тишина, так отличающаяся от шума и суеты обыденной жизни.

Растянувшись на полотенце и со счастливым вздохом закрыв глаза, Лиза выкинула из головы неприятные мысли о том, что через четыре часа окажется на яхте в окружении незнакомых людей, но едва погрузилась в сладкую дрему, наслаждаясь ласковым солнышком, как услышала ворчливый голос Энгуса:

— Я так и думал, что найду вас здесь. Вам следует быть осторожнее — солнце очень жаркое, а кожу, такую, как у вас, надо беречь.

Лиза подскочила, как от электрического разряда, внезапно пронзившего ее тело, и наткнулась на веселые синие глаза, свидетельствующие, что их владелец весьма доволен произведенным эффектом.

Если не считать маленьких плавок и полотенца, висевшего на плече, Энгус был совершенно обнажен.

Лиза, сиюминутно не глядя на его мощный, бронзовый от загара торс, постаралась придать голосу максимально возможное в данной обстановке спокойствие, небрежно бросив, что она намазалась кремом для загара, который предохранит нежную кожу от ожогов.

— Весьма благоразумно. — Кинув полотенце на песок рядом с девушкой, он улегся на него так, чтобы наблюдать за ней.

— Что вы здесь делаете? — безразличным тоном поинтересовалась она, прячась за огромными солнечными очками в пол-лица. Энгус лежал так близко, что она чувствовала его дыхание на своей щеке, и Лиза возненавидела себя, поняв, что наслаждается этой близостью.

— Я зашел в коттедж, но — увы — вас там уже не оказалось. Хорошенько подумав, я решил, что вы можете быть только здесь. Прекрасное местечко, как вы думаете? — При последних словах он ловко стащил с Лизиного носа очки. — Вот так-то лучше, — удовлетворенно кивнул он. — Люблю видеть лица людей, с которыми разговариваю.

— Могу я получить свои очки назад?

— Если пообещаете не надевать их вновь. — С физиономии Энгуса не сползала довольная улыбка.

— Это что, приказ? — усмехнулась в свою очередь девушка.

— Скажем так — настойчивая просьба. Очень настойчивая. Так как, обещаете?

— Нет.

— Ну, раз вы упорствуете, — с ленивой улыбкой Чеширского кота почти промурлыкал он, — то не вижу причин, почему и я не могу немного поупрямиться, — и снова улыбнулся в ответ на ее испепеляющий взгляд. — Какие интересные черты вашего характера я выявил за такое короткое время! — через несколько минут молчания вновь заговорил Энгус. — Страх девственницы средних веков, упрямство, могущее поспорить с ослиным, ярость, более присущая ядовитой змее. Сколько вам лет?

Вначале Лиза собиралась весьма невежливо ответить, что это не его дело, но затем, вспомнив, что все-таки она отдыхает здесь за его счет и необходимо быть хотя бы вежливой, даже если все время отдыха он собирается донимать ее расспросами, остановилась на том, что ледяным тоном проговорила:

— Двадцать четыре.

— А Каролине девятнадцать, но через несколько минут, проведенных рядом с ней, понимаешь, что ей лет на десять больше, чем вам.

— Простите, но я не знаю, о ком вы говорите. — И знать не хочу, кто она такая, слышалось в ее тоне.

— Каролина — моя дальняя родственница.

Лиза ничего не ответила, но ее сердце екнуло.

Картина предстоящего путешествия прояснялась — или по крайней мере состав участников. Влиятельный бизнесмен, его претенциозная жена с не по годам умненькой доченькой, утонченная, высокопородистая Каролина, Энгус и скромная садовница Лиза... Да... весьма красочная картинка.

— Так все-таки почему вы здесь? — переспросила она. — Разве вам не надо быть на яхте? Лично убедиться, что все матросы, припасы и прочее на месте, что ничего не забыли?

— Вы случайно не прогоняете меня вновь?

— Конечно, нет.

— Ну-ну, поверим на слово, — с преувеличенной серьезностью ответил Энгус. В подобные моменты она буквально ненавидела его. — На самом деле, — соизволил он ответить, садясь и потягиваясь, — я хотел прежде убедиться, что с вами все в порядке.

— А что могло случиться со мной? — Перевернувшись на живот, Лиза неожиданно ощутила на себе пристальный взгляд голубых глаз, откровенно любующихся ее стройной фигуркой, прикрытой только бикини. Не желая чувствовать себя музейной реликвией, внимательно разглядываемой со всех сторон, она села и подтянула колени к груди, обхватив их руками.

— Насколько я помню, кое-кто вчера весь вечер трясся от страха быть съеденным четырьмя каннибалами, моими друзьями, которые вместе с нами отправятся на яхте.

— Очень смешно! — фыркнула Лиза.

— Наоборот, грустно, — совершенно серьезно и без тени иронии на этот раз ответил он. — Я специально разыскивал вас, хотел успокоить, заверить, что все они приятные, милые люди и не надо сразу принимать их в штыки.

— Спасибо вам, — застенчиво поблагодарила она, глядя на него и думая только о том, насколько же он сексуален. — И простите за все, что я наговорила вчера, — от усталости даже не сознавала, что говорю и делаю.

— Я все прекрасно понимаю, — сухо сказал он. — И повторяю еще раз — прекратите извиняться.

— Прощу прощения, — машинально ответила Лиза и, поняв, что опять извиняется, пролепетала: — Извините...

Но ответом ей стал гомерический хохот Энгуса.

Вздохнув, она посмотрела вдаль, на четкую голубую линию горизонта, где кристально чистое море смыкалось с ослепительно синим небом. Да, теперь-то она понимает, почему люди верили, что эта отчетливая линия и есть край земли.

— Вы сказали своему боссу, куда поедете во время отпуска? — Ленивый голос Энгуса прервал ход ее мыслей. Лиза была готова поклясться, что он читает ее мысли как открытую книгу.

— Нет. Я просто объяснила, что устала и хочу отдохнуть. И это более или менее правда.

— Скорее менее, нежели более, — мягко поправил ее Энгус. — Вы думаете, что он бы не понял вас, скажи вы всю правду?

— Кто его знает. — Да он бы грохнулся в обморок, если бы узнал, куда она едет, подумала с усмешкой Лиза. Пол прекрасно знал, как она ценит свою спокойную, без потрясений жизнь, мирную работу. Они часто беседовали, и он великолепно понимал, что Лиза не из тех, кто бездумно бросается в авантюру, и правда об отпуске вызвала бы массу ненужных вопросов.

— Впервые вижу человека, который, по его собственным словам, спит и видит себя отдыхающим за границей, но, приехав на курорт, замечает только горизонт, да еще и сомневается, правильно ли он сделал, что приехал в подобный рай.

— Вы имеете в виду меня? Ошибаетесь. У меня же работа, квартира, скучать и мечтать мне просто некогда, а сплю я без сновидений.

Вряд ли Энгус сможет понять, что самая главная ценность для нее — безопасность и постоянство. Купив свою маленькую квартирку на деньги, оставшиеся после гибели родителей, обеспеченная на первое время страховым полисом, она забралась в свою раковину и не хотела перемен, которые не всегда меняют жизнь в лучшую сторону.

— И вы не хотите рисковать всем этим? — продолжал расспросы Энгус, и она, бросив на него быстрый взгляд, снова уставилась на бескрайний горизонт.

— Может быть, — слышался через некоторое время сдержанный ответ.

— Я вторгся на заповедную территорию? — Тон Энгуса был все еще беспечным и беззаботным,

но Лиза поняла, что он прощупывает ее. И это не праздное любопытство, а искреннее, ему действительно интересна ее жизнь, так отличающаяся от привычной ему. — Почему вы так скрытны? — Протянув руку, он повернул ее голову к себе, и краткое прикосновение его пальцев к подбородку подействовало на Лизу подобно электрическому разряду. Это было настолько неожиданно, что девушка непроизвольно потеряла ладонь подбородок.

— С чего вы взяли?

— Вы постоянно находитесь в какой-то скорлупе, — хмуро пояснил он. — И тщательно обдумываете каждое слово, прежде чем сказать что-либо.

Он резко встал, поднял с песка полотенце и закинул его на плечо. У него безупречно каждое движение, подумала Лиза, внезапно почувствовав непривычную сухость во рту.

— Вы уверены, что сможете самостоятельно найти яхту? — поинтересовался он напоследок и, когда она утвердительно кивнула, добавил: — Что ж, тогда встретимся на яхте в двенадцать тридцать.

— Хорошо, — покорно пробормотала она, бездумно набирая в ладонь песок и наблюдая, как он сыплется между пальцев.

— И вы не сбежите домой? — вопросительно приподнял он бровь, заметив про себя, что она не сказала ни «да», ни «нет». — Нет, конечно, вы этого не сделаете, потому что, несмотря на все то, что вы мне сказали, вы настолько же любознательны, насколько упрямы, разве не так, Лиза? — Он посмотрел на нее, и Лиза почувствовала, что его взгляд проникает в самую душу. — Вы получите незабываемый жизненный опыт. Вы не раскаетесь, обещаю вам.

Затем он ушел, а она долго глядела ему вслед, на гибкое, сильное тело, а затем еле слышно прошептала:

— Вы уверены в этом, а я — нет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Интересно, если бы она жила иначе, то была бы сама другой? Этот вопрос Лиза задавала себе уже много лет, но не могла найти удовлетворительного ответа.

Она знала, что слишком замкнута, но большинство людей видели в ее необщительности лишь надменность, поскольку дальше ни к чему не обязывающего разговора дело обычно не шло. В лучшем случае ее замкнутость воспринималась как сдержанность.

Став взрослее, Лиза поняла, что в ее робости виноваты родители, хотя они и желали для нее самого лучшего. Да, они показали ей всю Англию, но в восемь, в двенадцать и тем более в четырнадцать лет хочется не разнообразия и многочисленных переездов, а постоянства и уютного дома. Ей были нужны друзья, не меняющиеся каждый год, а одни и те же, надежные, все понимающие, с которыми она бы росла и развивалась год за годом, пока формируется ее личность, с которыми могла бы смеяться, приглашать их в гости и делиться немудреными девчоночьими тайнами.

Но, даже придя к подобному выводу, она не стала упрекать родителей. Зачем? Прошрое уже не изменишь. Они ее очень любили, и нельзя упрекать их за страсть к путешествиям, которой — увы — в ее крови не было. Она предпочитала сидеть на одном месте, поскольку никогда не знала, что ждет ее за углом.

Отец Лизы был биологом с не иссякающей любознательностью ко всему новому. Его очаровывало все необычное. Однажды он устроился работать лесничим только для того, чтобы узнать до малейших деталей жизнь леса.

В другой раз он провел полтора года на побережье в суровой Шотландии, изучая морскую флору и фауну, любовь к которым жила в нем до самой смерти.

Те полтора года были худшими в ее жизни, подумала Лиза. Она до сих пор хорошо помнила дребезжащий школьный автобус, постоянно пасмурную погоду, крошечный класс, презрительность одноклассников, относящихся к ней с необузданной жестокостью, как, впрочем, и к любому чужаку, жившему в их деревне. Но она упрямо продолжала гордо вскидывать подбородок и делать вид, что не замечает их ненависти, и в конце концов у нее появились друзья и там.

Но на самом деле в ней не было ни капли уверенности, а робость росла с каждым днем.

Подходя к яхте, Лиза вдруг безотчетно вскинула подбородок; точно так же, как она делала это много лет назад, входя в ненавистную школу, к хмурым и надменным одноклассникам. Тогда этот жест придавал ей мужества, и сейчас отвага вновь наполнила ее.

Все остальные уже прибыли. Она увидела их на палубе яхты и пошла немного быстрее. Видимо, ее тоже кто-то заметил и позвал Энгуса, поскольку он немедленно вылетел на палубу, опять наполовину обнаженный, и спустился на причал, чтобы встретить ее.

Аура неутомимой жизнерадостности, окружающая его, перекинулась и на Лизу, тут же прекратившую нервно покусывать губу.

— Я надеюсь, что не опоздала, — начала было она, но Энгус, забрав ее чемодан, лишь одарил ее улыбкой — неповторимой смесью язвительной иронии и неприкрытого восхищения, и Лиза тут же почувствовала себя ужасно неловкой и неуклюжей, подозревая, что он смеется над ней.

— Не переживайте, у нас же нет жесткого графика, — наконец сказал он. — И это лишь одно из множества преимуществ перед теплоходом, совершающим круизы. Мы бы подождали вас в случае чего.

Энгус пошел к яхте, а Лизе ничего не оставалось, как последовать за ним, угрюмо глядя на его широкие плечи, а в голове билась мысль: надо вернуться, пока не поздно...

Ноги казались страшно тяжелыми и подгибались в коленках, но Лиза заставила себя глубоко вздохнуть, успокоиться, насколько это было возможно, и подняться на палубу яхты, проигнорировав руку Энгуса, протянутую ей.

Сквозь темные стекла солнцезащитных очков девушка внимательно оглядела небольшую группу людей, в обществе которых ей придется провести две недели.

Сколько раз она вот так же стояла в детстве перед классом незнакомых ребят, с которыми предстояло проучиться какое-то время. Выдавлив из себя улыбку, Лиза приготовилась к знакомству, которое, к счастью, не заняло много времени.

Элис, Джерри, их девятилетняя дочь Сара и кузина Энгуса Каролина. Вся компания, одетая в купальные костюмы, уютно устроилась в шезлонгах под жарким солнцем и смаковала напитки.

— А сейчас, — сказал Энгус, когда Лизе все были представлены, — я хотел бы похитить у вас

Лизу и показать ей каюту. Что вы желали бы выпить? — любезно поинтересовался он, повернувшись к смущенной девушке. — Мы собирались обедать немного позже, когда выйдем в море.

— Мне все равно, что, — также вежливо ответила она, хотя у нее уже свело скулы от неискренне учтивой улыбки, приклеенной к лицу.

— Лучше подумайте, чего вам хочется, — улыбнулась Элис. — А не то мой муженек проявит инициативу и быстренько намешает вам один из своих «фирменных» убийственных коктейлей, от которых валятся замертво, не выпив и половины.

Джерри со смехом попытался опротестовать столь тяжкое обвинение супруги, но силы были явно неравными.

— В таком случае я бы предпочла стакан сока.

— Весьма мудрое решение, — похвалила ее выбор Элис.

— Наоборот, глупое, — презрительно вставила Каролина, не произнесшая до этого ни единого слова. Даже когда Энгус представлял ее Лизе, она не снизошла до улыбки, молча протянула руку, а едва коснувшись руки Лизы, сразу же отдернула ее, ясно показав, что не желает ничего знать о ней, и спокойно продолжала поджариваться на солнце, едва прикрытая бирюзовым бикини, оставляющим слишком мало места для воображения.

Лиза растерянno взглянула на нее, не зная, что ответить.

Трудно было поверить, что они с Энгусом родственники. Платиновая блондинка с изумрудными глазами, Каролина только в одном была схожа с Энгусом — она была так же красива, как и он.

— Не смей так говорить с Лизой. — Голос Энгуса был обманчиво мягок, но в нем звучало грозное предупреждение. — Загорай молча, как это делала до сих пор.

Сдвинув огромные солнечные очки на нос, Каролина блеснула злыми зелеными глазами.

— Тебе вовсе не зачем опекать ее, — произнесла она, кивнув в сторону Лизы. — Она уже не ребенок, разве не так? — И еще раз презрительно взглянула на девушку.

— Да, меня не нужно опекать, — вежливо ответила Лиза, чувствуя, как в ней вскипает возмущение. — Я вполне могу позаботиться о себе сама, равно как и защититься от ядовитых змей.

— Сильно сказано, — одобрительно протянул Джерри, — в духе истинной женщины двадцатого столетия.

Лиза с радостью воспользовалась предложением и повернулась в его сторону.

— Вот только наши мужчины до сих пор не избавились от предрассудков восемнадцатого века, — дополнила Элис под громовой хохот остальных.

Лиза же занялась Сарой, читающей приключенческую книжку, и через несколько минут они обе весело смеялись над какой-то шуткой. Лиза и сама в своей неискренности напоминала ребенка.

— Дорогая моя, вы так и не сказали, какой сок будете пить, — прервал их Джерри,

сорокалетний приятный мужчина, правда немного располневший.

— А что, есть выбор? — удивилась Лиза.

— Ну, выбор небольшой, но апельсиновый, грейпфрутовый, арбузный, манговый, ананасовый и виноградный соки здесь есть.

— Виноградный самый полезный и вкусный, — снова послышался голос Элис.

— Да? Ну тогда я выпью именно его. Спасибо. Никогда не пила его раньше.

— Может, я все-таки покажу вашу каюту? — сердито спросил Энгус, незаметно подойдя к Лизе. — Или вы продолжите дегустировать разные соки?

— Не надо сарказма, Энгус, — попросила Элис, но он, уже никого не слушая, схватил Лизу за руку и потащил с палубы в ее каюту.

Яхта оказалась огромной. Великолепной. Шикарно отделанной. Просто потрясающей! Лиза не знала, на что смотреть.

— Она принадлежит вам? — поинтересовалась она, когда Энгус распахнул перед ней двери в каюту.

— Да, — довольно улыбнулся он. — Нравится?

— О, она великолепна! — выдохнула девушка. — Это ж целый дом! Я не знала, что яхты бывают такими большими. Она просто восхитительна! — Внезапно вспыхнув, она посмотрела на Энгуса. — Я кажусь вам глупой, да? — с невеселой усмешкой спросила она, пытаясь пройти в каюту, что было делом непростым, потому что дверной проем был и без того небольшим, да еще Энгус загородил его, и протиснуться внутрь, не коснувшись его полуобнаженного тела, было практически невозможно.

Он ничего не ответил, молча поставил чемодан на постель и вновь оперся о дверной косяк.

— И вы правы, думая так, — ожесточенно продолжала Лиза. — Я действительно наивна до глупости.

— Ну и хорошо, — невозмутимо вставил Энгус, засовывая руки в карманы и продолжая глядеть на нее в задумчивом удивлении.

— Я распакую вещи, а потом поднимусь к остальным, ладно? — Неплохо бы вам и самому присоединиться к гостям, я хочу остаться одна, ясно слышалось в тоне Лизы, но Энгус и с места не сдвинулся.

— Черт оказался вовсе не таким страшным, каким вы его намалевали?

Она возненавидела себя за то, что позволила этому типу узнать все ее слабости. Пожав плечами, Лиза промолчала.

— Ну так как?

— Элис и Джерри показались мне очень приятными людьми, — выдавила из себя Лиза.

— А Каролина? — невозмутимо продолжал Энгус.

— Увы, ваша кузина мне не приглянулась, — осторожно ответила Лиза. На самом деле Каролина ей совершенно не понравилась, особенно тон, которым она говорила с ней, и нескрываемое холодное презрение в хорошо поставленном голосе.

— Простите ее, — попросил Энгус, игнорируя ответ Лизы. — Она очень избалована. Родители уже не могут с ней справиться и решили, что будет лучше, если она поедет со мной.

— Они решили, что вы сможете наставить ее на путь истинный?

— О, нет. Я не из тех людей, кто сможет это сделать. Просто им захотелось отдохнуть от нее. Вы не обращайте внимания на ее слова.

— Ну, спасибо вам за ценный совет, — ледяным тоном поблагодарила Лиза. — Я постараюсь ему следовать.

— Я надеюсь, это не великое одолжение мне? — подняв одну бровь, поинтересовался Энгус, и Лиза покраснела.

— Конечно же, нет. И еще раз большое вам спасибо за все. Я очень благодарна вам...

— Ради всего святого, — прорычал он, взъерошивая свои темные волосы и бросая на девушку разъяренный взгляд. — Когда вы прекратите благодарить меня?!

— Но я...

— Лучше распаковывайте свой чемодан, — проворчал он, и Лиза совершенно неожиданно для себя вдруг подошла к нему и схватила за руку.

— Не сердитесь.

— Да когда же вы, наконец, поймете, что я пригласил вас сюда не из милости и не из жалости? И насколько я помню, вы почему-то совсем не торопились благодарить меня, когда узнали, что нас будет шестеро, а не шесть сотен, — взорвался Энгус.

— Да, — вздохнула Лиза. — Но независимо от количества народа, путешествующего на корабле, вы все равно были очень добры, пригласив меня.

— Однако именно я испортил ваш предыдущий отпуск, — напомнил Энгус. — Забыли?

— Но большинство людей и не подумали бы компенсировать его, тем более таким образом.

— У большинства просто нет на это денег, — парировал Энгус, пристально глядя на девушку. — Я богат и могу себе это позволить.

— Что вы хотите этим сказать?

Она покосилась на него и отвернулась, чувствуя, как ее дыхание учащается, и искренне надеясь, что он не заметил ее состояния. Почему он так действует на нее? Она не понимала.

Она всегда умела держать себя в руках, так почему же ее тело пылало, стоило Энгусу подойти ближе, хотя разум говорил, что нельзя допускать этого? Они живут в двух слишком разных мирах, чтобы тешить себя иллюзиями.

Тем более она совершенно не привлекает Энгуса. Он ни разу не взглянул на нее как на

женщину. Да она и не в его вкусе. Не красавица, а нечто серенькое и средненькое, с самыми обычными чертами лица, вот только губы слишком пухлые, что всегда огорчало Лизу. Фигура хоть и стройная, но опять же слишком обыкновенная. Единственная ее гордость — великолепные волосы, блестящие, мягкие, правда, не длинные, только до плеч. Но почему разум ей говорит одно, а тело реагирует по-другому?

— Почему вы нервничаете в моем присутствии? Неужели мое богатство действует на вас столь подавляюще? Или вы всегда такая робкая?

— Я никогда не была робкой! — запротестовала Лиза. — Вы же знаете меня. Как вы могли предположить подобное?

Ее сердце неистово билось в груди. Как ей хотелось, чтобы он не уходил! И в то же время разум кричал иное: пусть он уйдет, а ты успокоишься, распакуешь вещи.

Энгус продолжал молчать, всем своим видом показывая, что не собирается продолжать глупый спор.

— И вообще, это не ваше дело, — гневно продолжала Лиза, стараясь не смотреть на него. — Вы меня пригласили — я приехала, но все остальное вас не касается!

— И что, это совсем никого не касается? — изумленно поинтересовался он. — Неужели вы и в самом деле хотите навсегда укрыться в вашей скорлупе и жить спокойной, но ужасно пресной и скучной жизнью?

— Пожалуйста, уйдите, я хочу распаковать вещи.

— Нет, прежде все же ответьте на мой вопрос, мне интересно ваше мнение.

— Вы чересчур любопытны.

Энгус лишь пожал плечами и продолжал смотреть на нее в ожидании ответа.

— Я не люблю, когда меня так дотошно расспрашивают, — упрямылась Лиза. И еще больше не люблю, когда меня жалеют, добавила она про себя. — Мне все равно, сколько у вас денег. Как я уже говорила, богатый и благородный — вовсе не синонимы. Но здесь... — она бросила на него взгляд из-под ресниц, — я поняла, что не все богачи — высокомерные снобы, среди них есть и очень милые люди.

— Я просил вас ответить на мой последний вопрос.

— А я не желаю отвечать на него. В конце концов, я женщина, должны же быть у меня привилегии?

— Впечатляюще сказано, — Энгус окинул Лизу оценивающим взглядом, заставив ее покраснеть. — Ладно, устраивайтесь и разбирайте вещи. Когда закончите, поднимайтесь наверх, только не забудьте надеть купальник.

— Есть, командир! — шутливо отсалютовала девушка.

— Лиза, — тяжело вздохнул уже уходивший Энгус, — я же не диктатор, я просто *прошу* надеть купальник. Я не собираюсь указывать вам, что делать, говорить или надевать, а всего лишь хочу, чтобы вы чувствовали себя комфортно.

Ну, а если не диктатор, то кто же? — размышляла девушка после того, как он ушел. Благодетель? Или обычный мужчина? Распаковывая вещи, она гнала от себя мысли об Энгусе. Она не желала видеть в нем мужчину, не желала думать о его сильном, гибком теле, неотразимом шарме, под влияние которого моментально попадал всякий, оказывавшийся достаточно близко. Она не хотела в него влюбляться.

Несколько минут спустя, поднявшись на палубу, Лиза увидела еще один шезлонг, поставленный, по всей видимости, для нее неподалеку от ложа Каролины, и рядом — тарелку с сэндвичами и виноградный сок. Вся компания уже перекусывала, лениво болтая о пустяках. В сторону появившейся Лизы повернулась одна Элис, на минуту оторвавшись от книги, но затем опять погрузилась в чтение.

Жара сморила всех, окутав душным покрывалом, не хотелось ни говорить, ни читать, а только дремать, удобно устроившись в шезлонгах.

Лиза так и сделала. Надев широкополую соломенную шляпу, она украдкой стала смотреть на Энгуса, о чем-то тихо разговаривавшего с Джерри; судя по их оживленному виду, разговор был явно о работе. Наклонившись вперед, он оперся локтями о колени, и Лизе была хорошо видна его спина, такая загорелая, мощная, гибкая... Залюбовавшись его красивым телом, девушка совершенно забыла о Каролине, которая напомнила о себе сама, тихо, чтобы не услышали другие, сказав:

— Что-то вы слишком долго пробыли с Энгусом внизу, когда он якобы пошел показывать вашу каюту.

Лиза промолчала, лишь покосившись на белокурую красавицу.

— Так что же вы там делали столько времени? — пряча за улыбкой ненависть, напрямик спросила Каролина.

— Внизу? — недоуменно переспросила Лиза. — Ничего. А что? — Ей и самой было очень даже интересно узнать, что такого предосудительного можно успеть сделать за три-четыре минуты.

Каролина изящно пожала плечиками и безразлично ответила:

— Да так, простое любопытство, — и принялась втирать крем для загара с неторопливостью человека, превосходно знающего, как из этой обычной процедуры сделать целое представление. — К тому же, — продолжила она, когда Лиза с радостью решила, что разговор окончен, — Энгус нуждается в защите.

Лизе очень хотелось рассмеяться, но она сдержалась, лишь иронично заметив, что Энгус не выглядит беспомощным человеком, нуждающимся в какой-либо защите.

Решив не обращать внимания на соседку, Лиза поудобнее улеглась в шезлонге и, скрестив стройные ноги, со сладким зевком закрыла глаза, подставив тело лучам солнца и слушая оживленную болтовню Элис и Сары. Через некоторое время они встали, и лишь легкий бриз доносил обрывки их разговора — Элис пыталась угадать названия тропических рыбок, во множестве плескавшихся за бортом яхты.

— Он объяснил, почему пригласил вас сюда, — неожиданно раздался скучающий голос Каролины.

— Да?

— Джордж, его шофер, сбил вас. Вот Энгус и предложил вам приехать сюда — из жалости.

— Энгус очень любезен, — пробормотала Лиза, кипя от злости и в который раз повторяя, что она — простая гостья, а Каролина — кузина Энгуса. Сжав кулаки и несколько раз глубоко вздохнув, Лиза наконец справилась с собой.

— Он в самом деле очень любезен, — продолжала меж тем белокурая змея, — но будет лучше, если вы не станете злоупотреблять этим.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сдержанно ответила Лиза, хотя отлично знала, куда именно та клонит.

Каролина повернулась к Лизе и, сняв солнечные очки, яростно сверкнула зелеными, как изумруды, глазами.

— Я говорю о том, что Энгус весьма привлекательный мужчина, но лучше вам будет держаться от него подальше. Я ясно выражаюсь?

Обвинение, прозвучавшее в ее голосе, было настолько нелепым, что на какое-то время Лиза онемела. Когда же она обрела способность говорить, то уже без всякой дипломатии выпалила:

— Можете не беспокоиться на этот счет. Имея такую заботливую кузину, меня Энгус опасаться не должен.

Каролина задыхнулась от злости, но не успела ничего сказать, так как вернулись Элис и Сара, и разговор пришлось прекратить. Воспользовавшись их приходом, Лиза поднялась с шезлонга и подошла к Элис. Та стояла у поручней яхты и задумчиво смотрела вдаль, а ветер трепал ее волосы.

Энгус и Джерри ушли в рубку. Как сказала Элис, они давно знают друг друга, и их дружбе не мешает семилетняя разница в возрасте. Она все говорила и говорила, но Лиза не слышала ее, как и не видела красоты моря, по которому скользила легкая яхта. В ее памяти звучал лишь один голос — презрительный, высокомерный голос Каролины.

И что самое ужасное — в ее обвинениях все было правдой. Энгус, без сомнения, привлекательный мужчина. Удивительно, что он до сих пор не женат, но если подумать хорошенько, то становится ясно почему: при строительстве империи не остается времени на жену, детей и долгие совместные зимние вечера перед камином.

— Он постоянно ездит, почти не бывает в Англии, — продолжала тем временем Элис, когда внезапно раздался голос Энгуса, незаметно подошедшего сзади:

— Я надеюсь, что вы говорите не обо мне. Знаете, это дурной тон — перемывать человеку косточки за его спиной.

Элис с усмешкой повернулась к нему.

— Да с тебя еще причитается за рекламную кампанию твоих добродетелей!

— Неужели не нашлось хоть одного плохого слова? — с ленивой улыбкой поинтересовался он у Лизы, чье сердце глухо забилось в такт словам Каролины, все еще звучавшим в голове.

— Представьте себе, не нашлось, — беспечно ответила она, не в силах поднять голову и

встретиться с его глазами. — Элис сказала, что вы много и тяжело работаете.

— В ваших устах это звучит — «трудится как муравей», так?

Затем он опять повернулся к Элис, заставив Лизу почувствовать легкую зависть при виде их обоюдной симпатии. Сама она очень тяжело сходилась с мужчинами, и у нее никогда не возникало подобных дружеских отношений.

Она всегда держалась очень напряженно в их обществе, крайне медленно сближалась с кем-либо и совершенно не могла шутливо кокетничать, как Элис.

— По-моему, — воскликнула Элис, увидев слоняющегося по палубе без дела Джерри, — кое-кто без меня совсем скис! — и ушла.

— Потрясающий человек! Так и искрится юмором, — вздохнула Лиза.

— Да, сколько я ее помню, она всегда была такой.

— Я вам завидую, — совершенно неожиданно для себя вдруг сказала Лиза и, отвернувшись, стала смотреть на море. Она не хотела говорить того, что сказала. У нее это вырвалось случайно, без всякой задней мысли, но чувствовала она себя неловко.

— Завидуете, что я провел с ней много времени? — улыбаясь, уточнил Энгус.

— Нет, я имела в виду вовсе не это...

— Я знаю, что, — он придвинулся ближе, почти касаясь ее руками.

— Мы далеко от берега? — спросила она, и Энгус вновь засмеялся, словно прочел ее мысли и понял, что Лиза пытается сменить тему разговора.

— Нет, не очень.

— Вы отдыхаете здесь каждый год?

— Вам осталось добавить: и еще живы? Лиза! На море сейчас совершенно безопасно, а вы боитесь лишь потому, что впервые здесь, впервые вылезли из вашего кокона, охватывающего квартиру и питомник.

— Нет, я была на море. Отец как-то работал в Шотландии на побережье, но то море совершенно не похоже на это.

— Я думаю. А что он там делал?

— Я же сказала — работал. Он биолог.

— А кто ваша мать?

— Жена биолога.

— Ну а вы — дитя биолога?

— Верно. Знаете, море в Шотландии всегда было таким бурным, а это — невероятно спокойное.

Энгус пожал плечами и пристально взглянул на девушку.

— Да, вода здесь необычайного лазурного цвета, прямо манит искупаться, но скрывает в себе гораздо больше опасностей, чем неприветливое и бурное Северное море.

— Да, я слышала, как Элис говорила об этом Саре.

— Как, вы разве не проходили это в пансионе?!

— Я очень мало что знаю о тропических рыбах, фактически лишь то, что мне рассказывал отец, когда изучал мир морских созданий, но его в основном интересовали северные виды рыб. А училась я в обычной школе, не в пансионе, хотя, наверное, вы думаете, что мне страшно не повезло.

— А любовь к растениям вам тоже привил отец?

— Может быть. Я как-то никогда не задумывалась над этим. Но почему вы задаете столько вопросов? Я не желаю больше говорить о себе.

— Что ж, вольному воля. — Шарм Энгуса был настолько притягательным, что Лиза и сама не заметила, как повернулась к нему лицом, опершись спиной на ограждение, и улыбалась, глядя на Энгуса и прикрыв ладонью глаза от яркого солнца.

— Мне надоело говорить только о собственной персоне, чью жизнь я и так хорошо знаю.

Лиза осторожно покосилась на Каролину, продолжающую поджариваться на солнышке и напоминающую змею своим блестящим от крема телом. Спит или не спит? Трудно понять из-за огромных солнечных очков, почти полностью скрывающих ее лицо.

— А где Элис и Сара? — девушка вновь попыталась сменить тему.

— Элис терроризирует Джерри, а Сара носится по палубе. Удивительно, сколько времени этот ребенок проводит на открытом солнце — и хоть бы что! А почему вы не поступили в университет?

Лиза лишь тяжело вздохнула, поняв, что расспросы еще не скоро прекратятся. Как же ей надоело его многочисленные вопросы! Да, она понимала, что Энгусу интересна ее жизнь, настолько отличающаяся от его собственной, но его неумное любопытство заставляло ее чувствовать себя неким диковинным животным, ископаемым динозавром, исследуемым Энгусом с дотошностью истинного ученого.

— Если вам так интересно, — покорно пустилась она в объяснения, — мои родители погибли, и мне надо было на что-то жить. Ни о каком университете не могло быть и речи. Мне надо было идти работать, оплачивать счета за квартиру, просто жить.

— Ясно, — глухо пробормотал он.

Не терпя жалости, Лиза ответила с большей едкостью, чем собиралась:

— Я так рада, что вы все поняли. Мне сразу стало намного легче от вашего «ясно». — Откинув назад волосы, она внимательно поглядела на него, прищурившись от яркого солнца. — А что бы вы сделали на моем месте? — сердито спросила она. — Вы с такой въедливостью выявили все мои недостатки. А теперь представьте себя на моем месте. Ну и как?

— Я просто не могу поставить себя на ваше место.

— Конечно, не можете. Вы же никогда не ходили по улицам города, не жили, как живут многие. Нет. Вы лишь проносите по городу в шикарной машине с шофером; если куда-то вам надо ехать, вы летите самолетом, классом «люкс», а первые красавицы становятся в очередь, чтобы переспать с вами. Я нарисовала полную картину или есть еще какие-то детали?

Лизу переполняло негодование, но продолжить разговор было невозможно: яхта замедляла ход, чтобы войти в порт Бекиа. А Лиза, стоя спиной к морю и кипя от гнева, даже смотреть не желала на красивую гавань.

Появилась Элис, держа за руку Сару, и, увидев Энгуса и Лизу, с радостной улыбкой направилась к ним. Энгус, тоже заметив ее, прошептал сурово, что этот разговор они продолжат позднее. Его лицо напоминало скорее каменную маску древнего грозного божества, нежели лицо живого мужчины.

— Это угроза? — так же тихо поинтересовалась она.

— Обещание. — И, резко оттолкнувшись от поручней, ушел в рубку.

Как только яхта пришвартовалась, Каролина лениво поднялась со своего шезлонга и, тряхнув копной белокурых волос, натянула шелковую блузку поверх миниатюрного бикини, готовясь ехать в отель.

Я должна привыкнуть, говорила себе Лиза, привыкнуть к подобным вольностям в одежде других. Но это оказалось тяжелой задачей — сама она в жизни не смогла бы появиться в подобном наряде на улице, но, возможно, Каролина в свои девятнадцать чувствовала себя так вполне комфортно.

Подошедшая Элис сказала, что в Бекиа они пробудут дня два, и посоветовала ничего из вещей с собой не брать. Все равно оба дня они будут загорать, плавать и, если еще останутся силы после одуряющей жары, играть в водное поло.

Лиза решила послушаться, надела шорты с легким топиком и, покидав в сумку кое-какие мелочи и несколько вещей, которые могли понадобиться, меньше чем через пять минут вновь поднялась на палубу.

До отеля добирались на такси. Лиза села с Элис и Сарой в одно, а Энгус, Джерри и Каролина — в другое. Ехать было недалеко, и всю дорогу Лиза весело проболтала с Сарой о растениях, рассказывая ей все то, что слышала от отца, когда сама была ребенком. Она объяснила, какие растения где растут, и почему в разных странах растут различные растения, и какую роль они играют в жизни насекомых. Она сама удивилась, сколько, оказывается, помнит, ведь прошло почти пятнадцать лет.

Но шофер прервал их беседу, остановив машину перед отелем, утопающим в зелени фруктовых деревьев, широкой лентой опоясывающих здание.

Лиза и представить себе не могла, что в мире может существовать подобное неопишемое, сказочное великолепие. Все красочные проспекты, во множестве хранившиеся у Лизы, померкли перед необычайными красками действительности. Но на остальных эти поистине райские места, по всей видимости, не произвели ровным счетом никакого впечатления: Элис и Джерри уже бывали здесь раньше и все видели, а Каролина лениво зевнула и, даже не взглянув на окружающие красоты, заявила, что идет к бассейну.

Когда же Сара, держащая мать за руку, серьезно заметила, что столько загорать вредно, Каролина лишь сморщила носик.

— Тебе, может, и вредно, а мне — нет. Когда я вернусь в дождливую Англию, то хочу, чтобы все видели, что я отдыхала не где-нибудь, а в тропиках.

— У тебя уже и так удивительно красивый загар, — заметила Элис, но Каролина, самодовольно кивнув в ответ, скрылась.

— Ну, а куда пойдете вы? — повернулся к Лизе Энгус.

— Думаю сходить к морю. Составишь мне компанию, Сара? — наклонилась к девочке Лиза, пытаясь скрыться от пронзительных голубых глаз.

— Но не дольше чем на полчаса, — тут же вставила Элис, и обе кивнули в знак согласия.

— Мама слишком уж опекает меня, — жаловалась Сара немного позже, когда они прогуливались по берегу, ища красивые раковины.

— Но так и должно быть! На то она и мама. Кстати, защищают своих чад и насекомые, и растения — каждое своим, доступным ему способом.

Когда Сара вернулась в отель, Лиза вдруг поймала себя на том, что пристально приглядывается к людям у бассейна, пытаясь увидеть, там ли Энгус. Меня вовсе не заботит, где он, уговаривала она себя, просто если он там, то мне следует быть настороже.

У бассейна его не оказалось. Тогда Лиза стала корить себя за любопытство. Как же ей хотелось выкинуть его из головы и больше никогда не вспоминать! Не нервничать, когда она глядит на него. Не вспоминать после разговора с ним каждую фразу, произнесенную глубоким, бархатистым голосом. Словом, хотелось безопасности и покоя.

Вернувшись на почти пустой пляж, она растянулась на полотенце, и глаза у нее закрылись сами собой.

Когда же она их открыла, то увидела над собой чистое, безграничное небо изумительного бирюзового цвета. Если бы какой-нибудь художник решил запечатлеть на своих полотнах красоту острова, подумала Лиза, то у него ничего бы не получилось. Никто не сможет передать необычайно четких линий, на редкость ярких красок и того редкостного мерцания, охватывающего все вокруг, что делает пейзаж по неземному красивым.

Со вздохом блаженства она вошла в ласковую воду Карибского моря, теплую, как парное молоко, и, забыв обо всем, быстро поплыла вперед, остановившись, только когда с непривычки заныли все мышцы. Оглянувшись назад, Лиза залюбовалась островом, хорошо видимым с моря.

Зрелище было потрясающее. На белый, как пудра, песок лениво накатывались волны и так же неторопливо отступали назад, оставляя за собой четкий мокрый след, куда вновь наступала следующая волна... Легкий бриз, шелестящий в вершинах деревьев, и ропот моря казались шепотом любовников в пик страсти, который то замолкал, то вновь раздавался под ясным небом.

Обратно Лиза плыла неторопливо, наслаждаясь нежным прикосновением морской воды к коже, и первое, что она увидела, едва выйдя из воды, было разъяренное лицо Энгуса, стоящего на берегу с ее пляжным полотенцем в руках.

— Где вас черти носят?! — заорал он, прежде чем она успела что-либо сказать.

— Ч-что? Что случилось? — запинаясь от смущения, спросила Лиза, вытершись полотенцем, сунутым Энгусом, и снова кинув его на песок.

— Отвечайте!

— Я плавала! — торопливо ответила она, отступая назад. — А разве что-то произошло? — растерянно поинтересовалась она. Почему он такой злой? Возможно, случилось что-то ужасное? Но при чем здесь она?

— Оглянитесь. И что вы видите? — прорычал Энгус.

Лиза осторожно осмотрелась, но ничего страшного не увидела.

— Здесь никого нет, — робко пролепетала она.

— Вот именно. Пляж абсолютно пустой, так?

— Да. — О Боже, что он от нее хочет? — Должно быть, уже позднее, чем я думала. Сколько сейчас времени? Я оставила часы в отеле.

— Это не имеет значения. Я хочу знать, какого дьявола вы полезли в море, если прекрасно видели, что на берегу никого нет?!

— Ах, вы об этом... — Она слабо улыбнулась и вздохнула с облегчением. — Но я была в полной безопасности, — как ни в чем не бывало продолжала она, не замечая, что выражение лица Энгуса становится все более мрачным и зловещим.

— А если бы с вами все-таки что-то случилось? Что бы вы тогда делали?

— Но ничего ведь не случилось! — Возмущение потихоньку вытесняло первоначальный испуг. — Я очень хорошо плаваю. — Солнце медленно заходило в море, его яркий свет отступал перед надвигающимися сумерками.

— И это все, что вы можете сказать в свое оправдание?

— Послушайте, — примирительно сказала она, — мне действительно очень жаль, что я заставила вас волноваться или причинила какое-то беспокойство, но мне на самом деле ничто не угрожало. — Она глубоко вздохнула и продолжила, чувствуя, что обязана это сказать, чтобы в дальнейшем с ней не обращались как с неразумным ребенком: — К тому же моя жизнь — не ваша забота. Я уже давно взрослый человек и вполне могу сама о себе позаботиться. — И с нарочитой грациозностью растянулась на полотенце, ожидая, когда же наконец Энгус уйдет.

Но вопреки ее ожиданиям он не ушел, а, наоборот, присел рядом, заставив девушку остро почувствовать, что на ней лишь купальник.

— Так значит, ваша персона — только ваша забота? — натянуто спросил он.

— Верно. Но может, вернемся в отель? — Она села на полотенце, и Энгус услужливо протянул руку, помогая встать. Но когда Лиза собралась уйти, его железные пальцы, обхватившие ее талию, не пустили ее. — Что вы делаете? — взвизгнула возмущенная девушка.

— Я просто не собираюсь позволить вам сбежать, — невозмутимо ответил он. — Вы сказали,

что уже взрослый человек, который сам может позаботиться о себе, правильно? Ну так докажите это, Лиза!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Доказать? — повторила ошеломленная девушка. Сумерки быстро сгущались, смягчая жесткие черты лица Энгуса, которые вскоре и совсем стали неразличимы в темноте. Были видны только его глаза.

— Да. — Он все еще не убирал рук с ее талии, и прикосновение его теплых пальцев к коже вызывало в девушке бессознательную тревогу. Она не знала, чего он хочет от нее, что подразумевает под своими словами.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, о чем вы говорите. Пожалуйста. — Она почти шептала. — Я действительно не привыкла к... к такому...

— К чему «такому»? — Хотя его голос и прозвучал удивленно, Лиза знала, что он ни капли не изумлен. Рука Энгуса продолжала лежать на ее талии, он прекрасно понимал, какое действие оказывает на нее, и наслаждался ее нервозностью, напоминая кота, играющего с мышкой, когда, перед тем как съесть ее, он хочет немного позабавиться.

— Я думаю, нам пора возвращаться в отель...

— Зачем? Мы великолепно можем еще прогуляться по пляжу, поговорить... И не надо так дрожать, я вас не съем.

Лиза улыбнулась, нервничая и удивляясь, как сильно бьется ее сердце, стремительно гоня кровь и заставляя ее чувствовать жар и пульсацию во всем теле. У нее было несколько не очень серьезных связей с мужчинами, но ничто — ни их прохладные поцелуи, ни горячие руки, обнимающие ее, — ничто не могло подготовить ее к всепоглощающей волне острого желания, пронесшегося по ее телу как ураган.

Но все же усилием воли девушка обуздала эмоции и безмятежно ответила:

— Разумеется, я не боюсь вас, с чего вы взяли? Но я немного продрогла, и вообще, пляж не очень-то подходящее место для таких поздних прогулок.

— Вы замерзли? — Он окинул Лизу недоверчивым взглядом. — Не может быть. Еще довольно тепло...

Впервые за все время Энгус оценивающе оглядел ее фигуру, но интерес в его взгляде исчез так же быстро, как и появился, оставив Лизу в недоумении: показалось ей это или нет? Придя к выводу, что показалось, она успокоилась и попыталась взять себя в руки, чтобы перестать нервничать из-за каждого подозрительного взгляда.

— Вы с Каролиной очень мило беседовали сегодня на яхте, — вывел ее из раздумий ленивый голос. Лиза чуть не поперхнулась от столь абсурдного предположения, но, слава Богу, сдержалась.

— Мы... что?

— Что она вам сказала?

— Не помню, — она опустила глаза, ощущая, как прокатываются по ее телу волны желания, вызванного прикосновением Энгуса.

— Помните, — ласково, но твердо заявил он. — Скажите мне!

— Нет. По крайней мере до тех пор, пока вы не отпустите меня и не позволите вернуться в отель, — с той же ласковой улыбкой ответила Лиза.

— Ни за что! Ведь это ультиматум, не так ли? А я не выношу никаких ультиматумов и условий.

Молчание зловещей тучей сгущалось над ними, и в конце концов Лиза не выдержала и неохотно пробурчала:

— Мы говорили о вас. Точнее, Каролина сказала, что вы нуждаетесь в защите.

— Что?! Я нуждаюсь в защите?! А она случайно не уточнила, от кого?

— От меня, — мрачно ответила Лиза, злясь и на себя за то, что рассказала все, и на Энгуса, вынудившего ее к этому.

Энгус убрал руку с ее талии и, повернув к себе лицом, задумчиво посмотрел на девушку.

— Думаю, мне надо будет поговорить с Каролиной. Как кузену с кузиной.

— Нет! Пожалуйста, не делайте этого! — жалобно попросила Лиза. — Я бы не хотела становиться причиной каких-либо раздоров, ведь Каролина защищала ваши интересы. Возможно, будь я на ее месте, то поступила бы так же.

— Вот уж не ожидал, что вы приметесь защищать ее, — искренне удивился Энгус. — Ну так знайте, что проблемы Каролины состоят в том, что она не может устоять ни перед одним мужчиной. Она порхает от одного к другому, принимая каждую женщину за заклятого врага, только и мечтающего перебежать ей, Каролине, дорогу. Она и в круиз-то отправилась после очередной ссоры с последним приятелем. И это у нее был уже третий за последние два года.

— Пожалуйста, не продолжайте...

— Вы сами сказали, что желаете рассматривать все с ее позиции, и я просто хотел доказать, что вы совершенно не такая, как Каролина.

— Да, — пробормотала Лиза. Во рту у нее внезапно пересохло. — Но она такая красивая, — без всякой связи неожиданно произнесла она.

— Я не хочу говорить о ее внешности, — довольно резко ответил он. — Вы лично порхали от одного мужчины к другому?

— Конечно, нет.

— А у вас есть любовник?

Лиза почувствовала на себе пристальный взгляд его темных глаз, прожигавший ее насквозь.

— Это не ваше дело. — Лицо девушки стало пунцовым от столь интимного вопроса. Да как он смеет спрашивать у нее *такое*? Что он возомнил — раз так случилось, что она его гостя, то должна отвечать на любой его вопрос, даже о своей девственности?

— Вы не ответили.

Поколебавшись несколько секунд и решив, что он все равно не отстанет, пока не добьется ответа, Лиза выпалила, кипя от гнева:

— Я не отношусь к современным девицам. Я верю только в серьезные отношения. И у меня никогда не было ни единого... Но разумеется, среди моих друзей есть и мужчины тоже!

— Конечно.

Девушка вырвалась и отбежала в сторону. По ее щекам текли слезы, слезы смущения и унижения.

— Я предпочитаю иметь богатый жизненный, а не сексуальный опыт! — крикнула она и, повернувшись, обнаружила стоящего за спиной Энгуса.

— Безусловно.

— И прекратите во всем соглашаться со мной! Думаете, я не вижу, что вы смотрите на меня свысока? Я отнюдь не дура.

— Несомненно.

— Опять вы соглашаетесь!

— Вам хочется, чтобы я спорил с вами?

— Это хоть не так унижительно, как ваше поддакивание! — продолжала бушевать Лиза.

Энгус лишь покачал головой и, нежно обняв ее за плечи, отчетливо и медленно произнес:

— Да когда же вы поймете, что я и не собираюсь жалеть вас? Вы настолько жалеете себя сами, что в сочувствии посторонних нужды нет.

— Это неправда.

Он легонько встряхнул ее, заставляя прислушаться, но не к своим словам, а к самой себе — к импульсам своего тела, и тишина опустевшего пляжа помогала ей в этом.

— Вы больше не можете оставаться в своей скорлупе, — заговорил он через некоторое время. — Пусть вы приехали сюда под действием некоего сумасшедшего импульса, но раз вы все же здесь, то это самое подходящее место, чтобы вылезти из кокона. Ведь он защищает вас не только от суеты жизни, но и от всех удовольствий.

— Зачем вы мне говорите все это? Зачем лезете ко мне в душу? Я не нуждаюсь в психоаналитике!

— Вы хотите, чтобы я замолчал, потому что я говорю правду, и правду неприятную.

— Сколько можно повторять: моя жизнь — не ваше дело!

— А я говорю, что мое.

Опустилась темная тропическая ночь и окутала их. Тишину нарушали лишь равномерный шум

прибоя да легкий бриз, шелестевший в зарослях буйной растительности.

— Почему вы думаете, что некрасивы? — неожиданно хриплым голосом спросил Энгус, нежно проводя рукой по ее шее. — Вы же сами однажды сказали, что деньги не являются показателем человеческих достоинств, но все же принижаете себя. Почему?

Лиза не знала, что ответить. Его голос настолько изменился — стал более глубоким, менее сдержанным, да и дыхание Энгуса участилось, так же как и у нее. Подняв глаза, девушка увидела вздымающуюся и опускающуюся широкую грудь и, зачарованная этим зрелищем, почувствовала, что не в силах ни говорить, ни двигаться.

Энгус запустил пальцы в шелковистые волосы Лизы, наслаждаясь их мягкостью, и притянул ее к себе так близко, что точеные черты его лица показались девушке расплывчатыми. Она закрыла глаза, даже не пытаясь вырваться, — внезапно все ее тело стало ватным, и даже если бы она и захотела убежать, то не смогла бы: ноги не слушались ее. Но ей и не хотелось вырваться. Лиза всей душой желала, чтобы Энгус поцеловал ее, прямо здесь, посреди пустынного ночного пляжа.

Их губы встретились, и она застонала — то ли в знак протеста, то ли от неимоверного желания, переполнившего ее, а может, от того и другого. Она чувствовала, как его жесткое тело прижалось к ней, а руки скользят по спине.

Его губы, такие нежные и настойчивые, вызвали в ее изголодавшемся по ласке теле сладкую дрожь наслаждения. Когда же его язык проник в медовые глубины ее рта, лаская и терзая в сладостной пытке, ее груди напряглись и прижались к его груди, плотно, до боли.

Между ними вспыхнула безумная страсть — о такой Лиза лишь читала. Целомудренная по своей натуре, она до этого мгновения и не представляла, что эротическое наслаждение может быть настолько сильным, что каждая жилка задрожит от неугасимого желания. Новые ощущения пугали, но Лиза уже была не в состоянии сказать «нет».

Когда же язык Энгуса проложил пылающую дорожку по ее шее, она инстинктивно откинула голову назад, давая ему доступ к нывшей от напряжения груди. Энгус дышал часто и неровно, и Лиза лишь вздохнула, когда он спустил с ее плеч бретельки купальника, а потом и вовсе сорвал его.

Она и не пыталась надеть купальник снова, лишь застонала от потрясения и неимоверного наслаждения, когда его рука накрыла одну грудь, лаская. Энгус обводил большим пальцем ее сосок до тех пор, пока тот не затвердел под его нежными прикосновениями.

Грудь у Лизы была маленькая, а соски — большие и чувствительные и, казалось, пульсировали под его пальцами. Все тело дрожало от незнакомых ощущений.

Наклонившись, Энгус вобрал в рот другой сосок, посасывая и легонько кусая его. И так, крепко обнимая друг друга, они вместе упали на песок. Лиза окончательно потеряла голову от нахлынувших эмоций, но Энгус, видимо, отдавал отчет в своих действиях, так как Лиза почувствовала, что лежит на полотенце, неизвестно как оказавшемся под ней. Она была настолько поглощена происходящим, что ни ливень, ни гром, ни даже армия солдат, появившись они на пляже, не проникли бы в ее сознание, затянутое багровой дымкой страсти.

Энгус покрывал бесчисленными поцелуями ее нежную шею и лицо, лаская, дразня, терзая...

Она была готова пройти этот путь до конца — слепое безудержное желание говорило в ней. И

только почувствовав руки Энгуса, бережно разводящие ее ноги, она как бы очнулась от невероятного сна, затянувшего ее в свои райские глубины и чуть не заставившего совершить непоправимую ошибку.

Она словно увидела себя со стороны, с большой высоты, и вся жизнь побежала перед ней как на киноплёнке. Вот она совсем маленькая, со смешно торчащими косичками и книжками под мышкой, бежит в школу; а вот она на своей самой первой вечеринке, нервничает до такой степени, что чувствует себя совсем разбитой; а вот она, та же робкая Лиза, лежит на пляже, открытом всем ветрам, и занимается любовью с мужчиной, поддавшись порыву безумной страсти.

Ласковые руки Энгуса добрались до ее лона, заставив Лизу страстно выгнуться под его тяжестью, но все же, собрав всю свою волю, девушка сумела выдохнуть:

— Не надо!

— Что случилось? — Его голос звучал невнятно, а дыхание было как у бегуна, пробежавшего по крайней мере сотню миль без передышки.

— Я не могу! — хрипло прошептала она, но Энгус, пригвоздив ее к песку всей своей тяжестью, так что она не могла пошевелиться, лишь свирепо прорычал:

— Чего ты не можешь, так это остановиться в такой момент!

— Мне больно!

Он молча откатился в сторону, и Лиза поднялась, дрожа, как от холода.

— Простите... — начала было она, но он резко оборвал ее:

— Забудьте об этом.

— Я не думала... Я правда не думала, что дойдет до этого... Я не хотела...

— Говорю вам, забудьте. — Энгус резко поднялся и быстро зашагал прочь, а Лиза ринулась за ним вдогонку.

Ее пронзала почти физическая боль при одной только мысли о том, чем они занимались. Когда они перешли границу, за которой уже не могли сказать «нет»? Как она могла перешагнуть через те принципы, что растила в себе годами? Чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что огромную роль во всем этом сыграл и Энгус Гамильтон.

Она признавала, что он неимоверно притягателен, ведь силу он не применял. Она была очень неопытна, соблазнить ее — пара пустяков. Но что привлекало его, такого искушенного и богатого, к ней? Невинность? Романтичный лунный свет? Или все это вместе? Как же нелегко ответить на вопросы, касающиеся только мужчины и женщины!

Лиза посмотрела на фигуру, почти невидную в темноте, быстрыми шагами, уходящую в тень деревьев, окаймлявших отель, и снова волна ужаса окатила ее.

— Вы сердитесь, я знаю, — уныло сказала она, отчаянно надеясь, что он не вцепится ей в горло от переполняющей его злости, хотя Энгус не замедлил шаг и никак не показал, что услышал ее. — Однако вы должны понять, что я не отношусь к тем женщинам, которые прыгают в

постель к первому встречному.

— Мне ваши объяснения как мертвому припарки, — холодно буркнул он, не оборачиваясь.

— Я не собиралась извиняться, а только хотела объяснить...

— Что чувствуете себя увереннее после происшедшего?

— Нет. — И вообще, почему она обязана что-то объяснять ему? Ее первоначальное желание отнести все происшедшее на свой счет и оправдать его постепенно угасло.

Должно быть, он опять прочел ее мысли, поскольку остановился и взглянул на нее так, что Лизе захотелось оказаться как можно дальше от этого места.

— Раз вы считаете, что вам станет легче, если все разъясните, то я весь внимание.

— То, что произошло между нами... не знаю, как это и назвать...

— Сексуальным притяжением, — любезно подсказал Энгус.

— Может быть. — Нет, она не могла произнести это, не могла применить к тому, что происходило между ними на пляже, эти слова — «сексуальное притяжение» показались ей такими... бесстыжими.

— Нет, не *может быть*. Именно сексуальное притяжение, желание. Произнесите же это!

— Ну хорошо, хорошо. Сексуальное притяжение. Так лучше? — Лиза пришла в ярость. — Извините меня, что попросила остановиться, не дойдя до главного момента, но если бы перед тем как мы... в общем, если бы у меня было время подумать, то ничего подобного бы не произошло.

— Как все было для вас ужасно! — саркастично процедил Энгус. — Как же вы вытерпели все это, бедняжка!

— Я не говорила, что все было ужасно, — кипя от злости не менее, чем он, ответила девушка, ненавидя его за власть, которую он имеет над ней, а себя — за слабость. — Просто я чуть не совершила ошибку. Вот и все, что я хотела сказать, собираясь извиниться перед вами.

— Извинения приняты, — коротко кивнул он и вновь зашагал прочь, а Лиза поспешила за ним, едва успевая.

Разумеется, он все еще сердился. Гнев в нем не утихал ни на секунду с той самой минуты, когда она попросила остановиться. Наверно, ни одна женщина не осмеливалась останавливать его в подобный момент. И для него, пожалуй, совершенно естественно, что двое людей могут заниматься любовью, даже не испытывая этого чувства друг к другу. И уж точно ни одна из его любовниц не задумывалась о правильности или целесообразности их занятий.

— Этого больше не произойдет, — сказала Лиза вслед удаляющемуся Энгусу. Впереди показались огни отеля, и с каждым шагом в девушке росло чувство стыда за происшедшее.

— Совершенно с вами согласен — такое не должно повториться.

Глубоко вздохнув, Лиза продолжила:

— Фактически мне даже не нравятся мужчины вашего типа.

Энгус, резко остановившись, обернулся к девушке. Выражение его лица представляло странную смесь негодования и жгучего любопытства.

— А какие мужчины вам нравятся больше всего?

— Ну, как бы вам сказать... — стеснительно прошептала Лиза. Одно могу сказать точно — не вы, подумала она. И не подобные вам здоровяки-красавцы с недюжинным умом и очарованием. И конечно же, не те, кто может развлекаться с серенькими мышками вроде меня лишь потому, что те оказались в нужном месте в нужное время.

— Пойдемте. — Энгус уже улыбался. — Уверены, что чувствуете себя лучше?

Лиза промолчала.

— Послушайте, — ласково начал он. — Я прекрасно понимаю, что вы не валитесь в страстных объятиях на песок с мужчиной только потому, что он вам понравился. Нет. Вам нужно, чтобы мужчина прежде поклялся в вечной любви и отвечал всем вашим суровым требованиям, и тогда, и только тогда, вы, *может быть*, и пустите его в свою постель. Кроме того, — как ни в чем не бывало продолжал Энгус, не обращая внимания на вспышку ее негодования, — вы потребуете от него гарантий на всю жизнь.

— Прекратите! Я не требую никаких обязательств! А вы просто злитесь, что я отказала вам! Могу поспорить на что угодно, что ни одна женщина до меня не смела так поступить с вами, Его Высочеством Энгусом Гамильтоном!

Почувствовав, как румянец заливает ее щеки, Лиза тем не менее продолжала:

— Вы всегда получали абсолютно все, что хотели, и думали, что так же легко заполучите и меня в свою постель! Вы злитесь, потому что пострадала ваша мужская гордость, и пытаетесь обвинить в этом меня, придумывая причину, по которой я отказалась спать с вами. Но хотя *вы* и привлекательный мужчина, а я, надо признаться, очень неопытна, правда заключается в том, что *мне вы совершенно не нравитесь, и как мужчина — в особенности!*

Глаза Энгуса прищурились, и только сейчас Лиза поняла, что сказала. В общем, все это было правдой, но стоило ли подливать масла в огонь? Причем в таком количестве? Энгус выглядел так, будто его единственным желанием было убить ее, и немедленно.

— Простите, — запоздало пробормотала она. — Я не хотела говорить этого.

— Ну почему? Зато вы выпустили весь пар и успокоились. — И его губы изогнулись в леденящей кровь улыбке. — Вы все правильно сказали, за одним маленьким исключением: между черным и белым есть еще и серое, о чем вы забыли, обвиняя меня.

— Да, — вздохнула Лиза, и губы Энгуса вновь язвительно изогнулись.

— Предлагаю забыть все, что произошло.

— Согласна, — кивнула она с явным облегчением. Так, пожалуй, подумала она, будет лучше всего. Ничего не произошло. Вот только как забыть его руки, ласкающие ее податливое тело, его губы, припадавшие к ее груди, поцелуи, сводящие с ума...

Развернувшись на пятках, Энгус ушел, и его величавой походке мог бы позавидовать король. Лизе тоже ничего не оставалось, как удалиться в свою комнату и с тяжким вздохом рухнуть на постель.

Но едва она закрыла глаза, как вновь увидела пляж, себя с тяжело бьющимся сердцем, извивающуюся под такой приятной тяжестью жесткого тела Энгуса... В жизни бы не поверила, что она — *она!* — способна на подобное. Всегда, с самого детства, она училась контролировать свои чувства, иначе не смогла бы выдержать бесконечных переездов. Даже когда погибли родители, она не потеряла голову от переполнявшего ее горя. Она купила квартиру, нашла работу и с тех самых пор была абсолютно уверена, что жизнь будет развиваться исключительно по ее сценарию. Но сейчас!..

Она никогда не задумывалась, каким хочет видеть своего мужа, лишь твердо знала: он будет спокойным, даже флегматичным, и, разумеется, главным в жизни для него должен быть покой.

Лиза начала неторопливо одеваться к ужину, гадая, сможет ли смотреть на Энгуса, не вздрагивая и не краснея, — вот уж ее несносная особенность, вечно на ее лице написаны все мысли, и остальные гости с легкостью прочитают, *что* произошло. Да сможет ли она вообще поддерживать беседу?

Но когда она присоединилась к остальным в столовой, то осторожно взглянула на Энгуса, садясь за стол, и на миг их взгляды встретились. Ничего не произошло, подтвердили его холодные, как льдинки, голубые глаза. Так что переживать не из-за чего.

Это жизнь, напомнила себе Лиза, и именно этого ты хотела.

Ей все еще было стыдно. Как она отплатила человеку, давшему ей возможность увидеть этот рай наяву, а не на манящих глянцевых брошюрах! Но и позволить ему довести то, чем они занимались на пляже, до логического завершения она тоже не могла.

Миниатюрные самолеты, «букашки», как называли их здесь, совершали чартерные рейсы над островами Кануан, показывая неописуемо красивые бухточки и пляжи, пролетали над Майреаном и затем летели к песчаной отмели Тобаго, где вода была настолько чистой, что вы могли разглядеть каждую песчинку, лежащую на дне на глубине в несколько метров. Именно на Тобаго Лиза впервые познакомилась с удивительной, первозданной красотой подводного мира, ныряя с аквалангом.

Еще она видела острова — красивые крошечные изумруды, разбросанные среди сапфирового океана, — и эти картины она решила сохранить если не навсегда, то на долгие годы в фотографиях и в памяти.

Но когда яхта отправилась в знаменитую Гренаду, то к бочке меда прибавилась ложка дегтя, и не одна, — какой бы большой ни была яхта, все же разминуться с Энгусом было невозможно, и его присутствие омрачало безоблачный отдых Лизы.

На первый взгляд их жизнь текла как прежде. Лиза улыбалась, смеялась над шутками, весело болтала с Элис, загорала и успешно делала вид, что мрачное настроение Энгуса ни в коей мере ее не заботит. Тайком бросая на него взоры из-под ресниц и следя за каждым его словом, движением, взглядом, она вспоминала тот вечер на пляже, его ласки, поцелуи, стоны...

Но через пару дней сказочный отдых закончится, и жизнь снова войдет в привычную колею, в рутине будней сгладится память о происшедшем, но в глубине души она сохранит каждую,

даже самую незначительную деталь отпуска на Антильских островах.

Скоро, уже совсем скоро Энгус поставит яхту в док Гренады, где они проведут последнюю ночь перед тем, как улететь в Англию.

На следующее утро, позавтракав, Лиза улеглась в шезлонг и лениво глядела на горизонт, туда, где бирюзовая вода сливалась с лазурью неба. Девушка загорела не меньше, чем Каролина, и загар очень красил ее. Глаза цвета темного шоколада, казавшиеся обычно безжизненными на бледном лице, приобрели экзотический вид на золотистом фоне. Лениво зевнув, Лиза задремала на солнышке, нещадно палившем даже в этот ранний час, рассеянно слушая обрывки разговора остальных.

— Там такие миленькие базары... горы свежих фруктов...

— Можно купить любую красотку всего за несколько соверенов...

— В Гренаде прелестные пляжи, помнишь?... Поплаваем немного перед обедом.?

— Дорогая, скажи, но только честно: я сильно пополнил?..

Все голоса слились в общий гул обсуждения планов на последний день отдыха, навевая дремоту на греющуюся под солнышком Лизу. Но вскоре жара сморила и всех остальных, отодвинув обсуждение планов на вечер, когда станет прохладнее. Боже, это же их последний день здесь...

Из сонного оцепенения Лизу вывел голос Энгуса, тихо позвавшего ее, и девушка резко села, взволнованно глядя на него.

— Извините, я не слышала, вы что-то сказали?

Элис что-то пробурчала о тропическом солнце и его усыпляющем эффекте, на что Джерри, еще не совсем очнувшись, ответил, что если его вечно сонный бухгалтер не решит наконец вопрос с налогами, то он по приезде оторвет ему голову, и снова впал в спячку.

Лиза вновь повторила свой вопрос, совершенно растерянная — ведь Энгус открыто избегал ее все последние дни.

— Каролина собиралась провести весь сегодняшний день на пляже, — небрежно заметил он, дополняя слова весьма выразительным взглядом, говорившим, что грех этим не воспользоваться. — Но поскольку это наш последний день здесь, а вы единственная из нас, кто никогда на Гренаде не был, я решил показать вам остров. Вам наверняка понравятся здешние растения, они так разнообразны и очаровательны!..

— Спасибо, но я с большим удовольствием тоже поваляюсь на солнышке, — ответила Лиза. Ну надо же, он решил! — фыркнула она про себя. И я, разумеется, обязана немедленно забыть, как он вел себя последние дни, и с радостью принять «приглашение»?

— Я уверена, Лизе будет лучше понежиться на пляже, чем в твоей компании, да еще по такой жаре, осматривать достопримечательности острова, — раздался ленивый голос Каролины, с усмешкой глядевшей поверх огромных солнечных очков, с которыми она не расставалась ни на минуту во время всего путешествия.

— А я уверен, что лучше бы тебе помолчать, Каролина, — с улыбкой ответил Энгус, а затем

снова повернулся к Лизе. — Вы не можете уехать отсюда, не взглянув на растения, которые растут только здесь, на этом острове, — вкрадчиво начал он. — Но если у вас есть причины опасаться меня, то...

— Нет, конечно, нет, — поспешно воскликнула девушка, уловив, однако, вызов в его голосе. И Энгус улыбнулся улыбкой победителя, охотника, знающего, что зверь все же попал в ловушку.

— Значит, решено. — И довольный, разлегся в кресле, закинув руки за голову, в то время как Элис, заинтересовавшись разговором, стала расспрашивать Лизу о ее работе в питомнике, на что Каролина, презрительно фыркнув и опять водрузив чудовищные очки на нос, проговорила, конкретно ни к кому не обращаясь:

— Моя мать тоже интересуется растениями. Даже участвует в ежегодной выставке цветов в Челси. Что-то рыхлит, пересаживает, поливает... Какая скука! Нет, я, конечно, люблю цветы, но как можно с ними столько возиться, как некоторые? Проще купить понравившийся букет.

— Ты вообще не любишь ни с чем возиться, кузина, — заметил Энгус, поглядывая на часы.

— Ну зачем начинать все сначала, Энгус? Не будь хоть сегодня занудой, ладно? — (Но Энгус не повернул головы в ее сторону).

Ленивое замечание Каролины направило разговор в другое русло, а Лиза, лежа в шезлонге, предавалась печальным воспоминаниям, навеянными небрежным монологом Каролины. Да, ее бывший жених относился к ее работе точно так же — с изрядной долей пренебрежения. Не то что Энгус...

Энгус. Неужели она влюбилась в него? Осторожно бросив на него взгляд, Лиза поняла, что раньше и не замечала, насколько притягательна его смуглая красота, благодаря которой наверняка не одна женщина потеряла голову.

Когда яхта вошла в док, Лиза потеряла Энгуса среди общего гама — все договаривались, где и во сколько встретятся, куда пойдут обедать, где собираются купаться... Сам же Энгус пошел искать машину, чтобы немедленно начать осматривать остров.

— Вам так повезло, — как всегда сияя, болтала Элис. — Подумать только, проехать по острову, увидеть потрясающие места и цветы! Какая прекрасная идея! Энгус очень о вас заботится.

— Да, в самом деле, — уныло отозвалась Лиза, изо всех сил стараясь придать голосу хоть немного радости.

Тоскливо проводив взглядом уходивших Элис, Джерри и Сару, она вдруг увидела Каролину, в красивой шелковой рубашке без рукавов и в большой соломенной шляпе, скрывающей лицо.

— Вы разве не собирались уйти с ними? — вежливо спросила Лиза.

— Да, но прежде я хочу поговорить с вами.

— Послушайте, — тяжело вздохнув, начала было Лиза, но затем остановилась. Она же ни в чем не виновата, а значит, и оправдываться ей нечего.

— Нет, это *вы* послушайте и зарубите себе на носу — то, что Энгус пригласил вас проехаться по острову, еще не значит, что вы его заарканили. Уж не воображаете ли вы...

— Прекратите!

— Нет, вы выслушаете меня! Да кто вы такая — простая садовница, которая и одеваться-то настоящему не умеет! Запомните — Энгус вам не достанется!

— Но, Каролина, вы ошибаетесь... — Лиза снова попыталась успокоить разбушевавшуюся девушку, но та уже никого, кроме себя, не слышала.

— Я все прекрасно вижу! Вы пытаетесь окрутить его, но лучше не перебегайте мне дорогу, вам же хуже будет! Вы меня еще не знаете!!

— Каролина, да что с вами? Я совершенно не интересую Энгуса, и он не волнует меня. — Немного помолчав, она продолжила: — Я понимаю, как вы сами относитесь к нему, но он-то видит в вас только ребенка... Кстати, вам пора — вон Элис уже машет, чтобы вы спускались.

— Все равно на вас он не женится: вы не из нашего круга, — белая как мел от ярости, прошипела Каролина.

— Да я и не хотела бы оказаться там, — усмехнулась Лиза, чувствуя, как вскипает в ней гнев.

— Я вас предупредила. — И, откинув белокурые волосы, Каролина убежала, сжимая кулаки.

Через двадцать минут вернулся Энгус с целой связкой ключей, лицо его было мрачнее грозовой тучи.

— Если ваши планы поменялись, то не надо никуда ехать, — нервничая, предложила Лиза. — Я очень неплохо проведу день и на пляже.

— Угу, — кивнул он, и она поняла, что на этот вариант надеяться не следует. — Я уверен, что вы скорее предпочтете остаться в ненавистной компании Каролины, чем наедине со мной, но все же вам придется согласиться на второй вариант. — И подведя ее к старенькому голубому автомобилю, усадил на переднее сиденье, а сам занял место шофера.

— Вы хотя бы взяли карту? — поинтересовалась она. — А может, вы еще передумаете? Мне наша поездка не кажется такой уж хорошей идеей.

— Нет, это чертовски хорошая идея, — возразил он почти агрессивно. — А карту я не взял. Предлагаю ехать куда глаза глядят, а потом увидим, что из этого получится.

Лиза промолчала. Она отнюдь не была в восторге от перспективы бесцельной езды по незнакомому острову, где так легко заблудиться, но спорить с ним ей хотелось еще меньше.

— Язык проглотили, Лиза? — спросил он, выруливая на дорогу с такой неторопливостью, что Лиза заподозрила, что на большее эта развалюха и неспособна. — Или же вас так ошеломила предстоящая прогулка?

Но Лиза продолжала молчать. Она и сама не знала почему — то ли нервничала, то ли в самом деле боялась грядущей поездки, которая неизвестно чем закончится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ко всему прочему машина оказалась и без кондиционера... Несмотря на ветерок, проникающий сквозь открытые окна и играющий волосами Лизы, было очень жарко, а кожа сиденья напоминала раскаленную сковороду.

Все это нисколько не улучшило ужасного настроения Энгуса, и Лиза еще раз спросила себя, почему все-таки он потащил ее в эту поездку и почему проигнорировал ее предложение никуда не ехать, раз ему не хочется. Она уже не могла выносить молчания, повисшего в машине. Не то чтобы ей так уж хотелось поговорить, но зловещее молчание вкупе с хмурым лицом — это уже слишком.

Несмотря на обещание «ехать куда глаза глядят», создавалось впечатление, что Энгус вел машину весьма целенаправленно, хоть и не пользовался картой. Было очевидно, что он бывал тут ранее. А вообще, кто его знает? Может, он и правда здесь уже бывал с какой-нибудь другой несчастной, получившей сейчас отставку?

Она покосилась на Энгуса и, поняв, что надвигается буря, немедленно отвернулась к окну.

Они, по всей видимости, направлялись в центр острова, куда и вела узкая, вся в колеях и колдобинах дорога. Лиза заставила себя не думать об Энгусе и о будущем, попытавшись сконцентрироваться на прелестных окрестностях, расстилавшихся по бокам дороги, — тем более что машина ползла еле-еле и можно было все внимательно рассмотреть. После надоевшего и такого однообразного моря первозданная красота пейзажей поражала своим великолепием. Девушка не знала, в какую сторону смотреть, поскольку увидеть хотелось все. А разнообразие и красота цветов настолько изумили ее, что, забыв про плохое настроение Энгуса, она принялась без умолку болтать о них.

— Знаете, мой отец очень любил растения, — сообщила она. — Даже был немного помешан на них. Найдя какое-нибудь редкое растение, он мог часами исследовать его, наблюдать, какие насекомые к нему подлетают, просто любоваться им... Но потом обязательно приносил его домой и показывал нам с мамой. Знаете, я научилась чертить диаграммы периодов жизни растений прежде, чем научилась читать. — Рассмеявшись, она повернулась к нему. — Не думаю, что это такой уж большой талант. — И улыбнувшись, вдруг увидела в зеркальце его лицо.

Оно уже не выглядело таким мрачным, как вначале, но на нем все еще была непонятная усмешка, как будто он чего-то ждал. Лиза поспешно перевела взгляд на деревья.

Живя в городе, быстро отвыкаешь от простора деревенских пейзажей, решила Лиза, зачарованно глядя на окрестности. Плодовые деревья и дикие леса обступали дорогу, нависая над ней зеленым прохладным шатром, почти не пропускающим ярких лучей солнца. На краткий миг заросли расступились, и Лиза заметила домик, представлявший собой крайне примитивную хижину, сделанную из какого-то местного материала и пестревшую многочисленными щелями и заплатами. Немного дальше они увидели и нескольких людей, с любопытством глядевших в их сторону.

— Многие из этих цветов, — кивнула девушка в сторону обочины, не отрывая взгляда от буйной зелени из страха пропустить хоть малейшую деталь, — мы выращиваем и в нашем питомнике, но только там они растут в горшках и ящиках. И мне так непривычно видеть орхидеи и другие цветы растущими на воле, причем целыми непроходимыми зарослями. При этом они красивее и больше, чем наши. Я вам еще не надоела? — осторожно покосилась она на Энгуса, но он лишь улыбнулся теплой дружеской улыбкой.

— Хотите, остановимся, чтобы вы могли рассмотреть их вблизи?

— Еще как! — И едва он остановил машину, как она выпрыгнула из нее на обочину, нарвала букет цветов и залезла обратно, прижимая их к груди.

— Это мне? — пошутил Энгус, снова смутив девушку.

— Они очень украсят вашу рубашку, — уверенно кивнула Лиза.

— Вы *действительно* так думаете? — с сомнением переспросил он, но, увидев ее лицо, расхохотался.

— Я рада, что сейчас у вас хорошее настроение. — И что толкнуло ее сказать это? Может, то, что он на самом деле перестал хмуриться? Ну почему, почему, стоит ему только с улыбкой взглянуть на нее — и она готова запеть от счастья?

— А когда это у меня было плохое настроение? — удивился он, заводя машину и вновь устремляя взгляд на дорогу. — Не отвечайте, — приказал он, едва девушка открыла рот.

— Но вы же сами задали вопрос, — нахмурясь и ничего не понимая, пояснила Лиза.

— Ох, Лиза, Лиза, — вздохнул Энгус. — И почему вы всегда считаете себя виновной во всех смертных грехах?

— Привычка, наверное, — ответила она, снова удивляясь самой себе. — Я выросла, коря себя за то, что не такая, как родители, за то, что робка и стеснительна, и вот до сих пор не могу остановиться. — Виновато улыбнувшись, она отвернулась к окну.

Вскоре машина вновь остановилась — они приехали к Большой Пасти, кратеру потухшего вулкана, в самом деле похожего на раскрытую пасть огромного животного, а лужица тусклой воды, блестевшая в нем, создавала впечатление неимоверной глубины. Туристов, отважившихся заглянуть внутрь, страх пробирал до самых костей, как от созерцания ада.

Лиза и Энгус вышли из автомобиля размять затекшие ноги и рассмотреть диковинный вулкан поближе, а затем отправились в джунгли, поскольку Лизе очень хотелось взглянуть на бамбук, а заодно и на дикий виноград, и на лианы... В результате, когда они все еще что-то осматривали, наступила ночь, окружившая их характерной для тропиков тишиной, нарушаемой лишь изредка пронзительным криком какой-нибудь ночной птицы или зверя.

Стоя здесь, в темноте джунглей, в непроглядной тьме южной ночи, Лиза наконец поняла, что гнало родителей в другие места в поисках неизведанного.

Они были одни. Вблизи не было ни туристов, ни местных жителей.

— Мы с вами похожи на Адама и Еву. Одни во всей Вселенной, — задумчиво проговорила она. — Вам так не кажется? — И засмеялась, счастливая.

— Вы как маленький ребенок, получивший новую игрушку, — усмехнулся Энгус, с удивлением взирая на девушку.

— Неужели это плохо? — серьезно спросила она, повернувшись к мужчине лицом. — Я в жизни не видела ничего подобного. Да, я много ездила с родителями, но ни разу не выезжала за пределы Англии. И кроме того, когда вы все время одиноки, довольно сложно восхищаться новыми местами, вещами. В двенадцать-тринадцать лет постоянные переезды скорее утомительны, нежели желанны. По крайней мере меня они только раздражали. Я чувствовала не радостное волнение, что скоро увижу новые места, а исключительно ужас, что опять должна расстаться с людьми, к которым еще только стала привыкать.

— Но многие потому и путешествуют, что хотят иметь сотни друзей по всему миру.

— Может быть, — медленно бредя к машине, ответила Лиза, — но я не из них. Помните пословицу: старый друг лучше новых двух? — Грустно вздохнув, она заставила себя рассмеяться. — Ну зачем мы говорим о грустном, когда птицы так красиво поют, а ночь столь прелестна? Тем более сегодня наш последний день на этом замечательном острове.

— Просто, — устало, но с нежностью ответил Энгус, — я хочу понять вас, Лиза.

Она промолчала. За последние несколько часов ей было так хорошо в его компании — они смеялись вместе, рассматривали достопримечательности острова, и она совершенно забыла, кто он такой, перестала нервничать и переживать по каждому пустяку. Но сейчас все вернулось. И все в Энгусе Гамильтоне — и завораживающий голос, и блеск голубых глаз на красивом, мужественном лице, — все предупреждало об опасности, прячущейся под мягкостью ягуара.

Скользнув на сиденье, она захлопнула дверцу и, старательно отводя взгляд от Энгуса, принялась размышлять, что же значили те его слова, от которых веяло опасностью. Но Энгус как ни в чем не бывало спокойно сел в машину и невозмутимо двинулся в обратный путь.

Когда же он заговорил, то касался только безобидных тем — расспрашивал Лизу о ее работе, о планах на будущее, о друзьях, о ее любимых книгах. И засмеялся, когда на вопрос, что она делает по вечерам, получил совершенно серьезный ответ: сижу, скрестив на индусский манер ноги, перед телевизором с чашкой какао и книжкой на коленях. Какие планы на выходные? Навещу друзей.

— Но не возлюбленного, — с довольной улыбкой констатировал он и, видя, что Лиза решила проигнорировать его замечание, снова улыбнулся.

Вскоре они свернули к отелю, где остановились на ночь, и Энгус, повернувшись, язвительно поинтересовался:

— Что, очень страшно было остаться со мной наедине? Лиза, как это вы еще не скомпрометировали себя!

— Спасибо вам за все, — устало ответила измотанная Лиза, откидывая прядь волос, упавшую на глаза. — Все было просто чудесно.

Да, это в самом деле было чудесной сказкой, думала девушка позже, за ужином. Сказкой, которая закончится завтра, но сейчас она здесь, и конец еще не наступил. Что же хотел сказать Энгус, говоря, что желает узнать ее получше? Кто знает, но до завтра еще есть время...

Как во сне она отвечала на многочисленные вопросы Элис и Джерри, пытаясь проявить энтузиазм, но ей было тяжело сосредоточиться, поскольку мысли витали далеко-далеко.

При одном упоминании о возвращении в Англию она приходила в отчаяние. После того как они попрощаются в Хитроу, Энгуса Гамильтона она больше не увидит. Разумеется, как вежливый человек, он скажет, чтобы она заходила к нему, когда будет в Лондоне, на чашечку чая, но Лиза знала: конец отпуску — конец и всяческим отношениям.

Когда же она смотрела на него, сидящего по другую сторону стола, ее сердце начинало бешено биться, как будто хотело выскочить из груди. Девушка пыталась навсегда запомнить все те мгновения, что они провели вместе, те эмоции, что он с такой легкостью пробудил в ней.

Я должна вернуться к своей обычной жизни, безуспешно пыталась убедить себя девушка. Я должна вернуться к реальности, потому что сказка, в которую я попала, не может длиться вечно, она закончится завтра утром. Лизе очень хотелось поверить, что ее жизнь будет продолжаться так же, как и прежде, но она понимала: это уже невозможно. Спокойная, без тревог и волнений жизнь — верх ее мечтаний прежде — уступит место бесконечным серым и тоскливым дням, неделям, месяцам, годам одиночества, когда не будет рядом Энгуса со ставшей уже привычной усмешкой и неиссякаемым любопытством. Боже, о чем она думает! Зачем самой себе растравлять душу?

Ужин закончился, и Лиза, сославшись на усталость, пошла в свою комнату, стараясь не глядеть на Энгуса, иначе он слишком многое смог бы прочитать на ее лице.

Закрывшись в спальне, она без сил рухнула на постель и в изнеможении закрыла глаза. Но около полуночи, убедившись, что уснуть не сможет... натянула тенниску и шорты и решила побродить по пустынному пляжу.

Выйдя из отеля, она оглянулась. Никого. Как же здесь красиво и тихо! Мерный шум прибоя, безмятежная гладь моря, тишина ночи... Но внезапно благословенное безмолвие разорвал голос Энгуса, окликавшего ее. Это было настолько неожиданно, что перепуганная Лиза сочла голос за галлюцинацию. Но это был действительно Энгус.

— Тоже не спится? — поинтересовался он, подходя ближе.

Я не должна смотреть на него, как заведенная твердила себе Лиза, иначе я не знаю, что может произойти. И как можно спокойнее, отвернувшись и глядя на гладь моря, она проговорила:

— Я нервничаю из-за завтрашнего перелета. Я ведь лечу на самолете второй раз в жизни.

— В самом деле? — пробормотал он. Взяв девушку за руку, он увел ее подальше от отеля и сел на песок, но Лиза упрямо продолжала стоять.

— Присядьте. Мне надо поговорить с вами.

— Со мной? О чем? — Она неохотно села подальше от него, но Энгус тут же пододвинулся к ней вплотную.

— Посмотрите на меня. — И приподняв ее подбородок так, чтобы видеть лицо, продолжил разговор, начатый ранее: — Я в самом деле был в отвратительном настроении сегодня утром, потому что быть рядом с вами невыносимо для меня.

— Простите, — потрясенно прошептала Лиза, — но боюсь, что я не понимаю вас. Мне надо идти — уже очень поздно.

— Вы уйдете не раньше, чем мы поговорим.

— Нам не о чем разговаривать.

— Неужели вы не знаете, что чем дольше охотишься, тем ценнее добыча? — Энгус грубо остановил готовую сорваться с места Лизу, и она тихо охнула, поняв, что он имел в виду.

— Простите... — уже испуганно проговорила девушка, но он грубо прервал ее:

— Прекрати извиняться! Можешь ты наконец выслушать меня и понять, что я пытаюсь тебе

разъяснить вот уже столько времени?! Я хочу тебя, будь оно все проклято!

После столь яростного взрыва тишина показалась неестественно громкой и пугающей. Лиза ошеломленно сидела и таращилась на Энгуса, слыша лишь неистовый стук сердца и пытаясь осознать, что он сказал. В какой-то миг она подумала, что спит и видит все во сне.

— Нет, — прошептала она срывающимся голосом, вскакивая, чтобы убежать.

Но Энгус оказался проворнее и, схватив ее за талию, прорычал:

— Сегодня ты от меня не сбежишь!

— Но мы не можем заняться *этим*, — слабо сопротивлялась она. — Мы же договорились...

— Нет. Мы ни о чем не договаривались. Неужели ты настолько наивна, что воображала, будто я смогу удержать в узде сексуальное желание? — И, толкнув ее на песок, лег рядом, гораздо ближе, чем ей хотелось бы.

— Но... Я даже не знаю, что сказать...

— Тогда не говори вовсе. Пора закончить то, что так давно было начато. — С этими словами он запустил пальцы в ее волосы и поцеловал безо всякого намека на нежность, не возбудив, а лишь перепугав Лизу.

Испуганно вскрикнув, она попыталась отпихнуть его от себя, но Энгус еще плотнее прижал ее к песку, хрипло прошептав:

— И не пытайся бороться со мной. *Это* все равно произойдет.

Он сказал «*это*» таким злобным тоном, что у нее кровь застыла в жилах. Девушка задрожала, внезапно почувствовав себя крошечной, хрупкой пташкой, схваченной ужасным огромным чудовищем, вырваться из грубых объятий которого она не могла. Желание! Вот что держало ее еще крепче, чем тяжелое, жесткое тело, пригвоздившее ее к земле. Желание — яростное, бешеное, безжалостное, ураганом сметающее все благоразумие, что еще оставалось в ней. Да, Энгус пробудил в ней страсть, такую же яростную, как и у него.

— Если скажешь, что не хочешь меня, я оставлю тебя в покое, — прошептал он в ее губы, но Лиза уже хотела только одного — ласкать великолепное тело, прижимающее ее к песку, целовать его с такой же жадностью, как и он несколько мгновений назад, и позволить ему дойти до конца...

Поцелуи становились все более пьяными и беспощадными, оставляя огненные следы на нежной коже, заставляя вскипать кровь, по которой уже гулял всепожирающий огонь, ища ослепительного выхода, и ожидание было невероятно мучительно-сладким.

Лиза застонала от наслаждения, когда Энгус принялся осыпать поцелуями ее лицо, шею, и выгнулась навстречу, облегчая доступ к каждому дюйму нежной кожи. А когда он хрипло прошептал, что хочет поцеловать каждую клеточку ее восхитительного тела, задрожала в предвкушении.

Она не носила лифчика, и ее груди напряглись в болезненном ожидании под тонкой тенниской. Обняв Энгуса, Лиза положила его руку себе на талию и вздрогнула от наслаждения, когда его теплая ладонь легла на нежный холмик, лаская его.

Очень скоро тенниска была сорвана, девушка почувствовала на разгоряченной коже ветерок, приятно обвевающий тело, и вздохнула от переполнившего ее неведомого ранее наслаждения.

Его нежные губы накрыли сосок. Энгус то слегка покусывал его, то дразняще обводил теплым, ласковым языком, заставляя Лизу изгибаться в его объятиях.

Но внезапно он отстранился и потянулся к молнии на ее шортах. Лиза не сопротивлялась, даже слегка приподняла бедра, помогая стаскивать их. Ей хотелось продолжения, и всякая задержка раздражала.

Время для них остановилось. Они знали лишь одно — они здесь, они рядом, они вместе...

Подчиняясь его нетерпеливым пальцам, Лиза раздвинула ноги, едва ли сознавая, что делает. Наслаждение достигло, как ей показалось, своей наивысшей точки, но, когда его язык заскользил по животу и ниже, ощущения стали непереносимо острыми.

Одна рука Энгуса продолжала ласкать грудь, соски затвердели и стали необыкновенно чувствительными.

Когда же Энгус проник в нее, Лиза содрогнулась от острой боли.

— Я знаю, — хрипло прошептал, он. — Знаю. Я не хотел причинять тебе боль.

И он задвигался в ней снова, но делал это настолько осторожно и нежно, что она застонала, но уже от непередаваемого наслаждения.

С восхищением Лиза смотрела на мощные плечи Энгуса, блестящие от пота, на его сильные руки, опирающиеся о песок, когда он двигался в ней в быстром, резком ритме, пока невероятное блаженство не заставило ее разорвать тишину ночи, укутавшую их своим покрывалом, пронзительным вскриком, эхом ярчайшей вспышки наслаждения, вознесшей ее к небесам. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она смогла прийти в себя.

— Пляж — не самое лучшее место для занятий любовью, дорогая, — прошептал Энгус, но Лиза лишь улыбнулась.

Я люблю тебя, подумала она. Ты подарил мне невероятное удовольствие. Я люблю тебя. Неужели все это произошло на самом деле? Она пробежала пальцами по его груди, упиваясь ощущением собственной власти.

— Нет, это идеальное место, — вяло пробормотала она. — Во-первых, мы здесь одни, а во-вторых, бархатно-черное небо и серебряный свет луны — самая романтическая обстановка для любовников.

Энгус лишь улыбнулся в ответ, как улыбаются над шалостью ребенка.

— Что мы теперь будем делать? — глядя на него, тихо спросила Лиза. Он все еще лежал на ней, и его лицо оставалось в тени.

— Можем отправиться в твою комнату и кое-чем заняться, — предложил он, и Лиза моментально представила весьма живописную картинку — они вдвоем на широкой постели... Слегка наклонившись, Энгус чмокнул девушку в кончик носа. — Или можем остаться на природе, раз тебе она так нравится, и порезвиться при свете луны, — добавил он, сопровождая слова шаловливой улыбкой.

Когда Лиза вновь заговорила, ее голос дрожал:

— Нет, Энгус, я имела в виду вовсе не это. Что мы будем делать после того, что произошло между нами? — Романтический ореол, окружавший их, начал постепенно меркнуть, но она чувствовала, что должна была начать разговор.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю, — солгала она. Больше всего на свете ей хотелось провести остаток жизни вместе с ним, выйти за него замуж, но, судя по его тону, Энгусу подобная мысль и в голову не приходила.

— Знаешь, я снова хочу тебя, — удивленно пробормотал он хриплым от страсти голосом.

— И ты не понимаешь, почему, — тихо вздохнула Лиза, глядя на него.

— Ты совершенно не похожа на женщин, которых я знаю.

— А каких женщин ты знаешь? — поинтересовалась Лиза. Реальность, сменившая эйфорию любви, безжалостно крушила мечты и то призрачное счастье, которое надеялась обрести Лиза.

— Не скажу, иначе ты сбежишь от меня, заявив что-нибудь вроде «я не в твоём вкусе».

— Я настаиваю.

Пожав плечами и взъерошив и без того взлохмаченные волосы Лизы, Энгус ответил:

— Эффектных и сногшибательно красивых.

— Как Каролина?

— Ну, в общем да, только постарше.

Лиза села и обвила руками колени. Все ясно, мрачно подумала она. Я совершенно не твой тип, ты это хотел сказать? Я и привлекла-то тебя лишь потому, что совершенно не похожа на женщин твоего круга. Как только я тебе надоем, ты снова вернешься к эффективным, утонченным, хрупким блондинкам, а я останусь лишь кратким эпизодом твоей жизни.

— Я бы хотел иногда встречаться с тобой, когда мы вернемся в Англию, — неожиданно сказал Энгус.

— В самом деле?

— Да. Скажем, раз или два в неделю. — Он выжидающе взглянул на девушку, но она молчала. Вот она, ничем не приукрашенная реальность. Ему нужен только секс, простой, не отягощенный никакими сентиментальностями, да и то пока он не устанет от нее.

Я люблю тебя, продолжала Лиза свой тайный диалог, и не смогу встречаться с тобой месяц или два — ну пускай даже шесть, — зная, что в один ужасный день ты уйдешь, чтобы не вернуться. Зачем же я рассказывала тебе о родителях, если ты так и не понял, что неопределенность и непостоянство — мои худшие враги?

— Но Рединг довольно далеко от Лондона.

— У меня скоростная спортивная машина.

Дрожащими пальцами Лиза принялась натягивать тенниску, с внезапным отвращением глядя на мелкий белый песок. Надев трусики и шорты, она встала, так и не произнеся ни слова.

— Что случилось? — робко спросил он, тоже вставая и одеваясь, но Лиза лишь пожала плечами. — Ты скажешь мне наконец или будем играть в «угадалки»?

— Ничего не произошло, с чего ты взял?

— Нет, что-то все же стряслось. — В его голосе уже слышалось раздражение. — То ты полностью раскованна и свободна, а в следующую минуту опять возводишь вокруг себя крепостные неприступные стены! Так скажешь, что случилось, или мне надо вытрясать из тебя каждое слово?

Девушка медленно побрела прочь. Если она сейчас начнет объяснять что-либо, то рискует сорваться и рассказать о своей любви, но тогда она точно потеряет все его уважение вместе с остатками гордости.

— Ответь же, черт тебя подери! — Железные пальцы вцепились в ее запястье, заставляя остановиться и посмотреть в потемневшие от гнева глаза Энгуса.

— Я не могу... — На нее вдруг накатила безмерная усталость. — Я не хочу опять оказаться под чьей-то властью, как когда-то была полностью подчинена родителям. Я хочу совершенно другого.

— Я и не говорил ни о чем подобном.

— Нет, — согласилась она. — Но это одно и то же.

— Что за чушь ты несешь!

Помотав головой, Лиза подняла глаза, полные слез.

— Я все сказала, что хотела. Я так не могу.

— Но как же сегодняшняя ночь? Неужели ты не хочешь ее продолжения?

— Мне было очень хорошо с тобой... — пробормотала Лиза, резко отворачиваясь. Опять Энгус заставил ее сказать то, о чем она бы предпочла молчать, вновь напомнил то, что она предпочла бы забыть, — как она извивалась в его объятиях, без малейшего стыда принимая самые смелые ласки... — Но любовницей я не стану, как бы нам ни было хорошо вдвоем.

Не выдержав гробового молчания, воцарившегося после ее слов, Лиза, всхлипнув, побежала к отелю.

— Увидим, — мрачно пробормотал Энгус, бредя вслед за Лизой. Девушка перешла на шаг и дрожала как от озноба. Легкий бриз, еще час назад так приятно обвеивавший разгоряченную кожу, теперь казался ледяным зимним ветром, нещадно бившим в лицо.

Вбежав в комнату, Лиза направилась прямо в душ, на ходу стягивая мятую тенниску. Все ее движения были автоматическими, поскольку ее голову занимало только одно — Энгус. Только он царил в ее мыслях, его прикосновения огненными метками горели на коже, его слова звучали в голове. Забравшись под одеяло и накрыв голову подушкой, Лиза без особого успеха

пыталась думать о чем-нибудь еще — о чем угодно, лишь бы выкинуть из головы Энгуса Гамильтона, — когда вдруг кто-то прикоснулся к ее плечу.

Резко сев, она увидела чью-то фигуру — это был не кто иной, как надоедливый Энгус Гамильтон, закрывший ей рот ладонью, прежде чем девушка успела вскрикнуть.

— Шшш, это я, не пугайся, — прошептал он, не убирая руки с губ ошарашенной Лизы. — Мы же не закончили разговор, — как ни в чем не бывало продолжал он. Видимо, говорить будет Энгус, решила Лиза, раз не дает мне вставить и слово.

— Ммм, — промычала она, стараясь скинуть ладонь, закрывшую ей рот. Железные пальцы лишь крепче прижались к нежной коже, доказывая, что он вовсе не призрак.

— Ты должна понять, что я не выношу шантажа.

Да я не шантажировала тебя! — хотела крикнуть Лиза, но единственные звуки, вырвавшиеся у нее, больше напоминали бессвязное мычание, нежели речь разумного человека, и она предприняла еще одну попытку скинуть его руку с губ, которая также закончилась неудачей.

— Открыто — нет, — согласился он, взъерошивая свою густую шевелюру. — Но пойми, мы современные люди, а ты со своими пуританскими принципами морали...

Лиза вновь забилась в знак протеста.

— Лиза, — невозмутимо продолжал он, — я же честно предложил тебе жить со мной, но твой отказ, основанный на давно устаревших принципах, следует принимать именно как шантаж: или супружеское ложе, или ничего. — При этих словах он убрал руку, но несколько секунд потрясенная Лиза не могла вымолвить ни слова. Он же только что открыто сказал: ему нужен лишь секс, и ничего больше!

— Я уже сказала: нет, — неожиданно спокойно ответила девушка, когда наконец смогла говорить, хотя внутри у нее все клокотало от ярости. — Я не буду вашей любовницей никогда и ни на каких условиях.

— Но почему? — взбешенно прорычал Энгус. — Чего ты хочешь? Свадьбы? Законного брака, этого клочка бумаги? — И, видя, что она не отвечает, яростно продолжил: — Тогда запомни: это не для меня. Я не вижу в браке никакого смысла — тем более насмотревшись на родителей, смертельно надоевших друг другу, но продолжающих жить вместе, дабы их не осудило общество. Теперь понятно, почему я никогда не женюсь? — Опершись руками о постель, он навис над девушкой — мрачный, угрожающий, злой.

— Судя по вашим словам, раз родители были несчастны в браке, то и никто не будет счастлив, так? Но мои родители, например, были очень счастливы.

— Давай не будем спорить, Лиза. Пусть каждый останется при своем мнении, ладно?

— А как насчет детей?

— Может, другие люди и хотят их, но не я. Проклятье на твою голову, женщина, я желаю тебя так, как ни одну женщину до этого, так довольствуйся этим, не требуй от меня большего! Тем более я никому не предлагал того, что тебе!

— Уйдите, — не глядя на него, прошептала Лиза. — Оставьте меня. Я не желаю больше ни

видеть вас, ни, тем более, слышать ваши мерзкие предложения.

Она закрыла глаза, не желая видеть Энгуса и пронзительных голубых глаз, зло буравящих ее. Им больше нечего сказать друг другу. Временная связь не принесла бы ничего хорошего, а только страдания. Может, Энгус в самом деле не делал ранее подобных предложений, но она все равно не могла принять их.

Но даже согласись она на это, через некоторое время Энгус покинет ее. Так не лучше ли порвать все отношения сразу, чем ходить по острию ножа, ожидая развязки?

Встав с кровати, он еще некоторое время смотрел на девушку, закрывшую глаза и упорно продолжавшую молчать.

— Да будет так, — наконец изрек он и покинул комнату, с шумом хлопнув дверью.

Только убедившись, что Энгус в самом деле ушел, Лиза рухнула на подушки, чувствуя себя совершенно разбитой. Голова буквально раскалывалась от боли. Лиза была уверена, что, встань она с постели, упала бы на пол, поскольку сил в измученном теле не осталось.

О, если бы она заперла дверь спальни, когда вышла из душа! Тогда ей не пришлось бы выслушивать мучительные для нее объяснения — она и без них знала, что Энгус Гамильтон никогда на ней не женится.

Лежа с открытыми глазами и глядя в потолок, она ничего не видела, поглощенная невеселыми мыслями.

Он сказал, что браку нет места в его жизни. Но был ли он искренним? Наверняка нашлись гораздо более весомые причины для подобного решения, чем неудавшийся брак родителей.

К тому же сама она, Лиза, принадлежит к другим, более низким кругам общества; при виде представителей которых Каролина морщила свой изящный носик, считая их «людьми не того сорта».

Нет, наверное, Энгус вовсе не собирается оставаться холостяком навсегда и когда-нибудь женится, но только на девушке своего круга, девушке «голубой крови» и с деньгами.

Но зачем он оскорблял ее, называя пуританкой? Будь она такой, не занималась бы с ним на пляже любовью; отбросив все принципы. И если быть до конца честной, она не сожалела о происшедшем. Будь у нее шанс начать жизнь сначала, она поступила бы точно так же, поскольку познала, насколько физическая близость может быть прекрасна.

И о том, что *это* произошло именно с Энгусом Гамильтоном, она тоже не жалела. Она ведь мечтала подарить девственность любимому. Но теперь все кончено. Надо жить дальше. Как же изменилась ее спокойная жизнь с тех пор, когда шесть месяцев назад ее сбила машина...

Это было последнее, о чем подумала Лиза, перед тем как погрузиться в глубокий сон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Англия встретила их пронизывающим холодным ветром и дождем.

Лиза грустно взирала на капельки воды, стекающие по окошку такси. Она запретила себе думать о путешествии и обо всем, что с ним связано, установив как бы некий барьер, за

который строго-настрого запретила себе проникать.

Энгус не сказал ей ни слова. Даже не глядел в ее сторону. В самолете он сел рядом с Джерри, и всю дорогу ей не давал покоя его хриплый голос, в котором слышалась злость.

Машина наконец-то пробилась сквозь перегруженную дорогу, ведущую к аэропорту, и, выехав на магистраль, заметно прибавила скорость. Шофер, еще совсем молоденький паренек, вначале попытался завязать разговор, но, натолкнувшись на глухую стену молчания, прекратил всякие попытки. Лиза же могла лишь тупо глядеть на серый дождь и прохожих, спешащих куда-то под пестрыми зонтиками. Какой же нереальной ей казалась эта картина после солнечных и жарких дней!

Но когда жизнь вошла в свою обычную колею, то море, солнце и песок вспоминались уже как призрачная мечта. На Антилах казалось, что время тянется еле-еле, но сейчас, оглянувшись назад, Лиза поразилась, насколько быстро оно пролетело.

— Боже, — сказал пораженный Пол, когда на следующий день она вышла на работу, — ты выглядишь как фотомодель и так помолодела! Да, Элли велела сказать, чтобы ты немедленно позвонила, как только вернешься.

Лиза лишь улыбнулась. Пол был в своем репертуаре — куча неразобранных бумаг и несколько надоедливых заказчиков уже ждали ее.

Казалось, она должна была почувствовать облегчение, вернувшись к привычным горшкам с цветами и карликовыми деревьями, но этого не было. Жизнь вместо того, чтобы снова войти в привычное русло, становилась все более и более сумбурной.

Две недели спустя, когда Лиза вытащила из почтового ящика фотографии, сделанные во время отпуска, она убедилась, что Пол говорил чистую правду. С фотографий на нее смотрела сияющая, необычайно привлекательная девушка, позирующая на фоне буйной зелени и яркого солнца.

В повседневных делах и отрешенности еще две недели пролетели как во сне. Лиза старалась не думать о тех днях, а если вдруг такие мысли и появлялись, то она безжалостно гнала их прочь.

Единственное, что она не могла стереть из памяти, — это Энгус. Его лицо, с нестерпимо ироничной усмешкой необыкновенно четко отпечаталось в памяти и, как Лиза ни старалась, нисколько не меркло.

Это было ужасно. Она пыталась изо всех сил вытравить его образ, но он оказался не менее назойливым, чем его хозяин. Выгнав Энгуса из своей жизни, она не могла изгнать его из своих мыслей. Воспоминания змеями заползали в ее голову, когда она меньше всего этого ожидала, и заполняли собой все, не давая Лизе думать ни о чем другом.

Они настолько измотали девушку, что только через шесть недель после отпуска ей пришла в голову мысль, заставившая ее похолодеть от страха...

Лиза сидела с книжкой на коленях и чашкой кофе в руке, когда внезапно мелкие детали собрались в единое целое. Пытаясь привести в порядок свою жизнь, она совсем не обратила на это внимания, но сейчас, хорошенько поразмыслив, Лиза все поняла.

На следующее утро она первым делом отправилась в аптеку, купила тест на беременность и через полчаса с ужасом взидала на тонкую голубую линию. Ее жизнь теперь никогда не войдет

в привычную колею. Она беременна.

— Не может быть, — повторяла она, бездумно глядя на маленькую полоску ярко-голубого цвета, лежавшую перед ней. Но в глубине души Лиза знала, что никакой ошибки быть не может. Она ждет ребенка.

Со стоном она опустилась на софу, чувствуя себя совершенно разбитой.

Она даже не подумала о мерах предосторожности, занимаясь любовью с мужчиной, которого — она знала это уже тогда — никогда больше не увидит. И вот результат.

Осознав происшедшее, Лиза начала истерически хохотать, и лишь когда из глаз потекли слезы, она поняла, что смех перешел в плач. Как она могла быть настолько бестолковой? Она, дочь биолога? Лиза до сих пор помнила, как родители рассказывали ей про птичек и пчелок. И позже, когда она стала старше, последовал более серьезный разговор с матерью: «Глупо думать, что с тобой такого произойти не может. Если ты не предохраняешься, ребенок тебе обеспечен. Рано или поздно ты все равно забеременеешь».

Да, мама, ты была права: стоило лишь раз потерять голову...

Откинувшись на спинку софы и закрыв глаза, она стала понемногу осознавать всю чудовищность ситуации.

Ну почему я? — не переставая твердила она. Ну почему не одна из тех бездетных супружеских пар, которые готовы заплатить любые деньги, лишь бы иметь ребенка? Почему те, кто хочет детей, не могут их иметь, а я в результате страсти, затмившей разум, забеременела с первого раза?

Боже, что же мне теперь делать?!

Проведя весь день в невеселых раздумьях, Лиза на следующее утро пришла в офис Пола и сказала без всяких преамбул:

— Боюсь, у меня новости, которые вряд ли обрадуют тебя, Пол, — и, присев на краешек стола, потому что ноги ее не держали, собралась с духом и выпалила: — У меня будет ребенок.

Воцарилась необычайная тишина. Лиза не могла отвести глаз от пораженного Пола. Беременность никак не вязалась с ней, человеком, тщательно планировавшим свою жизнь на годы вперед, — именно такой знал Пол Лизу.

— Что-то не слышу поздравлений.

На его лице появилась вымученная улыбка, нисколько не скрывающая шока от подобного заявления.

— Ты темная лошадка, Лиза, — наконец-то смог выговорить он. — Я даже не подозревал, что в твоей жизни есть какой-то мужчина.

— А его и нет, — резко ответила девушка, моментально пожалев о грубости своего ответа. Незачем переносить свою злость на невинного Пола. Они столько лет проработали вместе и так сблизились, что казались друг другу родственниками. — Так уж вышло, — устало вздохнула она.

— Я надеюсь, что ты не сделаешь никаких глупостей. — И он, сочувственно посмотрев на грустную девушку, ободряюще похлопал ее по руке. — Это ведь не конец света, — смущаясь, проговорил он. — Разумеется, место за тобой сохранится. А отец ребенка?..

— Нет, — покачала она головой. — Он не знает о нем и не хочет его. Это только моя проблема. — Она хорошо заучила слова Энгуса о том, что он не хочет иметь детей. Воспоминания лишь разбередили начавшую затягиваться рану. — Спасибо, ты же знаешь, как для меня важна работа, — пытаюсь выкинуть из головы ненужные мысли, сказала Лиза.

— Ну о чем ты говоришь?! Разве мы не одна семья?

— Нет, — всхлипнула девушка. Это было действительно так. Как бы близки они ни были, она оставалась одинока и независима, и сейчас одиночество захлестнуло ее новой волной отчаяния. Друзья — это друзья, а семья — нечто совершенно иное. Ей придется одной управляться с неожиданным ребенком, что бы там ни говорил Пол. Но это действительно еще не конец света: не она первая, не она последняя, кто попал в подобную ситуацию.

— Разумеется, Элли поможет тебе, — утешающе продолжал Пол, но Лиза промолчала.

Элли, его жена, очень милая женщина, но у нее самой трое детей, к тому же она работает. Она тоже будет шокирована такой новостью, но, как и муж, сочтет за долг кое в чем помогать ей. Лиза резко перевела разговор на другую тему, не желая больше говорить о будущем, рисовавшемся ей весьма мрачным и неясным.

Но уверенность, что место за ней сохранится, приносила некоторое облегчение. За те три месяца, что она еще будет работать, удастся отложить немного денег. Нет, все-таки у нее прекрасные друзья.

Все ей посочувствуют, но не будут особо расспрашивать об отце ребенка и, разумеется, помогут, чем смогут.

А поддержка ей в самом деле понадобится. Она чувствовала себя больной, быстро уставала в последние дни, да и страх не выпускал ее из своих цепких лап.

Каждый день Лиза подолгу и с благоговейным удивлением смотрела на все увеличивающийся живот. Каждый день она или считала дни, оставшиеся до родов, или бродила по магазинам для малышей, прикидывая, что надо будет купить. Но после этого грусть накатывала на нее с еще большей силой, стоило ей увидеть беременную женщину рядом с мужчиной, поддерживающим ее и радующимся скорому появлению новой жизни.

У нее самой все было совсем не так. Сейчас Лиза особенно остро чувствовала свое одиночество и через некоторое время даже прекратила покупать приданое малышу.

Лето подходило к концу. Небо все чаще затягивали тучи, дни становились короче, а ночи — темнее, холоднее и длиннее. И именно тогда Пол предложил ей отправиться на выставку цветов. Это было очень завидное предложение, поскольку выставка была элитной, с редкими цветами и гибридами. Два билета Пол приобрел с огромным трудом.

— Сам я поехать не смогу, — извинился он, — поскольку улетаю за границу. Но почему бы не сходить тебе? Возьми кого-нибудь. Получишь огромное удовольствие. Тем более когда еще представится такой шанс.

Лиза с благодарностью взглянула в его доброе, умное лицо. Пол был удивительно заботливым

человеком. Всю последнюю неделю он буквально силой возил ее на обед к себе домой под предлогом, что нечего тратить деньги на невкусную еду в забегаловках, но истинной причиной было желание хоть что-то сделать для нее.

— Билет на выставку — плата за те дни, что я буду вкалывать одна, пока ты прохлаждаешься в Германии? — усмехнулась Лиза.

— Ну а кто лучше тебя справится со всем? Но на выставку тебе съездить все же стоит.

И три дня спустя Лиза, проклиная всех и вся, что согласилась ехать в такую даль, въезжала в Лондон.

В зале было многолюдно. На подобные выставки всегда ходит очень много народу, Лиза это знала, но не представляла, что посетителей окажется *столько*, причем всех возрастов и сословий.

У входа собралась огромная толпа желающих приобщиться к прекрасному, и Лиза едва пробилась в зал. Посмотреть хотелось все, и она, не теряя времени, начала осмотр.

Особенно много было роз всевозможных форм и расцветок, многие из которых Лиза видела впервые. Скромные лесные цветы вперемешку с луговыми выглядели необычайно мило на пестром фоне экзотических растений.

Огромный выставочный зал был полон пряных ароматов цветов и дорогих духов, восторженные восклицания сотен людей сливались в единый гул. Лиза, вытащив маленький блокнотик, записывала размеры, расцветку и прочие существенные мелочи, такие важные для ее работы.

Переходя к следующему экспонату, она вдруг услышала необычайно знакомый хорошо поставленный голос и, автоматически повернувшись, встретила с изумленным взглядом изумрудных глаз. Это было настолько неожиданно, что Лиза была вынуждена прислониться к стене, поскольку голова внезапно закружилась, а перед глазами поплыл туман.

Как сквозь сон она услышала голос какой-то женщины, спрашивающей, все ли с ней в порядке.

Устало кивнув ей, она увидела Каролину, удивленно вытаращившуюся на нее.

— Вот так сюрприз! Лиза... или как вас там зовут?

— Лиза Фримен.

У Лизы снова закружилась голова, так же как в первые месяцы, когда вдруг ни с того ни с сего земля резко уходила из-под ног, а к горлу подкатывала тошнота.

— Да, конечно, теперь вспомнила. — Лицо Каролины все еще было смуглым от загара, свидетельствующего, что девушка отдыхала в тропиках. Одета в элегантный изумрудный брючный костюм, годившийся скорее для званого вечера, нежели для выставки цветов, она резко контрастировала с Лизой, одетой просто и без претензий: ее гардероб всегда оставлял желать лучшего, поскольку Лизе было жалко тратить много денег на одежду, все равно она никуда не выходила.

— Как поживаете, Каролина? — вежливо пробормотала она, сжимая кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Просто превосходно, — прожурчал насмешливый голос, но, когда ее зеленые кошачьи глаза остановились на животе Лизы, улыбка моментально исчезла с ее губ, а в голосе зазвучала злость: — Поздравляю со скорым прибавлением в семействе.

Неужели так заметно? — расстроилась Лиза. Голова у нее кружилась, было жарко и душно, запах цветов казался непереносимо приторным.

— Спасибо.

— И сколько месяцев? — не отставала Каролина.

— Чуть больше четырех, — попыталась изобразить улыбку Лиза, как и полагалось по этикету, — прохладно-вежливую, какой улыбаются малознакомому человеку, — но сил в измученном теле уже не оставалось.

— Видно, — прищурив глаза, прошипела Каролина. — А где же ваш муж? Он с вами? — допытывалась она, но Лиза молчала. Да и что она могла сказать?

— Вам понравилась выставка? — в конце концов невпопад пролепетала она первое, что пришло ей в голову.

— Можно помереть от скуки, — после некоторой паузы последовал ответ. — Я здесь только из-за мамы. Она обожает подобные мероприятия и чуть не силой затаскивает меня на них.

— Ну... я надеюсь, вы хорошо проведете время. — Боже! — взмолилась Лиза, хоть и глупо надеяться на это, но сделай так, чтобы она не сложила дважды два, чтобы не догадалась ни о чем. — Мне надо идти...

— Я пыталась заставить Энгуса полюбить меня, но вы оказались правы: он видит во мне лишь подростка, и это несмотря на все мои попытки убедить его в обратном. — Ее злобная улыбка заставила Лизу поежиться. — И знаете, теперь я даже рада, что у нас ничего не получилось. Оказалось, он неспособен на длительные отношения ни с одной женщиной. К тому же Энгус ужасный зануда. И вряд ли когда-нибудь изменится, вы согласны?

Лиза лишь пожала плечами.

— А главное — у него жесткий нравственный кодекс... — продолжала тем временем Каролина. — Но известный и богатый человек всегда может стать центром грандиозного скандала. Я имею в виду... — она наклонилась поближе, коснувшись руки Лизы рукавом широкой зеленой шелковой блузы, и понизила голос, — вы же сами сказали, что забеременели четыре месяца назад. А значит, он вполне может быть отцом вашего ребенка. Если он побывал разок в вашей постели, то... Но что я говорю! Вы же слишком робки, чтобы допустить это, или нет?.. Если пресса обнаружит, что у него есть незаконнорожденный ребенок, мать которого он бросил, то устроит веселенькую охоту на него, владельца крупнейшего рекламного агентства, известного своими непоколебимыми моральными принципами! Лично я буду рада, если ореол идеального Энгуса Гамильтона немного потускнеет. Он еще узнает, что значит отвергать меня!

— Я уверена, что вы не пойдете на это, Каролина! — в ужасе вскрикнула потрясенная Лиза. — Вы не можете быть такой мстительной!

— Кто сказал, что я мстительная? Око за око — библейская истина, я просто следую ей. Кстати, вы так и не сказали, замужем ли вы.

Все черные полосы жизни рано или поздно кончаются. Так когда же закончатся ее несчастья?

— Мне действительно пора идти, — смело глядя на Каролину, ответила она. — Мы с вами мешаем людям, стоя здесь, в проходе. И передайте мои поздравления вашей матери. Ее выставка очень удалась, у нее в самом деле прекрасные цветы.

Лиза и не предполагала, что у нее такой талант актрисы, что она способна непринужденно болтать о пустяках и улыбаться, когда больше всего хочется плакать.

— Разумеется, передам, — почти что промурлыкала Каролина, отступая на шаг и внимательно глядя на живот Лизы. — И еще скажу, как я рада, что она заставила меня прийти сюда. Ведь, если бы не мама, мы бы с вами не встретились. А это было бы очень печально.

После разговора с Каролиной Лиза уже не могла беззаботно любоваться цветами и устало поплелась к выходу. Яркие цветы, совсем недавно радовавшие глаз насыщенными и разнообразными красками, сейчас слились в единое пестрое пятно, только раздражавшее ее.

Как добралась до квартиры, Лиза уже не помнила.

Она снова и снова прокручивала в уме разговор с Каролиной. И все более убеждалась, что совершенно правильно поняла ее намеки. Каролина хотела отомстить Энгусу. Если это правда, что Энгус отверг ее, то естественно, что она попытается свести счеты: Каролина не из тех людей, кто забывает унижение. И что может быть лучше, чем сообщить газетчикам о незаконном ребенке, которого сам Энгус не желает знать?

В эту ночь Лиза ни на минуту не сомкнула глаз. Обычно стоило ей коснуться подушки, как она засыпала, но сегодня этого не произошло. Не находя себе места, она металась по постели и в тысяча первый раз пыталась убедить себя, что слова Каролины были вызваны злостью, что она не поступит так, как грозилась...

Но убедить себя Лизе не удалось. И тогда она стала ждать. Ждать телефонного звонка, ждать, стоя на краю пропасти, ждать падения в никуда.

К концу второй недели девушка начала надеяться, что Энгус потерял ее адрес и никогда уже не найдет, потому что его нет в справочниках. Она попыталась вспомнить, говорила ли ему, где работает, но так и не смогла.

К концу третьей недели Лиза прекратила со страхом взирать на молчащий телефон.

Осень вступила в свои права. С деревьев стала облетать листва, покрывая землю роскошным багряно-золотым ковром. Лиза достала из шкафа водонепроницаемый плащ и теплое пальто, молясь, чтобы они налезли на нее. Большинство вещей уже стали ей малы. Со вздохом убрав ставшие слишком тесными джинсы, она без особой радости села шить одежду для беременных. Она не могла себе позволить купить красивые платья для будущих мам, продававшиеся в магазинах, и ничего не оставалось, как шить их самой.

Она прекратила думать об Энгусе, потому что отсутствие новостей — самая лучшая новость. Когда возникнут какие-то проблемы, решила Лиза, тогда она и будет их решать. Также она перестала нервно подпрыгивать при каждом телефонном звонке, думая, что это звонит разъяренный Энгус. Чему быть, философски думала она, того не миновать.

Когда же в холодную дождливую пятницу раздался звонок в дверь, Лиза, не колеблясь ни секунды, пошла открывать, совершенно уверенная, что это Джуд, ее подруга. Обычно та

забегала в конце недели и уводила Лизу поужинать в какой-нибудь недорогой ресторанчик, но они там не столько ели, сколько просто сидели и болтали.

Поэтому шок при виде Энгуса, стоящего на пороге, был так силен, что она застыла, не в силах пошевелиться, как будто пронзительный взгляд его голубых глаз обратил ее бренное тело в камень.

Она не могла вымолвить ни слова. Сила, исходящая от него, парализовала ее волю, заставив похолодеть от страха.

Лиза ошибалась, думая, что помнит до мельчайших деталей облик Энгуса. Она совершенно забыла ту силу, что он излучал, забыла высокомерный, не предвещающий ничего хорошего взгляд голубых глаз, сейчас застывших острыми льдинками.

— Удивлена, Лиза?

— Что вы здесь делаете? — наконец смогла прошептать она. В голове у нее роились тысячи объяснений, одно хуже другого.

— А как ты думаешь? — Улыбка моментально сползла с его лица, губы сжались в тонкую линию. Лиза прекрасно понимала, что под показной мягкостью прячется безжалостный, неумолимый ягуар. — Не хочешь пригласить меня войти?

И, не дожидаясь ответа, толкнул дверь и ворвался в квартиру, даже не взглянув на хозяйку. Когда же он повернулся, держа руки в карманах, она поняла, что худший из ее ночных кошмаров сбылся. Она не знала, что сказать, как не знала и этого нового Энгуса, с холодной и жестокой улыбкой взиравшего на нее.

— Неужели тебе совершенно нечего мне сказать? И это после того, как ты так долго готовилась?

— Долго готовилась? О чем вы говорите? — Ее сердце отчаянно билось, так и норовя выскочить из груди.

— Ты что, думаешь, мне ничего не известно? — Холодная усмешка не сползала с его губ. — Сбить меня с толку тебе не удастся.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Объясните же, в конце концов!

— Не пытайся играть со мной, все равно проиграешь! — прорычал он, и Лиза съежилась от его рыка, прижавшись спиной к двери. — Я был в Америке, когда Каролина разыскала меня. Мне пришлось срочно возвращаться.

Лиза проскользнула на дрожащих ногах в гостиную и села на софу, обхватив руками колени. Значит, это были не пустые угрозы. Какой же душой она была, решив, что все уладится само собой. Каролина не из тех людей, кто может прощать. Нет. Она насладится местью до конца.

— Хорошо понимаю, почему.

— Еще бы. — Его губы изогнулись в циничной усмешке. — Так что хватит разыгрывать передо мной святую невинность. Сколько ты хочешь?

— Вы предлагаете мне деньги? — в замешательстве взглянула на Энгуса Лиза.

— Конечно. Так сколько ты хочешь за свое молчание?

— Я не понимаю, о чем вы говорите и чего добиваетесь, оскорбляя меня в моем доме.

— Так когда же у тебя созрел этот план, Лиза? — с подозрительной мягкостью поинтересовался он.

— Энгус, пожалуйста...

— Не увиливай от ответа!

— Что вам сказала Каролина?

— Что мне сказала Каролина? Что встретила тебя на выставке цветов, где она помогала матери. Сказала, как тебе не терпелось поведать всему свету, что ты беременна от меня и будешь молчать, только если тебе заплатят кругленькую сумму.

Лиза побелела.

— Но все было совершенно не так, — потрясение прошептала она.

— Так когда же тебе пришла в голову идея получить от меня деньги? Когда ты узнала о беременности? — Он шагнул к ней, и Лиза сжалась еще сильнее, глядя на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами. — Итак, ты решила немного поиграть в шантаж? И чтобы не встречаться со мной, решила действовать через Каролину? Я помню, как она говорила тебе, что ее мать участвует в этой выставке; и ты решила разыграть там случайную встречу? Ну а если бы не вышло, то попробовала бы еще что-нибудь?

— Нет! Все было совсем не так!

— Значит, я ошибаюсь?

— Я и понятия не имела, что Каролина будет на той злосчастной выставке! И как вы смеете врываться в мой дом и обвинять меня в... предъявлять мне подобные обвинения! — Ее голос задрожал, и она стиснула зубы, стараясь не расплакаться, но подступившие слезы душили ее.

Взъерошив волосы, Энгус кинул на Лизу взгляд, в котором смешались злость, сомнение и явное недоумение. Затем он заметался по комнате, как ягуар в тесной клетке.

— Ты считаешь, я ошибаюсь?

— Да.

Он на миг остановился перед ней.

— Как я уже говорил, я не потерплю шантажа, в чем бы он ни выражался. А ты пыталась шантажировать меня, найдя Каролину и...

— Но я не искала встречи с Каролиной! — возмущенно воскликнула Лиза. — Наоборот, *она* нашла *меня*! Поскольку Пол не смог пойти на выставку сам, то попросил, чтобы поехала я и сделала некоторые заметки, важные для нашей работы. Когда же я увидела ее, то было уже слишком поздно... Она все поняла... И возликовала... Каролина сказала, что она пыталась... в общем, ей не удалось...

Лиза никак не могла сформулировать свою мысль и не знала, понимает ли ее Энгус, потому что он молча продолжал взирать на нее непроницаемым, непонятым взглядом, который так пугал девушку.

— Она сказала, что вы отвергли ее и она собирается отомстить, — наконец выдохнула Лиза, глядя прямо в его застывшие, недоверчивые глаза.

— Почему я должен верить тебе? — холодно проговорил он.

— Это уж ваше дело — верить мне или нет.

Гнетущую тишину нарушил Энгус, сказав с уже меньшей яростью, но с такой же холодностью:

— Сейчас я уйду, но когда выясню все до конца — вернусь. — Его слова прозвучали зловеще, как смертный приговор. Мрачно взглянув еще раз на сжавшуюся в комочек Лизу, он ушел, с силой хлопнув дверью.

Уныло оглядевшись, Лиза задумалась над словами Энгуса, над дикой злостью, перекосившей его красивое лицо, когда он бросал страшные обвинения. Но это ее вовсе не удивило. Каролина не из тех людей, кого мучит совесть за подтасовку фактов в свою пользу, и следовало ожидать, что она именно так и поступит. Обиднее всего, что Энгус легко поверил этой хладнокровной, тщательно продуманной лжи.

И что еще хуже — поверил в корыстные интересы ее, Лизы, в ее способность использовать ребенка как орудие шантажа.

Незаметно для себя Лиза уснула на софе, а проснувшись на следующее утро, почувствовала себя совершенно больной, все тело ломило. К счастью, была суббота, и ей не надо было идти на работу.

Приложив ладонь к животу, она с нежностью подумала о крошечном комочке, растущем там, внутри нее. Последние несколько месяцев у нее совершенно не было времени задуматься о ребенке, слишком уж ее поглотили проблемы денег и сохранения за ней рабочего места, но сейчас Лиза вдруг поняла, что очень хочет этого ребенка, хочет поскорее поддержать его на руках и спеть ему песенку.

Она позавтракала и решила пойти погулять, но тут явился Пол и сказал, что завтрашний обед у них дома отменяется. У Тимоти ветрянка, и остальные двое, кажется, тоже подхватили ее. Элли обнаружила одно весьма зловещее красное пятнышко на животике Дженни, а сегодня утром там была уже целая россыпь.

У Лизы, несмотря на жуткий прошедший день, хватило сил с улыбкой выслушать отрывочные восклицания Пола, которого переполняло отчаяние: все трое детей заболели!

— Мы не хотим, чтобы и ты подхватила эту заразу, — улыбаясь, закончил он, беря ее руку в свою. — Но, — добавил он с доброй усмешкой, — когда напасть закончится, тебе от обеда не отвертеться!

— О Боже! — притворно тяжело вздохнула Лиза. — От тебя не отвяжешься: прилипчив как банный лист!

— Хм! — довольно хмыкнул он, и, отсмеявшись, они поболтали несколько минут о кустарниках, которые привезли три дня назад и которые, как выяснилось позже, были никуда не годными.

Пол уже собирался уходить, когда в дверь позвонили.

Лиза, улыбаясь, пошла открывать. Но вид Энгуса, стоящего за дверью, мгновенно погасил улыбку, и она почувствовала надвигающуюся грозу, причем со штормом, да каким! Почему-то с каждым разом он казался ей более высоким и худощавым, чем прежде, и гораздо более опасным и волнующим. Стоя в дверях, девушка проследила за внезапно напрягшимся взглядом Энгуса и поняла причину — пальто Пола, мирно висевшее в прихожей.

— Я, кажется, не вовремя? — цинично усмехнулся он. За спиной Лизы появился Пол. — И кто же это? — произнес Энгус холодным, отрешенным голосом, в котором звучала агрессивность.

— Пол Уотермен, — представился тот. — Лиза работает у меня. — И, как полагается воспитанному человеку, протянул руку, которую Энгус весьма невежливо проигнорировал, переведя злой взгляд голубых глаз с Лизы, застывшей в дверях, на Пола, немного удивленного подобным поведением.

— И приход начальника к подчиненной в выходной — просто проявление бескорыстной дружбы?

Лицо Лизы залила краска, и она инстинктивно схватила Пола за руку в поисках защиты, но этот жест не ускользнул от пристального взора Энгуса. Прищулив глаза, он проговорил:

— Если вы заняты, не стану мешать вашим важным делам.

— Да как вы смеете... — прервала его Лиза с пылающим от гнева и стыда лицом, но тут в разговор вмешался Пол:

— Я уже собирался уходить, — неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал он. — Но боюсь, вы заблуждаетесь насчет наших с Лизой отношений, мистер...

— Гамильтон. Энгус Гамильтон, — не пытаясь даже скрыть высокомерие, надменно ответил он, презрительно окидывая взглядом несчастного Пола.

Не выдержав, Пол повернулся к Лизе:

— Ладно, я пошел. Еще раз извини за завтрашний обед.

— Ну что ты. Звони, если я смогу чем-либо помочь детям...

Пол печально улыбнулся, кивнул и ушел, оставив Лизу наедине с Энгусом, который, не успела дверь за Полом закрыться, холодно заметил:

— Какие близкие у вас отношения! Интересно, чем же вы здесь занимались наедине? И давно это уже длится?

Не дожидаясь ответа, он прошел в гостиную, и Лизе ничего не оставалось, как поплестись следом. По его поведению можно подумать, что Энгус ревнует ее к Полу, хотя на самом деле все совсем не так. Энгуса совершенно не волнует, кто такой Пол Уотермен. И он вовсе не ревнивый любовник, заставший у своей женщины другого мужчину. Просто Энгус думает, что она, Лиза, будет тратить его деньги вместе с этим мужчиной. Какая глупость!

— Так что? — рявкнул он, едва Лиза вошла в крошечную гостиную. — Ты не ответила на мой вопрос. Значит, ты любовница этого мужчины, который, кстати, женат и имеет детей?

— *Этот мужчина*, — ответила Лиза, решив пропустить мимо ушей его оскорбительные замечания, — мой начальник и просто хороший друг. И пришел он сюда сказать, что приглашение на завтрашний обед откладывается до лучших времен, потому что у его детей ветрянка. А вы не имели никакого права оскорблять его в моем доме.

Решительный отпор охладил, видимо, пыл Энгуса, поскольку он прекратил метаться по комнате и уселся на софу, обхватив голову руками.

— Ты имеешь полное право ненавидеть и ругать меня, — глухо сказал он, и сквозь маску гнева проглядывало смущение, замешательство мужчины, никогда ранее не испытывавшего стыда за свои поступки. — Мы оба с тобой забыли предохраниться там, на пляже, и я тоже виноват, что ты забеременела. А разозлился я сегодня потому, что не мне, кому ты подарила свою девственность, кому полностью доверила свои тело и душу, а другому мужчине ты улыбалась, с ним тебе было хорошо, а со мной ты лишь ссоришься и дрожишь от страха.

— Так вот в чем дело! — разозлилась Лиза. — То вы меня обвиняете во всех смертных грехах, то вдруг обижаетесь, что я улыбаюсь не вам. Зачем вы вообще приходите и мучаете меня, Энгус? Зачем оскорбляете в моем же доме? Почему...

— Сегодня я пришел, — устало прервал ее Энгус, — чтобы извиниться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Я был у Каролины, — медленно продолжил он, — и заставил рассказать всю правду. Она призналась, что все было вовсе не так, как она утверждала ранее. Я ошибался, поверив ей, а не тебе.

Его фигура олицетворяла отчаяние — голова бессильно опущена, пальцы сплетены с такой силой, что побелели костяшки, волосы взлохмачены...

— Я говорила вам то же самое, — холодно бросила Лиза.

— И это все, что ты можешь сказать? — удивился Энгус.

— А чего вы хотите? Чтобы я прыгала от радости, поскольку вы сегодня уже не видите во мне отпетую и хладнокровную шантажистку, как вчера? Этого вам недостает? — И, бросив на Энгуса разъяренный взгляд, продолжила: — После вчерашних оскорблений я вообще не желаю видеть вас.

— Я хорошо понимаю твой праведный гнев, — смиренно ответил он, — но прошу понять и меня тоже. Что я еще мог думать после того, как Каролина объявила, что ты собираешься изрядно подмочить мою репутацию? Но если честно, я немного сомневался, что ты способна так ловко расставить на меня сети.

Лиза молча пожала плечами. Значит, он полагал, что она слишком уж наивна, чтобы плести заговоры? И похоже, Энгус сильно удивлен ее сегодняшним весьма прохладным тоном, он явно не ожидал, что она *так* отреагирует на извинения.

К тому же пелена влюбленности спала с глаз. Антильские острова, луна, пляж, ласки — все это оказалось сказкой. Ребенок — вот жестокая реальность.

— Я не буду слишком нахальным, если попрошу чашку кофе? — неожиданно спросил Энгус, и Лиза подозрительно взглянула на него, размышляя, что же скрывается за этой невинной

просьбой. Она уже не та доверчивая девочка, какой была год назад, и прекрасно видела его ярость, тщательно скрываемую под внешним лоском. Кому, как не ей, знать, что под изысканностью искусителя, вежливыми манерами джентльмена и очарованием Дон Жуана кроется не знающий жалости чрезвычайно опасный и дикий ягуар.

— Конечно, будете, — с вежливой улыбкой ответила Лиза. — Ладно, кофе вы получите, но потом сразу же уйдете из моей квартиры.

Проследовав за девушкой на кухню и перекрыв мощной фигурой путь к отступлению, он проговорил после минутного колебания:

— Мы должны обсудить кое-что.

— Я тоже так думаю, — неохотно кивнула Лиза. Ее руки тряслись, когда она наливала кипяток в кружки. И так, подумала она, вот он, конец бравады. Хотя она и не видела Энгуса, но ощущала его присутствие в крохотной кухоньке и нервничала от этого еще больше. Но когда она повернулась к нему, протягивая кружку, то уже сумела обуздать свои чувства и казалась совершенно мирной и безмятежной, хотя до спокойствия ей было далеко.

Проследовав в гостиную и удобно устроившись в кресле, Лиза перевела взгляд с кружки на Энгуса, не проронившего ни слова.

— Почему ты ничего не сказала мне о ребенке? — внезапно поинтересовался он, положив ногу на ногу и пристально глядя на девушку.

— Не знаю. Может быть, когда-нибудь... — Помолчав, она вздохнула. — Хотя, скорее всего, нет. Да и зачем?

Очень аккуратно поставив кружку на стол, Энгус ответил ледяным тоном, под которым скрывалась ярость:

— Зачем?! В самом деле, зачем сообщать мне о ребенке, отцом которого я являюсь?

— Вот и я говорю: незачем, — храбро ответила Лиза, сомневаясь, стоило ли это говорить. — Я не хотела мешать вашей жизни. — И неловко замолчала, раздумывая, прибьет ее на месте Энгус за такие слова или нет.

— Значит, ты хотела как лучше? — констатировал он. — Но, к твоему сведению, моя жизнь полетела вверх тормашками, как только я тебя встретил!

— Так я и говорю: зачем разрушать ее еще больше? И я хочу, чтобы вы поняли: я не предъявляю к вам никаких претензий и ничего от вас не приму. Никто из нас тогда не подумал о предосторожностях, но раз уж так случилось, что я забеременела, то это только моя проблема.

— Потрясающе! Значит ли это, что я должен немедленно уйти и забыть сюда дорогу?

— Совершенно верно. Это будет наилучшим разрешением проблемы.

— Значит, ты так решила? — Сарказм Энгуса в соединении с ледяным тоном заставил Лизу побледнеть.

— Да. То, что случилось, — моя, и только моя, проблема. Повторяю, вы, как и прежде, ничем не связаны.

— Твоя проблема! — в ярости взревел он. — А я остаюсь в стороне!

— Конечно, — поспешила заверить его Лиза. — Я знаю, вы очень ответственный человек, но поймите, я совершенно не хочу мешать вам или менять вашу жизнь. Ребенок мой, а значит, и все проблемы, с ним связанные, мои.

— Как мило с твоей стороны так позаботиться обо мне. — Его губы изогнулись в насмешке.

— Всегда-то я виновата! — с неожиданной резкостью заметила Лиза. — Забеременела — виновата, не сообщила о ребенке — виновата, не желаю, чтобы вы и близко к нему подходили, — опять виновата!

— Всегда считал, что у женщин нет и не было ума.

— Прекратите оскорблять меня!

— Допускаю, что это твое интересное положение слегка притупило твой рассудок и ты не можешь трезво оценить создавшуюся ситуацию.

— И что же это за ситуация? — Передвинувшись на край кресла, она попыталась совладать с эмоциями. Подобные ссоры вредны ребенку. Приложив руку к животу, она почувствовала легкий толчок. Ей показалось или же толчок был в самом деле сильнее обычного? Это было вызвано спором или же волнением, переполнявшим ее?

Как же Лизе хотелось никогда больше не видеть Энгуса Гамильтона! Едва появившись, он не оставил и следа от ее прежнего спокойного, без тревог и волнений, существования. Почему он никак не поймет, что она в самом деле не хочет портить его налаженную жизнь нежеланным младенцем? Он живет насыщенной жизнью, в бесконечных разъездах, ведь мир рекламы так мимолетен и разнообразен. И среди всего этого нет места малышу, ведь он требует к себе столько внимания. Может, Энгус и прекрасный бизнесмен, но как отец он никуда не годится.

— Правда состоит в том, что ты горько сожалеешь о происшедшем между нами и желаешь, чтобы я сгинул с лица земли и не напоминал о том печальном эпизоде жизни. К несчастью для тебя, этого не произойдет. В том, что случилось, пятьдесят процентов моей вины.

— Ребенка я воспитаю сама, — упрямо повторила Лиза. — Я хорошо понимаю, что вы...

— Ты собираешься растить ребенка на свою зарплату? — усмехнулся он.

Лизе нечего было сказать. Она тяжело вздохнула, поняв, что он с легкостью отметет любые ее возражения, при этом унизив еще больше.

— Ты не ответила, — настаивал Энгус, и Лиза, пожав плечами, пролепетала:

— Ну... в общем, да.

— Какова твоя обычная зарплата?

— Сколько можно повторять, что не деньги определяют суть человека! — взорвалась наконец она. — Какая разница, сколько я получаю? По-вашему, если бы я жила в большом собственном доме с садом и могла бы каждый год возить ребенка отдыхать за границу, то была бы лучшей матерью? Неужели вы думаете, что за деньги можно купить абсолютно все? Тогда мне очень жаль вас!

— Так сколько? — Холодные голубые глаза, казалось, проникали в душу, и Лиза нехотя сказала то, что он хотел знать. Она готова была сказать что угодно, лишь бы он ушел. — Неужели ты в самом деле думаешь, что я позволю моему ребенку жить на такие гроши? Ведь я же богат.

— Я не возьму у вас ни пенса.

— А деньги предназначены не тебе.

— Разумеется. Но все равно, я не приму ваших денег. Дорогая одежда, игрушки — это вовсе не показатель счастья ребенка. Помолчите, я еще не закончила, — видя, что Энгус собирается возразить, прервала она. — Это только избалует ребенка. Сама я провела детство, разъезжая с родителями туда-сюда, и это расстраивало меня. Да, я знаю, что мы сейчас говорим не обо мне, а о ребенке, но у нас похожие ситуации: вы тоже без конца мотаетесь по всему свету. Ребенку будет с вами плохо.

Лиза снова вспомнила, как спрашивала маму: «Почему мы не можем жить на одном месте, в одном и том же доме? Почему у меня папа не такой, как у остальных?» Увы, эти вопросы оставались без ответа.

Кроме того, они никогда не понимали друг друга. Их отношения напоминали волны в море: вначале шел целый вал благих намерений, а затем — их спад. Со временем Лиза стала общаться с родителями только по мере необходимости. Все, что их интересовало, — это работа, а остальное считалось ненужным и неинтересным.

Даже я, грустно подумала Лиза, их мало интересовала.

История повторялась и с Энгусом Гамильтоном. Ему она тоже была безразлична, и он тоже постоянно переезжал с места на место. И что с того, что любовь к нему полностью поглотила ее?

Она бы не смогла жить с ним, урывая кусочки счастья от его немногочисленных и кратких визитов, жить, зная, что он может появиться в любой момент, чтобы потом опять уехать, снова разбредив раны. Его жизнь — это бесконечное карабканье вверх, на гору успеха в мире бизнеса, и не успеет он покорить одну вершину, как перед ним вырастает следующая, еще более высокая. И так — без конца...

— Я не собираюсь быть «отцом на выходные», я хочу быть со своим ребенком триста шестьдесят четыре дня в год, меньшее меня не устраивает. Но вместе с тем я признаю, что лучшей матери, чем ты, у него не будет. — Энгус поднялся и подошел к окну, за которым открывалась весьма прозаическая картина — небольшая ухоженная автомобильная стоянка, за которой, через дорогу, стояли маленькие, почти игрушечные, домики, очень опрятные и непохожие друг на друга. — Но расти ему здесь, — Энгус выразительно кивнул в сторону окна, — я не позволю.

— И что вы предлагаете?

Он промолчал. Сунув руки в карманы брюк, Энгус продолжал смотреть в окно, как будто незамысловатый пейзаж прочно приковал его внимание.

Непривычное для Энгуса молчание стало действовать Лизе на нервы. Она не понимала, чего он хочет. Молчание становилось гораздо более зловещим, чем его сарказм и ярость. Что он задумал? Раз она отказалась принять у него деньги, значит, судя по всему, у него появился еще один вариант. Но какой? Какой?

— Мы должны пожениться. — Повернувшись, он смотрел на пораженную его словами Лизу. Вначале она отчаянно покраснела, но потом ее лицо стало бледнее мела. — Ты удивлена? — изумился Энгус, отходя от окна и снова присаживаясь на софу.

— Вы, должно быть, шутите.

— Я не шучу, когда речь идет о серьезных вещах.

— Значит, сошли с ума, — констатировала Лиза.

— Итак, мы поженимся, и наш ребенок будет расти в нормальной семье, с мамой и папой. Я не хочу видеться с ребенком по средам и субботам, по схеме, утвержденной не живущими вместе родителями. По-моему, мое предложение — самый оптимальный вариант. Ты права, говоря, что богатые родители и хорошие родители — не синонимы, а богатый ребенок не значит счастливый. Короче, мы не должны лишать ребенка одного из родителей.

— Вы не слушали меня!

— Ты одна в этом жестоком мире, Лиза. У тебя нет семьи, которая бы поддержала тебя в трудный момент. Неужели ты действительно считаешь, что сможешь вырастить ребенка одна, без чьей-либо помощи?

— Да, это будет нелегко, — неохотно согласилась она. — Но и моя прежняя жизнь тоже не была легкой. Порой мне очень хотелось, чтобы рядом был кто-то, кто помогал бы мне, утешал, но...

— Что «но»?

— Но это вовсе не причина для брака. Разве вы не понимаете? Между нами нет любви... — Смахнув непрошеную слезу, Лиза продолжила: — А ваш образ жизни совершенно неприемлем для нормальной семьи. Наш брак станет ошибкой.

— Не будь наивной, — отрывисто бросил он, и командные нотки в его голосе разъярили Лизу.

— Во мне не осталось и капли наивности после встречи с вами. Но замуж за вас я не выйду.

— А я-то думал, что брак занимает первое место в списке твоих приоритетов, — холодно отрезал он, и лицо девушки вспыхнуло. — Я думал, что для тебя отношения с мужчиной невозможны без свадебных колоколов, колец и клятв в любви до гроба.

— Я никогда не говорила, что...

— Говорила. Но предпочла забыть.

Поднявшись с софы, Энгус подошел к креслу и угрожающе навис над Лизой так, что она почувствовала его дыхание. И ее тело тут же предательски напомнило, что когда-то он точно так же нависал над ней, в то время как его чуткие пальцы исследовали каждый дюйм ее тела, а нежные руки скользили, лаская... Лиза замотала головой, пытаясь отогнать неожиданные воспоминания, и глаза Энгуса тотчас прищурились.

— Неужели ты сожалеешь о том, что произошло между нами, — поинтересовался он, и хотя в его голосе не было гнева, нежность тоже отсутствовала. — Неужели ты возненавидела меня настолько сильно, что тебе претит даже мысль жить со мной в одном доме?

— Наш брак станет ошибкой, — глядя прямо в глаза Энгусу, упрямо повторила Лиза. — Вы неправы, думая, что мы сможем создать нормальную семью для ребенка. О какой семье может идти речь, если мы и минуты не можем быть вместе, не поссорившись? В какой обстановке будет расти малыш? В непрекращающейся третьей мировой войне между родителями? И вы думаете, он будет счастлив? Мои родители, — ее голос перешел в еле слышный шепот, — по крайней мере любили друг друга. Да, я ненавидела нескончаемые переезды, смену мест жительства и школ, но у меня была семья, где царили любовь и доброта. Без этого настоящей семьи не бывает.

— Понимаю, — глухо ответил он, выпрямляясь и надевая пиджак, брошенный на софу. — Никогда не думал, что встречу женщину, готовую взвалить на себя все тяготы жизни, лишь бы не выходить за меня замуж. Если бы кто-нибудь сказал мне это раньше — в жизни бы не поверил. — И он засмеялся злым, неприятным смехом.

— Простите, — пролепетала Лиза.

— Тебе не за что извиняться.

— Поверьте, я ценю ваше предложение...

— Но сделаешь все, чтобы не принять его.

— Ну... в общем, верно.

— Итак, ты предлагаешь оставить все как есть и обговорить наши права на ребенка?

— Мы должны быть терпимее друг к другу, тем более что теперь связаны младенцем, — расплывчато ответила Лиза. Ей вдруг все показалось таким ненужным. После жарких споров, после внезапного предложения пожениться неожиданное спокойствие Энгуса поражало. Не будь душой, сказала себе Лиза. Просто он хочет добиться своего права видиться с малышом ценой наименьших потерь, и его спокойствие — лишь новая стратегия в их битве.

Но где-то в глубине сознания забилась назойливая мысль, что Энгус сдался так быстро лишь потому, что она отказалась выходить за него замуж. Он предложил ей брак только затем, чтобы успокоить свою совесть. И не протестовал, не пытался переубедить ее, потому что выполнил свой долг — предложил жениться, раз она забеременела. А дальше уж ее дело: отказалась так отказалась, ему же лучше, но теперь никто не сможет его обвинить.

— Ладно, — внезапно проговорил Энгус, — еще увидимся. — И ушел, даже не обернувшись и не сказав «до свидания».

Только оставшись одна, Лиза поняла, насколько вымотал ее этот визит. Включив телевизор, она попыталась сосредоточиться на фильме, но не смогла.

Сейчас Энгус ушел, но он вернется. Нет, она не может снова думать о нем. Ведь вокруг столько дел: надо дочитать книгу, вымыть грязные чашки... Нельзя бесконечно думать о нем, о нем и снова о нем, представлять их следующую встречу. Она должна быть сильной, если не хочет провести месяцы, а скорее всего, годы, живя от встречи до встречи с Энгусом Гамильтоном.

О, если бы только она не была так влюблена в него! Существовал миллион причин, по которым она должна была его ненавидеть. Но, увы, чувству приказать невозможно — как невозможно выкинуть из сердца Энгуса. Это чувство переполняло ее, даже когда они в очередной раз ссорились. И он продолжал оставаться все таким же притягательным и желанным, несмотря

на горечь, оседающую в душе после его жестоких слов, вопреки страху, назло ей самой. Слезы душили Лизу, а перед глазами вновь стояло лицо Энгуса.

В понедельник Пол, обычно ценивший ее право на личную жизнь, удивил Лизу, поинтересовавшись, кем ей приходится тот мужчина, которого он видел в субботу. У него хватило такта не спрашивать, он ли отец будущего ребенка, но Лиза сама ему все рассказала — вернее, почти все.

— И он хочет помогать тебе растить ребенка? — как бы невзначай поинтересовался Пол. Они сидели в его офисе, у стола, заваленного грудой бумаг, книгами и прочей мелочью, венчала этот кавардак тарелка с сэндвичами, а чашки с кофе они держали в руках. Пальцы свободной руки Пола выделяли сложные па, показывая напряженную работу ума и выбивая такт мелодии, различить которую не представлялось возможным.

— Да, давая деньги, — честно призналась Лиза. — Хочет видиться с малышом, общаться.

— А тебя это удивляет?

— Если честно, то не очень.

— Но почему ты отказываешься?

— Потому... — запнулась девушка, поняв, что ей нечего ответить. Пол терпеливо ждал. — Потому что я не хочу его ни к чему принуждать...

— Но он же сам предложил помощь, — задумчиво проговорил Пол. — Знаешь, он показался мне весьма агрессивным типом. Подобных ему не принудишь, и они не терпят полумер.

— Да, он очень жесткий и настойчивый, я даже не знаю, как его и охарактеризовать.

— Он тебя чем-то обидел?

— Нет, конечно же, нет! — возбужденно воскликнула Лиза.

— Я не хочу казаться слишком любопытным, — осторожно начал Пол, поскольку ее личная жизнь до последнего времени была запретной или, скорее, нежелательной темой, — но если он тебе действительно безразличен, то тебя ни в малейшей степени не должны волновать особенности его характера. Он обязан помогать тебе растить ребенка, так бери деньги и не волнуйся ни о чем.

Лиза предпочла промолчать. Если бы Пол знал, как обстоят дела на самом деле! Ведь Энгус ей далеко не безразличен. Но прийти к нему и признаться в своей безумной любви она тоже не может. Да, она уже отбросила многие свои принципы — рассказала обо всем, что с ней произошло, Полу, но пойти и признаться Энгусу в любви... До этого она еще не докатилась.

— Если хочешь куда-нибудь уехать, — продолжал тем временем Пол, — то напоминаю, что коттедж пустует и ты всегда можешь пожить там немного.

У Пола был небольшой коттедж с двумя спальнями в Озерном краю. Однажды Лиза провела там выходные. Отдохнула она тогда прекрасно, несмотря на то что большую часть времени провела вместе с Элли за развешиванием занавесок, выбиванием подушек, мойкой, чисткой и прочими «приятными» домашними хлопотами. Полу этот дом достался от отца, который в свою

очередь тоже получил его в наследство. Было видно с первого взгляда, что ни одно предыдущее поколение хозяев не утруждало себя даже минимальной уборкой, даже такой, как вытирание пыли. Полу пришлось сделать капитальный ремонт, что влетело ему в копеечку, ну а Лизе и Элли — привести дом в божеский вид.

Лиза опять не знала, что и сказать. Что она будет там делать? Лежать и без конца предаваться воспоминаниям, когда необходимо все забыть и заняться будущим?

— Спасибо, Пол, — только и смогла выговорить она, поднялась со стула и пошла доделывать свою работу. Пол и глазом не моргнул, когда она так резко ушла. Это его качество понравилось Лизе с самого начала. Он всегда спокоен и не лезет в душу, когда она этого не желает. Его не интересовала ее личная жизнь, или по крайней мере он делал вид, что не интересуется.

Но может, если бы она не оберегала так тщательно свой спокойный мирок, то, вероятно, смогла бы подготовиться к потрясению, когда Энгус Гамильтон с такой ловкостью проник в него и сокрушил до основания. Кирпичик за кирпичиком выкладывала она невидимую стену, защищавшую ее от жизненных неурядиц, а Энгус в один миг сумел разрушить ее.

Если бы она не внушила себе, что сможет сама, и только сама, выстраивать свою жизнь, то разочарование потом не стало бы таким горьким. Если бы она не пряталась от жизни, то сумела бы совладать с Энгусом Гамильтоном. Если бы, если бы... Сколько можно повторять, что о прошлом не говорят в сослагательном наклонении?

Но не все еще потеряно. Она вполне может научиться справляться с эмоциями, когда Энгус окажется рядом, не теряться в его присутствии.

А неделей позже в ее квартире вновь прозвенел звонок, и когда Лиза шла открывать дверь, то какое-то шестое чувство подсказало ей, что это Энгус. Придав лицу суровое выражение, она открыла, готовая вести переговоры в его излюбленной беспристрастной манере.

Еще не было семи вечера, и Энгус, по всей видимости, приехал к ней прямо с работы, поскольку был одет в прекрасно сшитый деловой костюм из темно-серой ткани и черное пальто. Вежливо улыбнувшись, Лиза решила сразу перейти к делу, но, когда она предложила сесть в гостиной и все обсудить там, причем ее голос не дрогнул ни разу, он отказался, поинтересовавшись, ужинала ли она.

— Я... ну... как раз собиралась, — запинаясь, пробормотала сбитая с толку Лиза.

— Тогда надевай пальто. Поедем ужинать.

— Зачем? — удивилась девушка, но Энгус лишь улыбнулся так же обаятельно, как улыбался во время отпуска.

— Разве так отвечают на подобные приглашения? — пророкотал он.

— Простите, но я считаю, что мы можем все обсудить и здесь, никуда не уезжая.

— Разумеется. Но наверняка тебе уже опостылела одна и та же обстановка. Давай ее сменим, отдохнем, поговорим, как старые добрые друзья. И посуду тебе потом не надо будет мыть, — вкрадчиво заметил он, улыбаясь. — Ну, есть еще возражения?

— Нет, да и какие могут быть возражения. — А про себя подумала, что он, наверное, прав: иная

обстановка поможет расслабиться. Улыбнувшись, Лиза попросила: — Дайте мне минуту, и я буду готова.

Энгус отвез ее в прекрасный итальянский ресторан. Лиза даже не протестовала — она уже и сама не помнила, когда в последний раз бывала в похожем месте. Пока они ожидали свой заказ, он показал ей фотографии островов, которые они посетили, и сказал, что их сделала Элис, потому что сам он вечно забывает взять фотоаппарат.

— Да плюс ко всему, — со смешком поведал Энгус, — мне лень разбираться, что, куда и в какую сторону крутить на этом дьявольском аппарате. А вот моя мама — та делает великолепные снимки, особенно хорошо у нее получаются цветы.

Когда Энгус вот так мило развлекал ее легкой беседой, то барьер, возведенный Лизой, таял на глазах. Она в который раз напомнила себе, что обаяние — лишь средство, с помощью которого он надеется быстрее добиться своего.

И лишь войдя в квартиру, куда Энгус отвез ее после вкусного ужина, Лиза сообразила, что о ребенке не было сказано ни слова.

— Но мы же хотели поговорить о малыше, о наших правах и прочих немаловажных вещах.

— Ну, забыли, так что с того? — как ни в чем не бывало откликнулся он. — Давай решим так — я позвоню на будущей неделе, и мы поговорим. Может, в следующую субботу?

— Даже не знаю, — неуверенно ответила Лиза, — смогу ли я?

— А почему нет? — слегка нахмурился Энгус. — Ты куда-то собираешься? Тогда скажи, в какой день ты будешь свободна.

— Нет, — покачала она головой. — Суббота вполне подойдет. — Надо же идти на компромиссы, подумала Лиза. Тем более что, оказывается, они могут ладить — ведь сегодняшний вечер прошел без ссор и не оставил горечи в душе. Им было так хорошо вместе.

— Значит, договорились. Я позвоню где-то в половине восьмого.

Лизе ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия и затем наблюдать, как он садится в машину и с шумом уезжает прочь.

Лиза не знала, почему на нее вдруг нахлынуло такое разочарование. Только разочарование, и ничего более. Странно. Ведь Энгус весь вечер был таким любезным и милым. Вот оно что, внезапно поняла она, он относился к ней как к сестре, а не как к желанной женщине, и это расстроило ее.

Но с другой стороны, продолжала свой молчаливый монолог Лиза на следующий день, очень хорошо, что они начали понемногу налаживать отношения, вести себя как взрослые цивилизованные люди, а не как обиженные дети. О каком счастье ребенка можно говорить, если его родители не прекращают ссориться? Сомневаться не приходится — нервное расстройство ей будет обеспечено, если они с Энгусом не достигнут согласия.

Естественно, Энгус пришел в ярость, решила Лиза, узнав, что она забеременела, но сейчас, когда первый приступ бешенства прошел, он хорошенько все обдумал и просчитал.

Разумеется, сначала он предложил брак, но, увидев, что она еще меньше его горит желанием

связать себя этими узами, не стал возражать против ее отказа и пошел по другому пути — если не муж и жена, значит, хорошие друзья, и именно из-за этого он повел ее вчера в ресторан — отдохнуть, научиться общаться без того, чтобы через десять минут сцепиться в очередном яростном споре.

Придаться ей было просто не к чему.

Лиза была уже на восьмом месяце. Но она не ощущала упадка сил, отеков и прочих «прелестей» беременности. Совсем скоро она прекратит работать в питомнике и будет сидеть дома, считая дни, оставшиеся до родов. Она сходила в роддом, где собиралась рожать, и ей там понравилось. Все могло бы быть совсем иначе, если бы... Одни только «если». Когда они снова встретятся, надо будет попытаться держаться более свободно и спокойно.

Через несколько дней Энгус снова приехал и вновь увез ее ужинать, на этот раз в другой ресторан, где музыка звучала громче, а атмосфера была более раскованной. И опять разговор пошел о чем угодно, только не о них, хотя под конец Энгус все же поинтересовался, чем она занималась всю неделю.

Лиза заставила себя улыбнуться и сказала, что работала, как обычно, но меньше чем через неделю уйдет в оплачиваемый дородовой отпуск, который, впрочем, продлится недолго — надо же зарабатывать деньги. И только несколько часов спустя, уже лежа в постели, Лиза поразилась, что Энгус и не пытался спорить с ней.

Он даже не заявил, что ей нет нужды возвращаться вскоре после родов на работу, если она прекратит упрямиться и возьмет деньги. Не заикнулся он и о браке, который она с такой яростью отвергала.

Он просто послушно кивнул и стал рассказывать о заказанном рекламном ролике, демонстрирующем детские шампуни, присыпки и прочее. Лиза же ела, слушала его рассуждения и думала о резких переменах, произошедших в Энгусе.

Сейчас, лежа в постели на боку, подложив под живот подушку, Лиза с умилением думала, что долгожданное перемирие достигнуто, яростные споры и упреки позади. Как же хорошо, когда мы не ругаемся, решила она.

Что ж, лучшего и желать было нельзя. Вот только ее безумная страсть к Энгусу несколько не утихла. Но по крайней мере она уже не краснеет при каждом его взгляде и не запинаясь, отвечая на самый простой и невинный вопрос. И с бесконечными извинениями тоже покончено. Наконец-то их обоюдное желание сбылось — они стали друзьями... почти друзьями, поскольку в голове Лизы понятия «друг» и «Энгус» никак не совмещались.

Она заметила, что Энгус последнее время во всем с ней соглашается, боясь расстроить, и разговоры заводит только на нейтральные темы.

Когда мы увидимся в следующий раз, решила Лиза, надо будет сказать Энгусу, что он сможет видиться с малышом, когда захочет. И сказать об этом надо будет до того, как они отправятся в ресторан.

Также надо будет сказать, что они не могут быть друзьями. Это станет бомбой замедленного действия. Энгус не любит ее, и его визиты к ней никак его не трогают. Но она, и надо это признать честно, до сих пор любит его и не в силах выносить дружеского отношения, иначе в один прекрасный день осознается, что жить без него не может.

Решено. При встрече она выложит карты на стол.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лиза только сейчас поняла, как мало времени осталось до родов, а еще столько нужных малышу вещей она не купила. Мелочи, типа подгузников и пеленочек, ей надавали друзья, кое-что она купила сама и запихала в стенной шкаф, подальше от глаз, но кроватку и коляску она решила купить потом.

Сначала девять месяцев казались ей вечностью, и она думала, что времени хватит с лихвой, чтобы купить все необходимое, да сразу и не особенно хотелось покупать что-то.

Но позже, видя, как с каждым днем живот растет, Лиза почувствовала суеверный страх и решила не покупать никаких вещей заранее, боясь сама не зная чего.

Она планировала, что займется покупками, как только перестанет работать в питомнике, ведь надо же будет чем-то заниматься, лентяйничать она просто не могла и не умела. Но, оставив работу, она вдруг обнаружила, что ей нравится быть целыми днями дома, готовить все к появлению малыша и считать часы до этого момента.

К тому же в последние недели беременности она чувствовала невероятную усталость.

Что ж, это все естественно, говорила себе Лиза, разделавшись с завтраком субботним утром. Помассировав виски, она попыталась справиться с депрессией, для которой видимых причин не было.

Деньги на ее счете в банке имелись, и их должно было хватить на все. Она старательно откладывала каждый месяц приличную сумму. Поэтому вполне может позволить себе купить кроватку и коляску, тем более что ей самой ничего покупать не надо. Одежду для беременных ей понадалили друзья, но вот кто что купил — этого Лиза сказать не могла, потому что, когда они пришли с подарками, на ее глаза набежали слезы от признательности и неловкости.

Не торопясь она убрала со стола чашку и тарелку. Беременность переносилась ею легко, без осложнений. Правда, первые месяцы она постоянно чувствовала себя разбитой и больной, но потом все прошло, а последние недели две она чувствовала себя неплохо.

Единственное, что ее раздражало, — вялость и слабость. На любую, даже самую простую работу сейчас у нее уходило в три раза больше времени, чем обычно. Но вообще-то она не жаловалась. Да и зачем, если все женщины в подобном положении неуклюжи и медлительны и поделаться с этим ничего нельзя.

Расчесывая волосы, Лиза внимательно разглядывала себя в зеркале. А выгляжу я не так уж и плохо, решила она. Если не считать невероятно огромного живота, то она даже не очень пополнила.

Элли, например, с гордостью поведала ей, что при каждой своей беременности раздувается до размеров аэростата, потому что ест целыми днями все подряд, но вечно ходит голодная.

У Лизы же руки и ноги не пополнили, лишь немного округлилось лицо, но оно расплывается у всех, как сказал врач.

Вздохнув, она закинула на плечо сумку и открыла дверь, собираясь пройтись по магазинам.

За дверью, как будто так и должно быть, стоял Энгус, и Лиза, совершенно не ожидавшая его увидеть, даже вскрикнула.

— И долго вы уже стоите? — успокоив бешено бьющееся сердце, поинтересовалась она. Они не виделись давно — с того самого момента, когда Лиза решила позволить ему видиться с малышом сколь угодно часто, но порвать бессмысленные и опасные дружеские отношения.

Как же ей хотелось, чтобы ее тело жило в согласии с разумом! Ее сердце начинало быстрее биться, едва она поднимала глаза на Энгуса, и ее охватывало желание, когда взгляд останавливался на худощавой, высокой фигуре.

Погода стояла холодная и ветреная, и его темные волосы были взъерошены. Сейчас Энгус выглядел более грозно, чем обычно.

— Как раз хотел позвонить.

— Да? — Лиза вышла из квартиры и захлопнула за собой дверь. — Но, как видите, я собралась уходить. Так что, боюсь, вам придется уйти на сей раз ни с чем. Может, в другой раз вы вспомните о существовании телефона, как и о том, что *культурные* люди звонят, прежде чем прийти. — Она надеялась, что на ее лице не написаны, как всегда, все ее мысли, и поспешила броситься в атаку первой, показывая, что она тоже взрослый человек, у которого куча своих дел и совершенно нет времени на то, чтобы сидеть и ждать, когда он соизволит позвонить или прийти. Направляясь к своей машине и подавляя искушение обернуться, Лиза почувствовала, что Энгус идет вслед за ней.

— И куда ты собралась?

У него даже простой вопрос звучит как допрос, подумала Лиза. Ну прямо-таки типичный босс, привыкший к немедленному и точному исполнению своих приказов и не знающий слова «нет».

— За покупками, — не оборачиваясь, бросила Лиза. Казалось, ее толстое пальто весило тонн десять, и она еле могла в нем поворачиваться, да и вообще двигаться. Но даже сквозь него ветер продувал ее до костей, и она поежилась при одной мысли, что придется провести несколько часов, бродя по магазинам. — Мне надо купить кое-что, — неохотно добавила она.

— Значит, пойдем вместе.

Взяв Лизу под локоть, Энгус подвел ее к своей машине — блестящему, мощному зверю, резко выделявшемуся среди других автомобилей.

Лиза попыталась было вырваться и заявить, что она поедет одна и на своей машине, но не успела открыть рот, как он мягко, но со стальными нотками в голосе проговорил:

— И даже не думай упрямиться или спорить со мной. Это бесполезно. Хочешь ты или нет, но я поеду вместе с тобой покупать кроватку и коляску *нашему* малышу.

— Но как?.. Как вы узнали?.. — изумленно спросила она, краснея.

Энгус лишь усмехнулся:

— Посмотрел, что уже куплено, а что нет. Знаешь, в твоей крошечной квартирке ничего нельзя спрятать. Кстати, подгузников малышу явно недостаточно!

— Вы посмели вломиться в мой дом и рыскать там?

— Ну-ну, незачем так шуметь. У тебя такая маленькая квартира, что, сидя в одной комнате, можно прекрасно увидеть, что находится в другой.

Он помог ей сесть в машину и захлопнул дверцу.

Неожиданное появление Энгуса поразило Лизу, но она была слишком ошеломлена, чтобы рассердиться как следует.

— В какой именно магазин ты собиралась? — поинтересовался он, усаживаясь на водительское место.

— В Рединге есть неплохой магазинчик для малышей, я планировала купить все там, — неохотно буркнула она.

— Нет, пожалуй, в «Харродзе» выбор больше, — задумчиво произнес Энгус, но Лиза тут же возразила.

— Я в «Харродз» не поеду! Там слишком высокие цены, я не могу себе позволить подобной расточительности!

— Зато я могу, — спокойно парировал он, включая зажигание и выводя машину на дорогу, ведущую в Лондон.

— Но вы не можете так поступить, — растерянno пробормотала Лиза.

— Конечно, могу. Мы едем именно в «Харродз» и покупаем *все*, что надо, и больше эта тема не обсуждается.

— Вы невыносимы, — возмущенно выдохнула Лиза, отворачиваясь к окну и глядя на строящиеся домики Беркшира, через который проходила магистраль, ведущая в Лондон.

Через некоторое время Энгус вновь заговорил, причем в его голосе отчетливо проскальзывал смех, заставивший Лизу повернуть голову в его сторону.

— Не надо кипеть от ярости, милая. Все равно не поможет. Причем учти, женщине в твоём положении категорически запрещено сердиться — а вдруг твой гнев вызовет преждевременные роды?

— Не подозревала, что вы знаете такие вещи. Хотя да, вы же говорили, что у вас богатый жизненный опыт, вот только забыли упомянуть, что он *настолько* богат, — язвительно бросила Лиза, но поколебать его невозмутимость ей не удалось.

— Я же сказал, что намереваюсь быть настоящим отцом малышу, и ты согласилась. Так почему же ты так реагируешь на мое вполне естественное желание купить кое-какие нужные вам с ним мелочи?

— Потому что я вполне могу все купить сама!

— Хватит! — рявкнул он, уже едва сдерживая ярость. — Я не желаю каждый раз выслушивать одно и то же. Я отец нашего ребенка, и я богат. И малыш будет иметь все самое лучшее, нравится тебе это или нет!

Лиза попыталась придумать подходящий язвительный ответ, выдержанный в его стиле, но не смогла и обиженно молчала, пока они не въехали в центр Лондона, забитый машинами до отказа.

— И где же вы собираетесь припарковаться? — насмешливо поинтересовалась она.

Энгус улыбнулся, не отводя взгляда от дороги.

— А я и не собираюсь сам ставить машину. — Он протянул руку к мобильному телефону и что-то кратко приказал, а положив трубку, пояснил: — Джордж, мой шофер, встретит нас у магазина и отгонит автомобиль, — и, искоса взглянув на Лизу, вновь сосредоточился на дороге.

— Как, наверно, удобно иметь личного шофера, — задумчиво произнесла она.

— А разве нет? — усмехнулся Энгус, заслужив укоризненный взгляд Лизы. Он, по всей видимости, решил во всем с ней соглашаться, в то время как ей больше всего на свете хотелось скрестить с ним шпаги в очередном бурном споре.

За прошедшие две недели, после мучительных размышлений, Лиза пришла к выводу, что дружеские отношения с Энгусом принесут ей не меньшую боль, чем любовь к нему. Она решила сохранять определенную дистанцию между ними и быть холодно-вежливой, не допуская его в свои мысли и жизнь. Но вся ее холодность таяла, когда Энгус был так любезен и нежен с ней. Насколько было проще, когда он был безжалостным, холодным и жестоким.

Джордж уже ждал их на условленном месте и быстро отогнал машину, искусно маневрируя среди сотен автомобилей, с ревом пронесившихся мимо. Грустно вздохнув, Лиза взглянула на яркую вывеску, гласившую: «Отдел для малышей», и неохотно вошла внутрь.

Энгус, даже если и заметил это, промолчал, лишь иронично подняв бровь, но затем его лицо опять приняло непроницаемо спокойное выражение.

— Итак, с чего начнем?

Разум победил упрямство, и, поняв, что Энгус все равно купит вещи малышу, Лиза покорно ходила за ним по отделам и говорила, что нужно покупать. Она так устала, что под конец не могла думать ни о какой стратегии поведения с Энгусом, ей просто хотелось домой, к любимой софе.

Она даже представить себе не могла, сколько, оказывается, существует моделей детских кроваток. Некоторые были настоящими произведениями искусства. Лизе особенно понравилась одна, сделанная из гладкого темного дерева, но сколько, наверное, стоит такая вещь?!

Впрочем, Энгус сказал ей еще в самом начале, чтобы она не обращала на цены внимания, но как можно не думать о ценах, если стоимость кровати — целое состояние?

Во время очередной дружеской перебранки — стоит покупать еще вон ту вещичку или нет, причем оба понятия не имели, понадобится ли она ребенку в ближайшем будущем, Лиза неожиданно поймала себя на том, что наслаждается и их милым спором, и тем, что Энгус — отец ее ребенка — сопровождает ее по магазинам и спорит, что малышу вещей недостаточно.

Почему все сложилось в моей жизни именно так, а не иначе? — спрашивала себя Лиза. Почему я влюбилась не в человека своего круга, а именно в богача Энгуса Гамильтона? Почему я с

первого же раза забеременела? Почему я не полюбила мистера Ординери из соседней квартиры? Мы бы жили с ним просто и счастливо... может быть. Почему, почему, почему... Сплошные «почему», на которые нет ответов.

Лиза внезапно почувствовала на себе изумленный взгляд Энгуса и обнаружила, что и сама внимательно смотрит на него.

Насчет кровати их мнения опять разошлись, и они решили подумать еще, а пока отправились за другими покупками. Лиза и не знала, зачем малышу *столько* одежды, но все распашоночки выглядели такими милыми, что она не смогла противиться искушению и позволила Энгусу купить их.

Лишь за обедом, подсчитав в уме, сколько они потратили денег, она поняла, что эти покупки обошлись гораздо дороже, чем она предполагала.

Они обедали в прекрасном кафе «Харродз», и при мысли, что и обед тоже обойдется недешево, Лиза подавилась вкусным сэндвичем, заслужив насмешливое высказывание Энгуса:

— Я-то думал, что женщин тошнит только в первые три месяца беременности.

Лиза рассмеялась, глядя на правильные, хотя и несколько жестковатые черты такого дорогого ей лица. Ведь они могли бы быть счастливы, если бы только... Она едва не расплакалась при этой мысли.

— Довольно сложно есть, когда тебя так пристально разглядывают, — пробурчала она, откусывая от сэндвича. — Но я вообще мало ем и не привередлива в еде.

— Что с тобой происходит, Лиза? — спросил Энгус, отодвигая свою тарелку и откидываясь в удобном кресле. — Я наблюдал сегодня за тобой в магазине. Ты напоминала бедную маленькую сиротку, непонятно каким ветром занесенную в магазин игрушек и не верящую, что она действительно попала в этот сказочный мир.

— Ну, не может быть, чтобы я выглядела так глупо, — запротестовала Лиза со слабой улыбкой. — Просто я попыталась сложить те суммы, которые ты заплатил за вещи для малыша, но цифра получилась настолько неправдоподобно огромной, что не укладывалась в моей бедной голове.

— Я же сказал — не гляди на цены, — укоризненно произнес Энгус, причем в его голосе проскальзывал смех, и, взглянув на него, Лиза тоже рассмеялась, сама не зная, чему радуется. Нет, это лишь иллюзия — то, что нам так хорошо вместе, подумала она, а вслух сказала:

— Да, говорил, а когда я тебя слушала? — чем вызвала новый приступ смеха.

— Тебе понравился сегодняшний день? — внезапно спросил он, облокотившись о стол и удобно подперев подбородок рукой, в то время как голубые глаза блуждали по лицу Лизы.

Кафе было местом весьма оживленным, люди входили и выходили, свободных столиков практически не было, но Энгус глядел на девушку так, будто в мире не было никого, кроме них двоих. Сердце Лизы бешено забилося под пристальным взглядом нежных голубых глаз.

— Так понравился или нет? — ласково повторил он свой вопрос, и Лиза кивнула, тоже отодвигая тарелку в сторону и глядя на Энгуса. — Ведь нам так хорошо вдвоем, неужели ты будешь это отрицать? — Он не ждал ответа на свой вопрос, ибо тот обозначал бы полную и

категорическую капитуляцию Лизы. — Когда мы не начинаем выискивать причины для ссор или ненависти, мы ведь не только прекрасно ладим, но и наслаждаемся обществом друг друга, разве не так?

Сейчас Энгус открывался ей с другой стороны — Лиза видела в нем не жесткого бизнесмена, а простого мужчину, у которого есть и недостатки, и проблемы.

— Я бы так не сказала, — осторожно заметила Лиза.

— Да, мы не всегда прекрасно ладим, но ведь это возможно, если мы захотим, — не сдавался он.

— Что ты хочешь сказать, Энгус? — глядя в его глаза, напрямик спросила Лиза.

Его голос прозвучал томно и с хрипотцой:

— Выходи за меня замуж.

Облизнув внезапно пересохшие губы, Лиза откинулась на спинку кресла, почувствовав себя кроликом, пойманным беспощадной лисой. В своем доме она чувствовала себя хоть немного увереннее.

Так поэтому Энгус был с ней таким любезным? Потому что хотел растопить теплом лед и вновь уговорить выйти замуж? Именно этим были вызваны его неожиданная мягкость и нежность?

Больше всего на свете ей хотелось выйти за него замуж, но брака, продиктованного обстоятельствами, Лиза не желала. Это были танталовы муки — видеть любимого так близко, но не сметь протянуть руку и коснуться его...

— Я не могу, — в отчаянии прошептала она, снова вызвав у Энгуса ярость.

— Почему? Я же доказал, что мы вполне можем быть вместе, что я вовсе не какое-то чудовище?

— Я никогда и не говорила, что ты чудовище, — запротестовала Лиза. В самом деле, мне было настолько хорошо с Энгусом, подумала она. Наверное, он считает меня глупой упрямницей, ведь мы действительно могли бы очень неплохо жить вместе и наш ребенок рос бы в нормальной семье, рядом с обоими родителями.

О, если бы он только смог понять причины, почему она так упорно твердит «нет»!

Да, Энгус может предложить ей дом со всевозможными удобствами и приспособлениями, облегчающими жизнь, — дом в спокойном, безопасном месте. Еще совсем недавно она думала, что безопасность и спокойствие — главное в ее жизни.

Но, встретив Энгуса, она осознала, что есть вещи куда более важные. Например, спокойствие души, уверенность, что ты любишь и любима.

Внезапно она поняла, почему ее родителей несколько не тяготила кочевая жизнь. Стабильность и постоянство в их понимании — это не жизнь на одном и том же месте, а вечная любовь, горевшая в их сердцах. Дома, страны, пейзажи, погода — все меняется, но любовь остается неизменной. И постоянную смену обстановки они тоже не замечали — ведь каждый вечер они засыпали в объятиях друг друга и каждое утро просыпались *вместе*.

— Зря только тратишь время, Энгус, — более резко, чем хотела, проговорила Лиза, и он с такой силой ударил кулаком по столу, что люди, сидящие за соседними столиками, испуганно оглянулись на них. — И тебе не удастся переубедить меня ни угрозами, ни шантажом, ни уговорами.

— Если ты назовешь хоть одну причину, но четкую и ясную, почему ты не можешь выйти за меня замуж, я все пойму и больше не буду беспокоить тебя, — рявкнул он, и люди опять стали оглядываться на них, окончательно смутив Лизу.

— Я уже привела тебе целый ряд причин!

— Единственное, что я слышал, — ты не хочешь, чтобы ребенок рос среди без конца ссорящихся родителей. Но я же доказал, что мы можем быть единой, дружной семьей!

— Ничего ты не понял. — Заставить его вникнуть в причины ее отказа не легче, чем вытащить бегемота из болота, решила Лиза. — Все не так просто, как ты думаешь.

— Нет, это ты все усложняешь!

— И вообще я не понимаю, почему ты так настаиваешь на... на браке, — запинаясь, сказала Лиза, пытаясь оттянуть время, пока не придумает более-менее правдоподобную причину отказа. Покосившись на него, она вдруг заметила смущение, промелькнувшее на мрачном лице и моментально исчезнувшее. Она даже подумала, что ей показалось. — Я знаю, — упрямо продолжала Лиза, — что брак и детей ты не рассматривал даже как весьма далекую перспективу. — Может, и рассматривал, продолжила она про себя, но явно не со мной. — Я была лишь однодневным развлечением, разве ты сможешь это отрицать? Мужчины твоего типа развлекаются с бесчисленным количеством женщин, но женятся лишь на красотках с деньгами и связями.

Хотя даже брак вряд ли остановит такого, как Энгус Гамильтон. Но его похождения, слава Богу, будут не ее головной болью.

— Нет, не рассматривал, — согласился он.

— Я же говорю.

— Что говоришь?

— Ты должен понять, что я чувствую, Энгус. — Глубоко вздохнув и пододвинувшись ближе к столу, Лиза продолжила, стараясь говорить как можно тише: — Ради Бога, мы же просто переспали один раз, и все! Ничто более глубокое или серьезное нас не связывало. Но из-за нашего обоюдного легкомыслия случилось непоправимое. — Опустив глаза, Лиза принялась помешивать давно остывший кофе, забыв положить туда сахар.

— Беременность не скроешь и не спрячешь в шкаф, — резюмировал он, и Лизе захотелось зареветь — день так хорошо начался, но заканчивается на весьма печальной ноте.

— Знаю. Но брак, к которому нас толкают обстоятельства, — самый последний выход из создавшегося положения.

— А разве у нас есть еще какие-то выходы?

— Хочешь сказать, что поскольку ты весьма важная персона и занимаешь высокую должность,

то *обязан* жениться на мне, потому что незаконнорожденный ребенок дискредитирует тебя? — Выжидающе глядя на него, Лиза заметила, как на лице Энгуса мелькнула улыбка.

— Но кто знает про тебя и ребенка?

— Ну... я же говорила тебе, Каролина...

— Да, она может это сделать, чтобы отомстить. Но это для *нее* важно мнение общества, а для меня — нисколько. Меня совершенно не волнует, что обо мне говорят, поскольку я и сам о себе все знаю.

— Тогда зачем?..

— Потому что этот малыш и мой тоже. Да, я не собирался заводить семью, по крайней мере в ближайшем будущем. Но я же не знал, что инстинкт отцовства с такой силой взывает во мне.

Лиза поняла, что он хотел сказать. Через пару недель родится малыш, *его* ребенок, его наследник. Естественно, что он хочет быть с ним, видеть, как малыш растет, учится ходить и говорить. Как бы часто он ни навещал его, все равно это совсем не то, что жить вместе, в одном доме. Вот почему Энгус так настаивает на их браке.

Яснее некуда. Сама она Энгусу не нужна, нужен лишь ребенок, но, поскольку ребенок жить без матери не может, Энгус женится на ней. Она всегда будет играть вторую — если не сказать, последнюю — роль в его жизни. Если бы не малыш, Энгус никогда бы на ней не женился.

— Да, я понимаю, но...

— Но ты не можешь выйти замуж без всей этой чуши — клятв в вечной любви, звона церковных колоколов и прочей ерунды, — насмешливо и презрительно закончил за нее Энгус, в пух и прах развеяв все романтические мечты, кажущиеся ему непроходимой глупостью и наивностью. — Что ж, прекрасно. — Он как-то странно посмотрел на нее. — Выходи за меня, Лиза. Я люблю тебя.

Воцарилась необычайная тишина. Некоторое время Лиза молча пыталась переварить эту информацию, затем глубоко вздохнула и потерла виски, совершенно уверенная, что неправильно поняла слова Энгуса. Этого просто не может быть.

— Знаешь, я думаю, нам пора идти, Энгус. Я устала, ходить по магазинам оказалось тяжелее, чем я предполагала.

Он ничего не ответил, лишь достал мобильный телефон из кармана, вызвал Джорджа и сказал, что через пару минут они ждут его на условленном месте.

Опять же о браке не было произнесено ни слова, пока они усаживались в автомобиль, и только там Энгус напомнил, что все еще не получил ответа на свое предложение.

— Я ведь все равно не отстану, — невозмутимо добавил он. — Я всегда добиваюсь того, чего хочу.

— И в данном случае ты хочешь ребенка.

— Верно, — обнимая ее, согласился он, и Лиза с удивлением посмотрела на Энгуса, чью

невозмутимость нарушала лишь тревога в голубых глазах.

Зачем я вообще протестую? — удивилась Лиза. Ведь сегодняшняя битва проиграна. Я выложила карты на стол, и Энгус сделал то же самое. Он хочет жениться на мне ради ребенка, и он всегда добивается исполнения своих желаний, в этом сомневаться не приходится. Нравится ей или нет, но Энгус уже вторгся в ее жизнь и не оставит в покое, пока не добьется своего.

— Ну а что, если ты влюбишься еще в кого-то, а мы будем уже женаты? Что ты тогда будешь делать?

— Никто не знает, что ждет нас в будущем. Может, нас переедет машина. Может, разразится третья мировая война и весь мир будет лежать в руинах. Когда начинаешь об этом думать, то кажется, что проще вообще не жить.

— То, что ты несешь, сущий бред. Я говорю о гораздо более обыденных и, значит, возможных событиях, таких, как...

— Лучше скажи, что боишься полюбить другого, когда будешь моей женой, — саркастично прервал ее Энгус.

Лиза промолчала. *Это* никогда не произойдет, она знала точно. Третья мировая война и то кажется более вероятной по сравнению с этим абсурдом.

Покинув забитый автомобилями центр Лондона, машина взревела, и скорость заметно прибавилась. Казалось, стрелки часов бегут еле-еле, поскольку время тянулось необычайно медленно. В ушах Лизы все еще звучал голос Энгуса, делающего ей это совершенно дикое предложение. Хотя кто знает, дикое ли? Разве им не было хорошо, когда они прогуливались в обнимку по «Харродзу», как любящая пара, ожидающая рождения первенца, или по крайней мере как хорошие друзья?

Причем Энгус в самом деле заботится о ней. Лиза вздрогнула, представив, как она бродила бы одна по магазинам в Рединге, выискивая что подешевле, и с грустью, граничащей с отчаянием, глядя на сияющих счастьем молодых родителей, *вместе* выбирающих вещи для малыша.

А что ожидает ее впереди? Долгие годы жесточайшей экономии и одиночества, когда некому будет помочь приглядеть за больным ребенком, и работа, бесконечная работа, чтобы хоть как-то прожить. В итоге детство ребенка пройдет практически так же, как и у нее самой.

Боже, с отчаянием подумала Лиза, что же мне делать? Какой из путей выбрать? Она вдруг необычайно отчетливо увидела всю свою жизнь, такую серую, неприметную, одинокую и без малейшего просвета впереди. Но что, если в самом деле выбрать?..

Да, Энгус не любит ее. Но зато *ей* он, по-видимому, нравится. Ну и он питает к ней хоть какие-то чувства, ведь если бы он ненавидел ее, то наверняка не сделал бы подобного предложения. Разумеется, у него может быть любовница, но даже в нормальной семье никто не гарантирует, что муж не загуляет на стороне.

Может, все сложится не так уж и ужасно, как кажется на первый взгляд. Она любит Энгуса, и ее любви с лихвой хватит на них обоих. И вполне вероятно, что в один прекрасный день все ее мечты сбудутся и он поймет, что любит ее, что жить без нее не может. В самом деле, кто знает, что ждет нас впереди?

— Но все же, что будет, если *ты* полюбишь другую? — робко поинтересовалась Лиза.

— Тогда ты получишь развод, опеку над нашим малышом и все остальное, что захочешь, — я ничего не стану оспаривать.

— Опеку?! Но он мой... я никогда не считала, что...

— Лиза, Лиза! Ты должна понять, что наша жизнь такова, какой мы сами ее строим.

— Может быть, — проямлила она. Но если мы строим свою жизнь сами, то зачем я влюбилась в Энгуса Гамильтона? И почему не могу выбросить его из головы и сердца, как бы ни старалась? — Я знаю, Энгус, что я вовсе не отношусь к тому типу женщин, которые тебе нравятся.

— Тогда ты знаешь еще меньше, чем думаешь, — последовал туманный ответ.

— К тому же мы относимся к совершенно разным кругам общества. Я понятия не имею, как устраивать обед на двадцать персон, уж не говоря о том, как там себя вести. Я далеко не элегантная красавица, с которыми ты привык иметь дело.

Они уже подъезжали к Редингу. Энгус нажал какую-то кнопку, и стекло, отделяющее их от Джорджа, скользнуло в сторону. Дав указания шоферу, Энгус откинулся на сиденье и выжидающе посмотрел на Лизу.

— Можно я немного подумаю? — спросила она и, когда он кивнул, добавила: — Я все хорошенько обдумаю, а потом позвоню.

— Нет. Лучше я позвоню сам.

— Не уверяешь? — язвительно поинтересовалась она и получила ответ, выдержанный в том же тоне:

— Только не тогда, когда дело идет о таких важных вещах. Итак, я позвоню в среду.

Автомобиль мягко притормозил перед ее домом, и Лиза внезапно поняла, что больше всего на свете она хочет подняться к себе в квартиру, где может запереться от людей и спокойно обдумать все сегодняшние события, где не будет Энгуса, с невероятной легкостью читающего ее мысли.

— Ладно, договорились, — послушно ответила Лиза.

Она уже заходила в дом, когда Энгус сухо напомнил:

— А про сумки в багажнике забыла?

— О Боже, ну конечно. — Она действительно совершенно забыла про них. Большую часть вещей должны были доставить в понедельник, но некоторые мелочи Лиза и Энгус решили привезти сами, в основном те очаровательные распашоночки и кофточки, которые стоили страшно дорого, но были совершенно непрактичными.

Энгус сам внес все сумки в квартиру, кинул на софу и, повернувшись к Лизе, предупредил:

— И не пытайся увильнуть от четкого и ясного ответа, дорогая. — Как-то странно глянув на нее, он вдруг сделал совершенно неожиданную вещь. Встав на колени, он обнял ее живот,

прижавшись к нему лицом, и Лиза почувствовала острое желание, пробуждавшееся в ней и разливающееся по всему телу.

— Нет, — запротестовала она, в то время как тело кричало «да», напрягшись в ожидании, когда же его нежные руки скользнут выше, к ноющим от желания грудям. Но Энгус не сделал этого. Резко поднявшись, он вышел из квартиры, необычайно тихо закрыв за собой дверь.

На негнущихся ногах Лиза подошла к окну посмотреть, как Энгус вышел из дома, сел на заднее сиденье автомобиля, перегнулся, чтобы сказать что-то Джорджу, и машина сорвалась с места. Их уже давно не было видно, а Лиза все смотрела и смотрела в окно, представляя, как машина с урчанием мчится по дороге в Лондон. О чем Энгус думает сейчас? Она не знала.

Остаток выходных Лиза провела, разбирая огромную кучу детских вещей, выросшую за последние месяцы.

В понедельник, едва проснувшись, она позвонила Полу и спросила, остается ли в силе его предложение пожить в его коттедже.

— А не слишком ли тяжело туда ехать для женщины в твоем положении? — усомнился он.

— Ну что ты, Пол. Я чувствую себя просто превосходно, но уже не могу смотреть на опостылевшие мне за эти дни стены. Причем я же еду всего на пару дней. — Похоже, новое место и в самом деле поможет ей навести порядок в сумбурных мыслях, да и время там будет тянуться не так медленно. Лизе казалось, что чем ближе роды, тем не торопливей бегут стрелки на часах, будто издеваясь над ней.

— Но сейчас так холодно. Может, подождешь, пока хоть немного потеплеет? — не унимался Пол.

— Да какая разница? Я же вернусь к среде.

Пол не отставал еще некоторое время, беспокоясь, что и как, но в конце концов согласился, правда поставив одно условие: когда она заедет за ключом, то заберет сумку с едой — и никакие возражения по этому поводу не принимаются, иначе он вообще не отдаст ей ключ. Лизе ничего не оставалось, как улыбнуться и дать согласие.

Было около десяти, когда Лиза, покидав кое-какие вещи, которые могли пригодиться, подъезжала к дому Пола, где ей были торжественно вручены ключи от дома, огромная сумка с едой и самые добрые пожелания Элли с приказами: не утруждаться, больше отдыхать, класть ноги на подушечку или скамеечку.

— Клянусь класть ноги повыше, — торжественно пообещала Лиза, — от отдыха я уже устала, а делать мне в коттедже все равно будет нечего, даже если захочу. Спасибо за все, Элли. — Отъехав на приличное расстояние, Лиза невзначай взглянула в зеркальце и увидела, что Элли все еще стоит на дороге, с тревогой и заботой глядя ей вслед.

А все же прекрасный сегодня день для поездки, решила Лиза. Хотя и холодно, воздух такой прозрачный и свежий, а небо необыкновенного бирюзового цвета.

— Мамочка и папочка, — глядя на небо, прошептала Лиза, — теперь мне уже ничего не страшно! Я знаю, что делаю и зачем. Несмотря ни на что, вы можете мною гордиться, — и улыбнулась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Добралась Лиза великолепно. Она останавливалась на каждой бензозаправке, разминая затекшие ноги. В машине она включала музыку. Голоса певцов заполняли маленький автомобиль, создавая иллюзию веселой компании.

Проехав половину пути, Лиза остановилась, устроив себе обеденный перерыв и перекусив сэндвичем, приготовленным Элли. Как всегда, он был выше всяких похвал. Сумбурные мысли потихоньку стали проясняться, туман, царивший в голове, рассеялся. Лиза долго думала над словами Энгуса, лежа без сна в постели, но до сих пор не знала, что ответить ему. Теперь же решение было почти что принято.

В половине четвертого Лиза подъехала к коттеджу. Он совершенно не изменился с того времени, когда она была здесь в первый раз. Маленький, аккуратный, с минимальными удобствами. Идеальный дом для уик-эндов, как любил говорить Пол, причем можно не бояться, что его обворуют, ведь с первого взгляда видно, что брать там, в отличие от этих ультрасовременных вилл, просто нечего.

Первый этаж представлял собой одну комнату, разделенную широкой стойкой на кухню и гостиную.

Гостиная была довольно большая, с камином, перед которым лежала охапка дров в корзине, явно знававшей лучшие дни, но сейчас выглядевшей хуже некуда, однако идеально вписывавшейся в обстановку.

Перед тем как начать распаковывать вещи, Лиза включила отопление — одно из немногих завоеваний цивилизации, дошедших сюда. В середине зимы оно, конечно, не особо согревало помещение, но хотя бы выгоняло промозглый холод, всегда царивший в этом практически необитаемом домике.

С трудом втащив сумку с пожитками в одну из спален и распаковав их, Лиза спустилась в кухню, где разложила по местам продукты, и стащила пальто, поскольку в доме от включенного отопления становилось тепло, а часом позже за пальто последовал и толстый кардиган.

В сумке, приготовленной Элли, было несколько пакетов молока, яйца, хлеб, баночки и коробочки с готовыми блюдами, кофе, соки, масло — короче, все, что было нужно, и сверху букет цветов, который Лиза сама купила по дороге сюда.

К пяти часам окончательно стемнело. За стенами домика бушевал ветер, а внутри было тепло и уютно. Лиза устроилась на софе — ноги на подушке, другая подушка положена под голову, рука поглаживает живот.

Ей почему-то вспоминалось детство, и, улыбаясь, она перебирала счастливые мгновения.

Лежа в темноте домика, где ничто не нарушало тишину, Лиза думала, что когда-то это было для нее самым большим счастьем в жизни — безопасность, надежность, постоянство. Она тихо засмеялась, поняв, какой была глупышкой. Как же быстро под влиянием Энгуса изменились ее приоритеты и мечты!

Судьба посмеялась над ее планами спокойной, безмятежной жизни, подсунув Энгуса Гамильтона. Решение, сформировавшееся по пути сюда, принято. И Лиза принялась перечислять причины, по которым их брак был лучшим, единственным выходом из

сложившейся ситуации.

Она не могла просто повернуться и уйти прочь — возвратиться к своей обыденной, монотонной жизни. Даже если бы не было ребенка, это было уже невозможно. После той дикой, неукротимой страсти, поглотившей их обоих, было бы смешно пытаться вернуться к привычной жизни.

Это было бы все равно, что после того, как Энгус показал ей всю широту, глубину и полноту жизни тройного измерения, пытаться возвратиться в двойное измерение, в котором она жила прежде.

Это и было основной причиной, почему она приняла такое решение. Что бы ни ждало ее впереди, она уже не сможет вернуться к прежней одинокой жизни, познав страсть и красоту слияния двух тел. Решение принято, и назад пути нет, с Энгусом или без него, но она, Лиза Фримен, станет жить полноценной жизнью, как и всякая молодая женщина.

Безмятежности и монотонности не будет больше в моей жизни, заявила себе Лиза. Энгус бросил мне вызов — что ж, я его приму, и мы еще посмотрим, кто кого!

Правильно сказал Энгус, никто не знает, что ждет нас впереди. Все может быть. Надо только идти вперед и не оглядываться назад. Она вполне может научиться устраивать обеды на двадцать персон. И кто знает, может так случиться, что это не настолько и ужасно, как она думает. И ответственность, непомерной тяжестью с юных лет легшую ей на плечи, Энгус тоже частично снимет, и, возможно, ей это понравится, ведь принадлежать любимому душой и телом — не самая тяжелая участь.

По иронии судьбы Энгус был человеком, вобравшим в себя все то, что она *не* желала видеть в будущем муже. Но при одном его появлении в ней просыпалась безумная страсть, доставшаяся, наверное, от родителей. И справиться с этим безумством Лиза не могла, как, наверное, не мог никто в мире.

Около семи Лиза решила перекусить содержимым одной из многочисленных баночек, куда Элли заботливо положила готовые блюда. Она добавила щедрой рукой кетчупа, обнаруженного на кухне. Пол говорил, что в коттедже у них всегда есть консервы и прочие продукты, поскольку заранее не знаешь, когда захочется перекусить и хватит ли еды, привезенной с собой.

Утолив голод, Лиза уселась на уютную софу с книжкой, поскольку все равно делать было нечего, в доме не было даже телевизора. Несмотря на горячие мольбы детей, Пол и Элли были непреклонны. Телевизор можно посмотреть и дома, а здесь, в коттедже, отдохнуть так отдохнуть, причем на свежем воздухе, а не тупо уставившись на экран.

Лиза не жалела об их решении. По дороге сюда ей уже успели порядком надоесть и радио, и музыка, так что она наслаждалась первозданной тишиной, царившей в доме.

Но усталость скоро дала о себе знать. Лиза, поднявшись на второй этаж, приняла душ и легла в постель.

В домике было три крошечных, необычайно милых спальни, где потолком служила крыша. В одной из спален она была стеклянная, и, лежа в постели, можно было глядеть на темное, в звездах, небо. Засыпая, Лиза думала, что когда-то, в другой части света, они с Энгусом занимались любовью под точно таким же небом и звезды сияли только для них. Но и сейчас они светят им обоим, несмотря на то что она здесь, в Озерном краю, а он где-то в Лондоне.

Интересно, чем Энгус сейчас занимается? Наверное, работает, ведь еще нет и половины девятого. Любопытно, а будет ли он работать хоть немного меньше, когда они поженятся? Когда появится малыш в доме?

Незаметно для себя Лиза уснула, а когда открыла глаза, вокруг было темно и страшно. Не совсем проснувшись, она испуганно оглянулась, пытаясь вспомнить, где она и что здесь делает. Помотав головой и отогнав остатки сна, она облегченно опустилась на подушки, поняв, что находится в домике Пола. И тут резкая боль пронзила ее, заставив застонать. Это была схватка.

Ох, нет, Господи, нет! — пронеслось у Лизы в голове. В нарастающей панике она принялись искать выключатель лампы, когда внезапно тишину ночи разорвал бой часов, с новой силой ударив по нервам.

Включив наконец лампу, Лиза с трудом сползла с постели, каждое движение причиняло неимоверную боль. Вторая схватка положила конец всем сомнениям. Тишина и одиночество, прельстившие ее вначале, обернулись против нее.

Лиза поняла, что начинаются роды, причем гораздо раньше, чем она думала, да и доктор, осматривавший ее три дня назад, заверил, что причин для беспокойства нет, роды начнутся в предполагаемые сроки. Правда, ни один врач не может сказать со стопроцентной уверенностью, когда малыш решит появиться на свет, добавил он позднее. Некоторые дети рождаются раньше времени, а некоторые — позже. Он также уверил ее, что, скорее всего, ей придется перехаживать. Увы, малыш не услышал — или не понял — слов доктора.

Лиза медленно поплелась к лестнице, поскольку телефон стоял на первом этаже, в гостиной.

С трудом спустившись и подняв трубку телефона, она не услышала привычного гудка. Телефон не работал. В ужасе Лиза опустилась в кресло, чувствуя себя совершенно разбитой, не в состоянии пошевелиться и ругая себя последними словами, что не удосужилась перед отъездом спросить, работает ли телефон. Но с другой стороны, она была абсолютно уверена, что если бы Пол и Элли знали, что телефон отключен по той или иной причине, то предупредили бы ее.

Новая схватка повергла Лизу в отчаяние. Едва она закончилась, Лиза, собравшись с силами, которые ей придала безнадежность, схватила сумочку с ключами и устремилась к двери.

Накинув пальто на тонкую ночную рубашку, Лиза выскочила в темноту, к автомобилю, стоявшему возле дверей. Она должна, *должна* выехать на шоссе, видневшееся вдали за деревьями, и добраться до больницы. Но, к своему ужасу, внезапно поняла, что не в силах даже завести машину, не говоря о поездке куда-либо, поскольку она и понятия не имела, где находится больница. Схватки становились все сильнее и чаще, заставляя ее кусать от боли губы и постанывать.

Лиза не могла ни о чем думать, кроме усиливающихся схваток. Откинувшись на спинку сиденья, она полулежала, молясь. Сколько прошло времени до того, как она услышала шум подъезжающей машины, Лиза не знала, она лишь облегченно вздохнула, когда пронзительно завизжали тормоза и какой-то большой автомобиль остановился позади.

Ей было глубоко безразлично, кого черт носит в этой глуши в поздний час, да еще и на дикой скорости. Это была *помощь*. А кто за рулем, ей было наплевать, хоть разбойник, собирающийся ограбить коттедж. Главное, ее отвезут в больницу или по крайней мере вызовут «скорую помощь» по телефону из ближайшего дома.

Новый приступ боли заставил ее зажмуриться. Как сквозь туман Лиза услышала, как кто-то открыл дверцу ее автомобиля, чертыхнулся, а затем бережно вытащил ее из машины и куда-то понес.

С трудом открыв глаза, Лиза увидела расплывчатое, но настолько знакомое и дорогое ей лицо. Энгус! Дверь в коттедж открылась от одного хорошего пинка, и Лизу аккуратно внесли внутрь.

— И сколько это уже продолжается? — даже не пытаясь скрыть ярость, рявкнул Энгус, но в ответ ему раздался мучительный стон. Осторожно уложив Лизу на софу, он прорычал: — Как позвонить в больницу?

— Телефон... не работает... — задыхаясь, прошептала Лиза, чувствуя себя глубоко несчастной и больной.

— Проклятье? Лежи и не смей никуда уходить. Я скоро вернусь.

«Не смей никуда уходить»? Интересно, *куда и как* она может пойти в таком состоянии? Неужели Энгус думает, что она вприпрыжку побежит в лес, лишь бы спрятаться от него? Или, как любезная хозяйка, помчится в кухню варить для него кофе?!

Лиза не понимала, что Энгус делает здесь, в коттедже, и куда убежал сейчас, когда ей так плохо. Но одно его присутствие успокаивало, хотя боль и не уменьшалась. Роды начнутся совсем скоро, она чувствовала это.

Лиза посещала группу «Будущие мамы», где много говорилось о современных средствах, практически снимающих боль во время родов. Но, Господи, кто же думал, что она будет рожать здесь, в домике, посреди ночи, где единственным болеутоляющим служила диванная подушка, подсунутая Энгусом под спину!

— «Скорая» уже в пути. Я вызвал их по моему мобильному телефону, — послышался жесткий голос. Подняв испуганные и полные муки глаза, Лиза увидела Энгуса, стоящего на коленях у софы и ласково убирающего взмокшие от пота пряди волос с ее лба.

— Моя дорогая, — шептал он, — держись. Врачи скоро приедут. Только держись, милая, постарайся. Максимум через полчаса приедет «скорая». Этот треклятый дом стоит у черта на куличках.

Энгус назвал ее «*моя дорогая*»! Наверно, послышалось. Она уже так измучена болью, волнами накатывающей на нее, терзающей беззащитное тело. Тысячи лет женщины мучаются, рожая детей. Господи, за что нам такие муки? И непроизвольно Лиза сильнее сжала руку Энгуса.

— Энгус, я подумала и решила...

— Не сейчас.

— Энгус!..

— Позже скажешь, моя любовь, позже.

— Да выслушай же меня! — закричала Лиза. — Ребенок! «Скорая» не успеет, я рожая!

А затем, в круговерти событий, она забыла обо всем, даже как ее зовут. Непереносимая боль скрутила ее, заставляя выгибаться и стонать, да и нервы подвели — ведь Лиза была уверена,

что будет рожать в больнице, под наблюдением врачей... Но когда необычайно спокойный Энгус положил ее на ковер перед пылающим камином, который он непонятно когда успел затопить, и стал успокаивать с непоколебимой уверенностью, что все пройдет хорошо, Лиза тоже успокоилась, да и присутствие Энгуса действовало лучше, чем самое хорошее болеутоляющее.

Его голос, такой нежный и ласковый, придал Лизе уверенности и спокойствия, так необходимых в этот момент.

Понемногу в памяти всплыло все, чему их учили в группе «Будущие мамы», и Лиза начала дышать так, как советовали, прислушиваясь к телу.

Какая-то неведомая сила внезапно начала подсказывать, что делать, боль стала слабее, и, когда Энгус сказал: «Ты все делаешь просто прекрасно, дорогая», Лиза смогла даже улыбнуться. А еще через какое-то время он, с благоговением человека, впервые наблюдающего рождение новой жизни, воскликнул прерывающимся голосом:

— Головка! Лиза, я уже вижу головку!

Ребенок родился, когда к коттеджу под вой сирены подлетела «скорая помощь». Лиза вопросительно взглянула на Энгуса, и он, прочитав немой вопрос в ее глазах, ответил:

— У нас прелестная девочка.

Врач перерезал пуповину, и Лиза с дочерью были немедленно отправлены в больницу. Дорога в этот час была пустынна, и доехали быстро. Вслед за «скорой» на своей машине ехал Энгус, стараясь не отставать. Девочку завернули в кремовое одеяльце, и всю дорогу Лиза не могла оторвать от нее глаз.

Ей не верилось, что это наконец случилось. Глядя на крошечную головку малышки с темными волосиками — как у папы, на маленькое сморщенное личико, она позабыла боль, столько часов терзавшую ее. Казалось, что все это — и страх, и боль, и ужас — было давным-давно, тысячу лет назад. А сейчас Лизе хотелось покрыть родное личико поцелуями, осыпать ласками.

— Ну, вы даете! — сказал один из врачей, сидевший с ней в машине. — Так быстро родить! — И, видя тревогу в глазах Лизы, поспешил добавить: — Не беспокойтесь, с малышкой все будет в порядке, она совершенно здорова. Просто не каждый день встречаются малыши, которым так не терпится появиться на свет, да еще в самом неподходящем месте!

Лиза кивнула и робко улыбнулась, а затем уже вместе с улыбающимся врачом стала снова разглядывать дочурку.

Скоро они подъехали к больнице, Лизу на носилках внесли в палату, где ее осмотрели и заверили, что у нее тоже все в порядке, даже разрывов нет.

— Мы не продержим вас здесь долго, милочка, — улыбаясь, сказал Лизе еще один врач. Весь штат больницы видел в ней чуть ли не национальную героиню, хотя сама Лиза чувствовала себя форменной идиоткой — уехать к черту на кулички, когда вот-вот начнутся роды, да еще не удостовериться, работает ли телефон!

Еще ее беспокоило, где же Энгус и что значили те нежные слова, которые он ей нашепывал в коттедже.

— А где Энгус? — набравшись смелости, наконец поинтересовалась Лиза.

— Ваш супруг? Он сидит в приемной. Рвался за вами сюда, в палату, но мы его не пустили. Как только я закончу осматривать вас, разрешу ему войти, — заявил врач.

И рассыпался в похвалах его хладнокровию и невозмутимости. Какой умный, спокойный, умелый человек! Лестные восклицания, с изрядной долей благоговения, сыпались как из рога изобилия.

— Я и то нервничал больше, принимая своего первого ребенка! — напоследок добавил он.

Прошло еще немало времени, прежде чем врач закончил осмотр и впустил в палату изнывающего от нетерпения Энгуса. При его появлении Лиза почувствовала себя ужасно смущенной, язык прилип к гортани — короче, она испытала всю гамму чувств, овладевших ею, когда несколько месяцев назад — а вернее, целую жизнь — он вот так же входил в ее палату после несчастного случая на дороге.

Энгус казался неимоверно усталым, растрепанным и взволнованным. Темные волосы выглядели так, будто он их без конца взъерошивал присущим только ему нервным движением, а черная щетина подчеркивала худое лицо. Глядя на него и не в силах промолвить ни слова, Лиза твердо поняла одно — она любит этого мужчину, и неважно, отвечает он ей взаимностью или нет.

— Ты выглядишь так, будто это у *тебя* была нелегкая ночь, — наконец пробормотала Лиза, откидываясь на подушки и наблюдая, как Энгус подтаскивает кресло к кровати.

— Да уж, приятного мало. Но не будем об этом. Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно! — воскликнула она, ничуть не покривив душой. — Правда, немного устала, но это пустяки. Врачи осмотрели девочку и сказали, что все просто чудесно и я тоже в порядке.

— Я уже видел нашу дочь, — счастливо улыбнувшись — если не сказать, блаженно, — ответил Энгус. — Кстати, мы еще не прояснили некоторые вопросы...

— Почему я поехала в коттедж? — закончила за него Лиза.

— Да, почему?

— Мне надо было подумать, — вздохнула Лиза. — А это самое подходящее место для размышлений. — Ей хотелось так много рассказать Энгусу о своей любви, и лишь мысль, что, узнав обо всем, он может встать и уйти навсегда, поскольку не отвечает ей взаимностью, удерживала Лизу.

О браке сейчас она тоже опасалась говорить. Этот день был одним из лучших в ее жизни, и омрачать его деловыми разговорами Лизе совсем не хотелось.

— Как ты нашел меня? — спросила она, только чтобы не молчать.

— Мне позвонили из «Харродза».

— «Харродза»? — недоуменно переспросила Лиза, нахмурившись, на что Энгус укоризненно покачал головой.

— Лиза, неужели ты не помнишь тот огромный универмаг, где мы с тобой закупили кучу

вещей для малышки? Поскольку в машину все не вошло, мы договорились, что тебе покупки привезут домой. Но тебя дома не оказалось, и поэтому позвонили мне на работу. Я понял, что, раз ты не сидишь дома, читая и ожидая покупки из «Харродза», значит, что-то случилось. К счастью, я вспомнил имя твоего босса, позвонил и выбил из него всю правду.

— Ты говорил с Полом? — удивилась Лиза.

— Да, и не думаю, что ты хочешь услышать слово в слово то, что я сказал ему, узнав, что ты, в твоём-то положении, уехала в какой-то коттедж, стоящий на краю земли. Естественно, я бросил все и помчался вдогонку за тобой.

— Ох, бедняга, — засмеялась Лиза, покраснев от смущения. — Но я рада, что ты приехал. — Помолчав, она затараторила, боясь, что Энгус перебьёт её: — Я же ещё не успела поблагодарить тебя. Мне страшно даже думать, что случилось бы, если...

Но здесь Лизу перебил стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошла медсестра, чтобы увезти каталку, на которой Лизу доставили в палату, а следом за ней другая медсестра принесла ребенка. Её ребенка. Вернее, *их малышку*.

Малютка абсолютно здорова, заверила их старшая медсестра, и Лиза моментально забыла про недавний разговор. Малышка чуть-чуть не дотягивала до семи фунтов и страшно хотела есть. Лизе показали, где находится кнопка вызова, чтобы позвонить, если будут какие-то проблемы. Медсестра поздравила Энгуса и Лизу и добавила, уже стоя в дверях:

— Время летит быстро, лет через двадцать станете дедом и бабушкой. Так что не растеряетесь, если придется принимать внуков.

И ушла, оставив счастливых родителей наедине с дочерью. Когда Лиза наконец оторвала зачарованный взгляд от малышки, то увидела, что и Энгус смотрит на этот крошечный пищащий комочек с таким любопытством и гордостью, как будто впервые в жизни увидел младенца.

Господи, пусть эти самые счастливые минуты моей жизни не кончатся, взмолилась Лиза. Она решила даже не упоминать о браке только из-за того, что это вернет их с небес на грешную землю. Но тогда, в коттедже, Энгус ей нашептывал нежные слова, коварно напомнила Лизе память. Нет, протестуяще замотала она головой, это было, наверное, игрой воображения, что Энгус говорил ей «дорогая», «моя любовь»...

Склонившись над кроваткой малышки, Лиза прошептала, боясь разбудить ребенка:

— Сколько можно называть её «малышкой»? Мы должны придумать ей имя.

— А какое тебе нравится? — прошептал в ответ Энгус, не отрывая глаз от кровати.

Немного подумав, Лиза ответила:

— Эмили. Эмили — так звали маму. — И пусть малышка, продолжила она про себя, унаследует её любовь к свободе, пусть простор не угнетает её, как меня. И пускай малышка найдет своё счастье и великую любовь, как и её бабушка. И не совершает глупостей, как мать.

— Тогда Эмили Наташа, — добавил Энгус.

— А почему Наташа?

— Так звали мою бабушку.

Какое прелестное имя, решила Лиза, вот только как быть с фамилией?

— Энгус, — нерешительно начала она. — Я знаю, ты бы хотел поговорить об этом позже, но лучше давай сейчас. Я поехала в домик Элли и Пола, чтобы подумать. Я приняла решение.

Энгус ничего не сказал. Просто поднялся и отошел к окну, любимому его месту, снова воздвигая невидимый, но очень прочный барьер между ними.

— Знаешь, мне нелегко говорить. Но поверь, я и не думала принуждать тебя к браку, когда поняла, что забеременела. — Лиза взглянула на Эмили, вернее, на Эмили Наташу, лежащую в больничной кровати на спинке и сжимающую крошечные кулачки, будто ловя что-то. Она не могла поверить, что это прелестное создание — плод случайной связи.

Энгус молча посмотрел на Лизу, и нельзя было сказать, что это прибавило ей мужества. Он выжидающе кашлянул, показывая, что весь внимание и ждет продолжения. Вздыхнув, она договорила:

— Я была в шоке, мне показалось, что меня загнали в ловушку, откуда нет выхода. Что делать, я тоже не знала.

— А мне сообщить об этом даже и в голову не пришло, — довольно резко заметил Энгус, и Лиза слабо улыбнулась.

— Как я могла? — печально возразила она. — Мы же едва знали друг друга.

— Достаточно хорошо, чтобы ты могла прийти.

— Когда я думала о тебе, то всегда представляла огромную, глубокую пропасть. Ты стоишь по одну ее сторону, а я — по другую. Я ведь далеко не дурочка, Энгус. Может, я не так изысканна и утонченна, как другие твои женщины, но я не глупа. Не любовь толкнула нас в объятия тогда, на пляже, а минутная страсть, импульсивный порыв.

Лиза снова улыбнулась. Не верится, что когда-то она была таким наивным созданием, искренне верящим, что любой импульсивный порыв обязательно повлечет за собой несчастья. И невидимой грани между жизнью и существованием она тоже не понимала тогда.

— Я никогда не думала, что нас может связать что-то, — вздохнула Лиза. Да, я не думала, продолжила она про себя, но надеялась. — Я прекрасно понимала, что мы слишком разные. — Она отважилась взглянуть на Энгуса, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, и Лиза снова опустила глаза на спящее чудо в кровати.

— И ты сбежала, — резюмировал Энгус без малейшего намека на обвинение, просто констатировал факт, и Лизе ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия.

— Да, я сбежала. Потому что великолепно помнила, что единственное, что ты предлагал, — стать твоей любовницей. А на такое я согласиться не могла, это причинило бы слишком много боли, когда бы ты ушел. — Выждав немного и убедившись, что оспаривать сие он и не собирается, она сглотнула, поскольку к горлу подступил комок, и продолжила: — Я знаю, ты считаешь, что мне следовало сообщить о ребенке, но я не отважилась. Я слишком хорошо знала твой образ жизни, как знала и то, что, едва я переступлю порог твоего дома с подобной новостью, привычная для тебя жизнь разрушится в момент.

Лицо Энгуса помрачнело, но он промолчал.

— Разумеется, я не думала, что встречу Каролину.

— Которой не терпелось сообщить тебе, едва ты появилась на яхте, что я — ее добыча, а ты лишь навлечешь позор на мою голову.

— Я тоже так считала и не нуждалась в ее мнении! — с жаром воскликнула Лиза, но, вспомнив об Эмили, несколько умерила пыл: — Я сама сделала этот вывод, Каролина здесь ни при чем. Если бы она не встретила со мной на той злополучной выставке цветов!..

Ирония судьбы: одна случайность познакомила ее с Энгусом, другая снова свела их вместе.

— А потом появился ты с предложением руки без сердца...

— Звучит так, будто твой худший ночной кошмар воплотился в жизнь. — Отойдя от окна, Энгус присел на краешек постели.

— Да ты хоть представляешь, что чувствует женщина, когда ей предлагают брак, продиктованный обстоятельствами! — Лиза хотела выразить все свое негодование в этих словах, но не смогла. Где-то в глубине билась мысль, что она должна ненавидеть или хотя бы быть равнодушной к Энгусу Гамильтону, но сердцу не прикажешь... — я всегда представляла, что предложение руки и сердца — это некое таинство, событие незабываемое...

Лиза поняла, что не может продолжать — в горле стоял ком, глаза были полны слез, голос дрожал. Но, постаравшись совладать с собой, она возобновила рассказ:

— Мой отец просил маму выйти за него, стоя на коленях. В то время им было только восемнадцать, и они решили подождать со свадьбой, пока папа не окончит университет. Сделав маме предложение, он подарил ей огромный букет цветов, а потом рассказал о каждой цветке интересную историю. Мама была очарована им.

— Звучит как сказка, — сухо ответил Энгус. — «И никогда они не расставались, и умерли в один и тот же день».

— Они действительно погибли одновременно. В автокатастрофе.

Этого Лиза никогда и никому не рассказывала. Вначале у нее не было никого, с кем бы она могла поделиться своим горем, а потом... Потом она отстранилась от всего мира, ушла, как улитка, в себя. Все мысли, горести и радости — все это Лиза держала в себе, не делясь ни с кем, просто молча страдая.

— Они тогда поехали в соседний город, отцу надо было сходить в местный ботанический музей, где были собраны редкие травы. Я сидела дома, готовясь к поступлению в университет. День был дождливый, и тяжелый грузовик, потерявший управление, вынесло на встречную полосу, прямо на их машину... Смерть была мгновенной. — Лиза глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. — Знаешь, мои родители были идеальной парой. Наверное, их романтизм немножко передался и мне. Ты только подумай — тебя я встретила на дороге, и наш ребенок родился тоже практически на дороге.

Возможно, моя романтика — это несчастные случаи? — усмехнулась про себя Лиза. Я же получила от жизни все, что хотела, кроме взаимной любви, и нет даже надежды, что Энгус однажды скажет заветные слова.

— Знаю, что сейчас не место и не время говорить об этом, но ты должен знать, почему мне тяжело согласиться на брак, продиктованный не любовью, а обстоятельствами.

Комочек в кроватке запищал, реснички у Эмили дрогнули и взлетели вверх. Глазки у нее были голубыми-голубыми и такими же блестящими, как у отца, волосы темные — тоже как у Энгуса. Лиза нажала кнопку вызова медсестры, чувствуя, как возрастает в ней паника. Что она должна делать? Надо ли кормить малышку? Так быстро?

Но она была благодарна Эмили, прервавшей разговор, который становился все более тягостным. Лиза боялась, что не выдержит и расскажет Энгусу о своих чувствах, о своей любви.

Она никогда никому не говорила, что у нее накопилось в душе, да и сейчас не станет. Энгус будет чувствовать себя слишком неловко, если узнает, что она любит его, ведь он сам никогда не сможет ответить ей взаимностью.

В палату вошла медсестра и вынула Эмили Наташу из кроватки. Лиза в смущении взглянула на Энгуса, надеясь, что он выйдет, пока она будет кормить девочку грудью, но он и не пошевелился. Демонстративно усевшись в кресло, он всем своим видом показал, что и с места не стронется. С пылающим от смущения лицом Лиза спустила ночную рубашку, оголив грудь, и неловко стала совать малышке набухший от молока сосок. Та принялась сосать, забавно причмокивая.

В конце концов, Энгус отец малышки, решила Лиза, так что нечего стесняться, но поднимать на него глаза опасалась, чувствуя, как горят щеки.

— Ну и к какому решению ты пришла? — как ни в чем не бывало поинтересовался Энгус.

— Да, я выйду за тебя замуж, — прошептала Лиза, не глядя на него и молясь, чтобы принятое решение оказалось верным.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лиза сама не знала, какого ответа ждет от Энгуса. Она не задумывалась, что произойдет, когда она скажет «да». Но подобного Лиза никак не ожидала. Зловещая тишина была единственным ответом. Смущение и страх сковали ее настолько, что она была не в силах даже взглянуть на Энгуса.

Что, если он уже пожалел о сделанном предложении? Лиза бездумно уставилась на Эмили, вцепившуюся в ее грудь и жадно почмокивавшую. Такая крошечная, но такая обжора!

Но все же, почему Энгус молчит? Может, разочаровался, увидев малышку? Это случается с некоторыми людьми, совершенно забывшими свое детство и представляющими идиллическую картинку — ребенок всегда мил, весел, улыбается, никогда не болеет, не плачет, не ходит на голове так, что дом содрогается, и безропотно отправляется в постель в восемь вечера.

Или, может, Энгус осознал, как сильно изменится его жизнь, если она, Лиза, выйдет за него замуж и вместе с малышкой поселится у него в доме? Роль отца и мужа не из легких. А возможно, он просто потрясен ее согласием — скоро шок пройдет, и Энгус заговорит.

Но почему он медлит?

Волосы упали Лизе на глаза, но она не спешила их откидывать, радуясь этой призрачной

защите, отгородившей ее от Энгуса. Она не хотела встречаться с его глазами, боясь прочитав в них, что он сделал свой выбор, что она может быть свободной, как и прежде. Но свободы ей больше не хотелось. Она не сможет жить, если Энгуса не будет рядом.

Когда он первый раз предложил ей выйти за него замуж, она решила, что жизнь с человеком, который никогда не сможет разделить ее любовь, будет для нее пыткой.

Но только сейчас Лиза поняла, что настоящей пыткой для нее будет жизнь в Рединге, неторопливая, однообразная, без малейшего просвета впереди — дом, работа в питомнике, потом опять дом. Жить в доме Энгуса и быть с ним во время коротких перерывов между его командировками все же лучше, чем жить в Рединге и не видеть его вовсе.

Не в силах больше выносить гробовое молчание, Лиза в отчаянии сказала:

— Разумеется, если ты передумал насчет... ну, нашего брака, то не переживай, — и, покосившись на стоявшего, как изваяние Энгуса, продолжила: — Действительно, давай забудем об этом. — Эмили Наташа, наевшись, не захотела опять спать, и Лиза, укутав в одеяльце, держала ее, слегка покачивая, на руках, прижимая бесценное сокровище к груди. — Прости, — пробормотала Лиза. — В самом деле, мы, женщины, не отличаемся особым умом. Но я не знала, что ты передумал и не хочешь больше жениться на мне.

— Кто тебе сказал, что я передумал?

Лиза в смущении поглядела на него.

— Так твоё предложение все еще в силе? — изумленно прошептала она.

Эмили наконец уснула. Приложив палец к губам, Лиза приказала Энгусу молчать и тихонько, опасаясь разбудить дочь, переложила ее в кроватку.

— И почему же после столь яростного сопротивления ты решила согласиться на мое предложение?

Потому что я не смогу жить без тебя, Энгус.

— Я хорошенько взвесила все «за» и «против» и решила, что это будет самым мудрым решением.

— Ну а любовь?

— Я постепенно склоняюсь к твоему мнению, что удачный брак вовсе не должен основываться на любви. Многие люди женятся, безумно любя друг друга, но вскоре их брак разрушается, как картонный домик. Такое решение лучше принимать на холодную голову, а не в пылу страсти...

И почему на душе стало так скверно от разговора о сделках и договорах? — подумала Лиза. Может, появление Эмили настолько повлияло на нее? Когда она родилась, Лиза вознеслась до небес от неимоверного счастья, переполнявшего ее, но вернуться на землю все же пришлось.

И как я могла говорить так хладнокровно и спокойно о браке по расчету? Я, чей неисправимый романтизм временами смахивает на непроходимую глупость?

Энгус пододвинулся к Лизе ближе. Еще чуть-чуть — и ее рука коснется его жесткого бедра.

— У меня есть некоторые условия, — осторожно начал Энгус, — и, боюсь, они тебе не очень

понравятся.

Лиза сникла еще больше. Уж не началась ли у меня послеродовая депрессия? — забеспокоилась она. В группе «Будущие мамы» им рассказывали об этом. Может, из-за этого она и чувствует себя такой подавленной и никчемной? Хоть бы Энгус ничего не заметил. Интересно, а как он оформит свои претензии? Составит контракт, наподобие контракта по найму на работу?

Выдавив из себя жалкое подобие улыбки, Лиза бодро изрекла:

— Конечно же, я все понимаю. Я, разумеется, надеюсь познакомиться с твоими друзьями, но такие вещи, как коктейли, деловые обеды, — это свято, я не буду на них присутствовать. Я смущаюсь, не знаю, как вести себя в обществе, да и не хочу, чтобы ты краснел за мои промашки.

На какое-то время Лиза замолчала. А что, если эти его «условия», наоборот, подразумевают вечера, приемы, деловые обеды? Энгус возвращается в изысканном обществе эффектных, искушенных женщин, а она особой красотой не блещет. К тому же для тех женщин женатый мужчина, тем более такой красавец, как Энгус, вовсе не запретный плод, а самая желанная мишень. Непрошенная слеза покатилась по ее щеке при этих мыслях, и Лиза поспешила ее смахнуть.

— Но только я не очень хорошо готовлю. Но если надо, я могу брать уроки у какого-нибудь кулинара... — Нет, она не будет думать о других женщинах в его жизни. Как не будет думать и о любовнице, которая наверняка у него есть, и хорошо, если одна.

— Ты просто маленькая глупышка, — ласково сказал Энгус, беря ее руку в свою.

— Знаю, — горько всхлипнула Лиза. — И знаю, что во мне нет ни капли элегантности или искушенности. Я...

— Может, ты все-таки помолчишь и выслушаешь меня?

Но поскольку Энгус не торопился начинать разговор, то Лиза решила, что он пытается найти нужные слова и фразы, чтобы объяснить ей — хотя зачем это объяснять! — чтобы сказать, что он не любит ее и никогда не любил, а тогда, на пляже, это была обычная вспышка страсти и женится он на ней, Лизе, только оттого, что она родила *от него* дочь.

— Я не знаю, как сказать, вернее, с чего начать... — Глубоко вздохнув, Энгус попытался начать все сначала, более спокойно: — У меня не так уж и много условий, но все они крайне важные. Но если ты почувствуешь, что не сможешь выполнять их, то что ж, Лиза, я не могу принуждать тебя к подписанию брачного контракта с пистолетом у виска... Итак, условие первое — ты оставишь работу в питомнике.

— Ладно.

— Жить мы будем в Лондоне, но только временно — пока не найдем более подходящее жилье. Моя дочь в Лондоне расти *не будет*. Это самое неудобное место для ребенка.

— Хорошо, — послушно кивнула Лиза.

— Мы можем начать присматривать подходящий дом сразу же, как ты почувствуешь, что уже окрепла. Я считаю, дом должен стоять не очень далеко от Лондона. Ладно, этот вопрос решен.

Теперь условие второе... — Энгус замолчал, и Лиза поняла, что вот сейчас-то он и подкинет ей свою бомбу. — Условие номер два — ты постарайся терпеть мое общество.

— Вообще-то ты мне и так нравишься, Энгус.

— Нет. — Покачав головой, он приподнял ее подбородок. — Я имею в виду... я никогда не думал, что смогу сказать подобное, то есть что я смогу... Дружеские отношения — это, конечно, хорошо, но... все дело в том...

Тягостное молчание повисло в палате, и Лиза первой отважилась прервать его, напрямик спросив:

— Так в чем же дело?

Тяжело вздохнув и взъерошив и без того встрепанные волосы, Энгус попросил:

— Давай я лучше начну все с самого начала?

Усмехнувшись, Лиза ответила со слабой улыбкой:

— Ну, делать мне все равно нечего, так почему бы и не выслушать твою историю с начала до конца?

Энгус не улыбнулся, а, наоборот, посерьезнел и, прокашлявшись, начал:

— Ты помнишь, когда ты попала под мою машину, я пришел к тебе в палату?

Лиза кивнула. Помнит? Да как она могла забыть? Забыть то, что в корне изменило ее жизнь? Изменило ее? Заставило понять, что она страстная, романтическая натура, а спокойствие и безмятежность — лишь маска, скрывающая истинную Лизу Фримен.

— Знаешь, я никогда не думал, что открою в себе такие чувства к кому-либо.

Робкий цветок надежды распустился в душе Лизы. Неужели он наконец понял, что чувствует она? Но тут же подавила в себе поднимающуюся радость. Ведь Энгус не говорил, что любит ее, даже в момент наивысшей страсти, когда так легко вырываются признания в любви.

— Ты тогда заинтриговала меня. — Пристально взглянув на нее, Энгус прервал размышления Лизы.

— К чему столь туманная предыстория, Энгус? — устало вздохнула она, безуспешно пытаясь понять, что кроется за его словами.

— Не прерывай! Мне и так трудно говорить об этом, а здесь еще и ты перебиваешь меня. Так вот — я никогда ранее не встречал женщины, подобной тебе. Ведь ты же состоишь из необыкновенной смеси противоречий и смущения. Умная, забавная, вечно извиняющаяся — и ни грамма тщеславия, обычно присущего хорошеньким женщинам. Я думал, что, уйдя из больницы, смогу выкинуть тебя из головы, но ошибался. Не знаю, что бы я сотворил, если бы ты отказалась от поездки на острова. Наверно, приехал бы и силой увез в путешествие. Ты слишком глубоко запала мне в душу. — Непривычное смущение в голосе Энгуса давало право Лизе надеяться, что он считает ее не только забавной. — Знаешь, я решил, что смогу избавиться от наваждения, если пообщаюсь с тобой подольше и сумею загладить вину за твой несостоявшийся отпуск. Ведь ты же хорошо отдохнула, Лиза? Ты бы видела со стороны свою

робость, неумное любопытство, сквозившее в глазах, постоянную готовность к обороне... Я глядел на тебя, и мне хотелось показать тебе весь мир, а не эти жалкие несколько островков. Хотел положить к твоим ногам луну и солнце, все, что бы ты ни попросила.

Лиза почувствовала, что от этих слов Энгуса начинает дрожать в предчувствии чего-то. Неужели она действительно нравится ему? Но неужели просто нравится? И ничего более?

— С каждым днем ты нравилась мне все больше, но была так отталкивающе холодна со мной. — Последние слова он произнес, глядя Лизе в глаза, и она не посмела отвести взгляд, тихо пролепетав:

— Да, — и оба внезапно почувствовали, к своему удивлению, просыпающееся в них желание. Сделав над собой усилие, Лиза отвернулась к кровати, любясь своей дочкой.

— Я замечал каждую мелочь. Что бы ты ни делала, куда бы ни шла — я неотступно следил за каждым твоим шагом. Как же мне хотелось проникнуть в твою красивую головку и прочесть каждую мысль! Но ты оказалась крепким орешком. Если и делала шаг вперед, то тут же отступала на два назад. Да, ты знаешь, как сделать человека несчастным без малейшего усилия с твоей стороны. Я думал, что сойду с ума, пытаюсь понять, что же движет тобой. А потом, после той ночи любви, ты объявила, что не желаешь иметь со мной ничего общего...

— Я могу все объяснить... — пылко воскликнула Лиза, и Энгус ласково улыбнулся.

— Конечно, но уже не надо. Я посчитал тебя тогда дурочкой, поскольку ты единственная из всех знакомых мне женщин отказалась стать частью моей жизни, пусть даже и на какое-то время. В тот момент мне хотелось свернуть твою нежную шейку, но разум одержал победу, и я позволил тебе невредимой сбежать от меня. В конце концов, сказал я себе, может, хоть сейчас смогу избавиться от этого наваждения. До встречи с тобой я жил только работой. Нет, женщины, конечно, были, но они так усложняли жизнь, требуя невозможного... Я поклялся, что не женюсь, а для тебя брак стоял на первом месте.

— А вскоре ты узнал, что я беременна.

— Да, именно так.

— И естественно, не обрадовался этой новости.

— Ничего подобного. Я не мог не обрадоваться. Но все же рассердился, что ты и не подумала сообщить мне о *нашем* ребенке.

— Если бы я пришла к тебе с такой новостью, ты бы все равно решил, что я хочу получить от тебя деньги.

— Значит, ты считаешь, что у меня нет и капли здравомыслия? — горестно вздохнул Энгус, сопровождая слова язвительной улыбкой. — А с какой безапелляционностью ты заявила, что не собираешься выходить за меня! Я приготовил кучу аргументов, почему ты должна стать моей женой, но ты не дала мне и рта раскрыть, весьма резко сообщив, что я лишь зря теряю время.

— Ну а потом я поехала в коттедж Пола, где в спокойной, тихой и мирной обстановке приняла решение все же согласиться на твоё предложение...

— Едва не доведя меня до инфаркта, — любезно закончил за нее фразу Энгус.

У Лизы в голове была полная неразбериха, но, взглянув в глаза Энгуса, она прочла в них все, что он хотел сказать, и счастливо улыбнулась.

— Ведь ты же знаешь, что я хочу сказать, да, Лиза? — близко-близко склонившись над ней, прошептал Энгус. — Я люблю тебя. Я хочу тебя. Именно поэтому, а не из-за ребенка, я и предложил тебе руку и сердце. И я буду самым счастливым человеком, если ты когда-нибудь сможешь ответить на мою любовь.

Счастье переполнило душу Лизы, ей хотелось кричать от радости, но она лишь прошептала, боясь разбудить Эмили Наташу, *их ребенка*:

— Мне не хватит даже вечности, — обвивая руками шею Энгуса и притягивая его к себе, — чтобы показать, как я люблю тебя.

Лиза и Энгус стояли перед черно-белым домом. Эмили Наташу они оставили в Лондоне под присмотром молодой девушки, время от времени помогавшей им с малышкой.

Огромный сад заполнили сорняки, одержавшие победу над кустами роз и остальными цветами выглядевшими крайне неухоженными среди буйных зарослей пырея. Если верить словам агента по продаже домов, этот дом пустовал уже больше полутора лет.

— Ну, и каково ваше мнение, миссис Гамильтон?

Энгус обнял жену за плечи, не скрывая удовольствия. Они были женаты уже шесть месяцев, и каждый раз, глядя на обожаемого мужа, Лиза счастливо улыбалась.

Так, обнявшись, они и вошли в дом. Воздух был затхлый, как и во всех пустующих домах, но грязи нигде не было видно. Солнечный свет лился из ничем не прикрытых окон, золотя резные колонны, пол и стены.

— Какой он оригинальный! — воскликнула Лиза, оглядываясь.

— Да, такие уникальные дома не забываются.

— Пожалуй, надо будет только немного подправить фасад, — задумчиво проговорила восхищенная Лиза.

— Да, косметический ремонт, и ничего более.

Изучая расположение комнат, они поднялись на второй этаж, где обнаружили целых семь спален, причем самая большая из них выходила окнами в сад, за которым виднелась широкая лента зеленых полей.

— Как насчет того, чтобы поселиться здесь? — поинтересовался Энгус, подходя к Лизе, присевшей на широкий подоконник, и захватывая ее в плен нежных, сильных рук. Лиза не сомневалась в искренней любви Энгуса, но порой задавалась неразрешимым вопросом: как ей, такой робкой, заурядной серенькой мышке, удалось завоевать этого невероятно сексуального и идеального во всех отношениях мужчину?

— А почему бы и нет? — мечтательно вымолвила Лиза. Жить здесь. С любимым мужчиной и детьми, плодами их любви. Все ее мечты сбылись. Обвив руками Энгуса, она притянула его к себе, с легким вздохом закрыв глаза, когда его рот накрыл ее в жадном поцелуе.

Когда же его руки скользнули под ее блузку, лаская нежные холмики груди, не прикрытые лифчиком, поскольку день выдался жарким, Лиза засмеялась и слабо запротестовала. Энгус лишь усмехнулся, зарываясь лицом в ее шею, легонько покусывая зубами шелковистую кожу, в то время как его чуткие пальцы ласкали и нежно пощипывали набухшие от желания соски.

Вскоре блузка Лизы валялась на полу, а Энгус, лаская и покусывая небольшие груди и не прекращая своего занятия, с помощью Лизы стягивал джинсы. Встав на колени, он продолжил свое увлекательное путешествие по ее животу, языком и губами прокладывая огненную дорожку к мягким завиткам, прикрывающим сердцевину ее женственности.

В ее памяти жили столь сладкие воспоминания о той самой первой их близости, которая, казалось, была тысячу лет тому назад. Они с Энгусом вновь побывали на том пляже во время медового месяца, почувствовав необычайное волнение при мысли, что здесь, на берегу моря, зародилась новая жизнь.

Прикоснувшись к плечу Энгуса, Лиза с виноватой улыбкой прошептала:

— Я хочу тебя прямо сейчас.

— И я, — выдохнул он.

В ту же секунду, обвив ногами его талию и обняв за шею, она слилась с Энгусом в порыве необузданной страсти. Ее груди прижимались к его надежной, широкой груди, голова бессильно откинулась назад, открывая доступ к хрупким ключицам, которые Энгус покрывал страстными поцелуями, вызывая новый вихрь ощущений.

Когда же их страсть немного утихла, Энгус сказал полушутливо-полусерьезно:

— Теперь этот дом наш. Мы совершили в нем священный обряд жизни!

— Вы неисправимы, Энгус Гамильтон! — засмеялась Лиза, собирая с пола изрядно помятую одежду и натягивая ее.

— Как и вы, моя дорогая *миссис Энгус Гамильтон*, — улыбнулся он, беря жену под руку и выходя из дома на улицу, залитую жаркими солнечными лучами. — Я же лишь подчинялся вашим светлейшим указаниям, и ничего более.

Обернувшись, они посмотрели на дом. Их дом. Дом, о котором всю жизнь мечтала Лиза. А найдя его, поняла, что ее дом — там, где Энгус, а в каком городе, в какой стране, на каком континенте — неважно. Главное — это любовь Энгуса.